

A close-up, high-contrast photograph of a man's face, focusing on his right eye which is a striking, unnatural blue. The lighting is dramatic, with deep shadows and bright highlights. In the background, a human skull is faintly visible, adding a macabre or horror theme to the image.

СЬЮЗЕН ХИЛЛ

ТОЛЬКО
НЕ СМОТРИ
НА НЕЕ

ЖЕНЩИНА
В ЧЕРНОМ

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ СОМЕРСЕТА МОЗМА!

- [Сьюзен Хилл](#)
 - [Женщина в черном](#)
 -
 - [Сьюзен Хилл](#)
 - [Женщина в черном](#)
 - [Сочельник](#)
 - [Лондонский туман](#)
 - [Путешествие на север](#)
 - [Похороны миссис Драбл](#)
 - [По дороге Девять жизней](#)
 - [Заблудившийся экипаж](#)
 - [Мистер Джером напуган](#)
 - [Паучок](#)
 - [В детской](#)
 - [Ты свисти — тебя не заставлю я ждать](#)
 - [Связка писем](#)
 - [Женщина в черном](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
-

Сьюзен Хилл

Женщина в черном

Название: Женщина в черном
Автор: Сьюзен Хилл

Издательство: Астрель
Год издания: 2012
ISBN: 978-5-271-42194-5
Страниц: 224
Формат: fb2

АННОТАЦИЯ

Одиноко и горделиво возвышается над бескрайними соляными болотами особняк Ил-Марш. Артур Киппс — молодой стряпчий — приезжает на похороны хозяйки дома.

Казалось бы, рутинная работа — навести порядок в бумагах последней представительницы старинного рода.

Казалось бы, ничем не примечательная женщина в черном, с которой Артур Киппс сталкивался в церкви на поминальной службе, а затем — на кладбище, во время погребения.

Но отчего в ответ на расспросы Артура все, словно сговорившись, утверждают, что не видели незнакомки в черном?..

Сьюзен Хилл

Женщина в черном

Посвящается Пэт и Чарлзу Гарднерам

Сочельник

Был сочельник, половина десятого вечера. Насладившись предпраздничной трапезой в непринужденной и веселой атмосфере, я покинул столовую и через просторную прихожую дома поместья Монкс направился в гостиную, где у камина уже собралось все мое семейство. Внезапно я остановился и по старой привычке проследовал к парадной двери, распахнул ее и вышел.

Я всегда любил дышать вечерним воздухом: в разгар лета наполненным сладким цветочным благоуханием, осенью — едким от запаха костров и прелой листвы, зимой — морозным и колючим. Мне нравится смотреть в небо, непроглядно-черное или освещенное луной и усеянное звездами, или вглядываться в темноту, окружающую меня со всех сторон. Я люблю слушать крики ночных животных, стон ветра, который то вдруг налетит, то внезапно стихнет, и шорох дождя в ветвях фруктовых деревьев. Блаженно я подставляю лицо бодрящему воздуху, который приносится с пастбищ у реки и устремляется дальше — к вершине холма.

Вот и сегодня стоило мне лишь раз вдохнуть вечерний воздух, как на сердце отлегло — я понял, что погода изменилась. Всю неделю шел холодный проливной дождь, а дом наш и его окрестности окутывал туман. Из окна не было видно ничего, кроме деревьев, росших неподалеку. Погода стояла наисквернейшая — сырая и мрачная. Прогулки не доставляли никакого удовольствия. Для охоты оказалась слишком плохая видимость, а собаки бегали перепачканные грязью и угрюмые. Весь день в доме горел свет, стены в кладовой, в подвале и во флигеле отсырели, стали осклизлыми и издавали кислый запах. Огонь в камине шипел, дымил и едва горел.

Вот уже многие годы погода оказывала огромное влияние на мое душевное состояние, и, должен признаться, если бы не суматоха и атмосфера веселья, царившие во всем доме, я окончательно погрузился бы в уныние и состояние апатии, не смог бы наслаждаться жизнью, как мне того хотелось, и злился бы на свою чрезмерную восприимчивость. Но Эсми неприветливая погода лишь придала бодрости и сил, и наши приготовления к празднованию Рождества в этом году велись с особым рвением и размахом.

Я сделал пару шагов и вышел из тени дома, чтобы осмотреться при свете луны. Особняк Монкс стоял на пологом холме, который поднимался

на высоту в четыреста футов над извиистой речушкой Ни, протекавшей с севера на юг в щедрой и плодородной части нашей страны. Внизу под нами лежали пастбища, чередовавшиеся с небольшими широколиственными лесами. Позади дома открывался совсем другой пейзаж, простиравшийся вдаль на несколько миль: колючий кустарник и поросшая вереском пустошь, дикий уголок посреди возделанных и ухоженных земель. Всего в двух милях от нас находилась большая деревня, а от крупного торгового города нас отделяли семь миль, и все же мы были окружены атмосферой уединения и отчужденности и чувствовали себя отрезанными от цивилизации.

Впервые я увидел поместье Монкс в разгар лета, когда мы вместе с мистером Бентли проезжали мимо в двуколке. Мистер Бентли в прошлом был моим патроном, но в последнее время я продвинулся по службе и стал полноправным партнером в адвокатской конторе, куда изначально поступил на должность младшего клерка и где прослужил всю свою жизнь. К тому времени мистер Бентли уже достиг возраста, когда возникает желание уйти на покой, поэтому потихоньку стал передавать мне бразды правления. Однако не реже чем раз в неделю он посещал нашу контору в Лондоне и сохранил эту традицию, пока не скончался на восемьдесят втором году жизни. Деревенская жизнь сильно привлекала его. Он не питал страсти к охоте или рыбалке и поэтому полностью посвятил себя роли деревенского мирового судьи, церковного старосты, а также начальника всевозможных приходских и административных советов, организаций и комитетов. Я невероятно обрадовался, когда он наконец взял меня в свои полноправные партнеры после стольких лет службы. И хотя я обладал достаточной мерой ответственности и считал, что честно заработал это место своим усердием, чтобы вместе с ним управлять делами фирмы, эта должность все равно казалась мне чрезмерно высокой наградой.

И вот так случилось, что тем воскресным днем я сидел в двуколке рядом с мистером Бентли, наслаждаясь видом утопавших в зелени и овееанных дремотой полей, которые простирались за пышными кустами боярышника, а лошадь легкой рысью везла нас к его огромному и нелепому дому. Я не привык просто сидеть и ничего не делать. В Лондоне почти вся моя жизнь была сконцентрирована на работе, не считая редких свободных минут, которые я проводил у себя в кабинете со своей коллекцией акварелей. Тогда мне было тридцать пять, последние двенадцать лет я жил вдовцом и не особенно любил светскую жизнь. Несмотря на то что внешне я казался достаточно здоровым человеком, я был склонен к нервным расстройствам и недугам, возникшим вследствие переживаний, о которых

мне еще предстоит рассказать. По правде говоря, стареть я начал раньше времени и выглядел угрюмым мужчиной с бледным и сосредоточенным лицом — что и говорить, я производил весьма скучное впечатление.

Когда я отметил прелесть и спокойствие обстановки, мистер Бентли посмотрел в мою сторону и сказал:

— Почему бы вам самому не подумать о том, чтобы обосноваться в этих местах? Купите себе маленький домик... может, где-нибудь там? — И он указал хлыстом в сторону излучины протекавшей под нами реки, где удобно расположилась маленькая деревушка, белые стены домов которой согревало полуденное солнце. — По вечерам в пятницу будете выбираться сюда из города, гулять, дышать свежим воздухом, питаться свежими сливками и яйцами.

Его предложение выглядело заманчиво, но не настолько, чтобы увлечь меня, поэтому я лишь улыбнулся, вдохнул теплый запах травы и полевых цветов, посмотрел на пыль, поднимающуюся из-под копыт лошади, и больше уже не думал об этом. Однако все изменилось, когда дорога привела нас к длинному, на удивление пропорциональному каменному дому. Он стоял на возвышении, откуда открывалась панорама речной долины и поля за ней, простиравшиеся до фиолетово-синих очертаний холмов на горизонте.

В тот момент меня внезапно охватило... даже не могу передать... чувство, желание... нет, скорее, твердая уверенность, вдруг возникшая у меня в душе, настолько ясная и пугающая, что я невольно крикнул мистеру Бентли придержать лошадь. Не успела двуколка остановиться, как я выскочил из нее и забрался на поросший травой холмик. Сначала я взглянул на великолепный дом, который был прекрасно расположен; весьма скромный по внешнему виду, он казался незыблемой твердыней, словно крепость; затем я посмотрел на раскинувшуюся внизу долину. Нет, у меня не возникло ощущение, будто я уже когда-то бывал здесь, но появилась абсолютная уверенность в какой-то невидимой связи.

Сбоку от дома ручей стремительным потоком сбегал вниз к лугу, а оттуда продолжал свой путь к реке.

Мистер Бентли теперь с любопытством взирал на меня из своей двуколки.

— Отличное место! — крикнул он.

Я кивнул, но не смог выразить словами охватившие меня чувства, поэтому отвернулся от него и стал взбираться вверх по холму. Там я увидел ворота, ведущие в огромный фруктовый сад, раскинувшийся позади дома, заросший высокой травой и постепенно превращающийся в непроходимые

дебри. За садом я смог рассмотреть неводеланные равнинные земли. Чувство убежденности, о котором говорил прежде, все еще не покидало меня, и, помню, это даже встревожило, поскольку я не был впечатлительным, не отличался буйной фантазией и уж точно не обладал даром провидения. На самом деле, после пережитых в молодости событий я старательно запрещал себе думать о любых потусторонних явлениях и полностью погрузился в прозаичный мир зримого и осязаемого.

И все же я никак не мог избавиться от чувства, что однажды этот особняк станет моим домом. Рано или поздно, правда, неизвестно когда, я буду его владельцем. После того как я сформулировал эту мысль и воспринял ее, я испытал глубокое чувство умиротворения и удовлетворенности, чего не было со мной уже многие годы. С легким сердцем я вернулся к двуколке, где мистер Бентли ожидал меня, поглядывая в мою сторону с нескрываемым любопытством.

Сильное потрясение, которое я получил около поместья Монкс, еще долго не отпускало меня, даже после того, как я вернулся из деревни в Лондон. Я попросил мистера Бентли непременно сообщить мне, если ему станет известно, что дом выставили на продажу.

Через несколько лет именно так он и поступил. В тот же день я связался с агентом в считанные часы и, не удосужившись даже съездить и еще раз взглянуть на дом, предложил свою цену; мое предложение было принято. Несколькими месяцами ранее я встретил Эсми Эйнли. Наши чувства друг к другу неуклонно росли, но моя проклятая нерешительность в отношении всего, что касалось сферы эмоций и личных отношений, мешала мне строить планы на будущее. Однако у меня хватило ума расценить известие о продаже поместья Монкс как хорошее предзнаменование, и через месяц после того, как я стал владельцем дома, мы с Эсми отправились за город. Там посреди старого фруктового сада я попросил ее руки. Это предложение также было принято, и вскоре мы поженились и переехали жить в поместье Монкс. В тот день я искренне поверил, будто наконец выбрался из мрачной тени прошлого, а по выражению лица мистера Бентли и теплому рукопожатию, которым он меня наградил, я понял, что и он в это поверил и тяжкий груз упал с его плеч. Он винил себя во всем случившемся со мной — ведь именно он послал меня в Кризин-Гиффорд, в особняк Ил-Марш, на похороны миссис Драбл.

Однако мои мысли были невероятно далеко от всего этого в тот сочельник, когда я стоял в дверях моего дома и вдыхал ночной воздух. Прошло четырнадцать лет с тех пор, как поместье Монкс стало для меня

самым счастливым местом на свете, настоящим домом — для нас с Эсми и ее четырех детей от первого брака с капитаном Эйнли. Сначала я приезжал сюда лишь на выходные и праздники, но после покупки дома жизнь в Лондоне и работа стали все больше утомлять меня, и при первой же возможности я с удовольствием перебрался жить за город.

Вот теперь моя семья снова собралась в нашем любимом доме, чтобы вместе отпраздновать Рождество. Через минуту я открою дверь и услышу голоса, доносящиеся из гостиной, если только моя супруга не позовет меня раньше и не начнет отчитывать, что я могу простудиться. И в самом деле, погода наконец-то выдалась на удивление ясной и холодной. Все небо было усыпано звездами, а полную луну окружал морозный ореол. Сырость и туман, мучившие нас на прошлой неделе, растворились как воры в ночи, тропинки и стены дома слабо поблескивали, а изо рта вырывался пар. Наверху, в спальне под крышей, трое сыновей Изобель — внуки Эсми — спали, привязав к столбикам своих кроватей носки. И пускай, проснувшись, они не увидят за окном снега, но по крайней мере рождественское утро будет ясным и радостным.

Той ночью в воздухе было что-то особенное, что воскрешало мои детские ощущения и, несмотря на мой преклонный возраст, наполняло грудь волнением. Вероятно, это настроение перешло ко мне от маленьких мальчиков. Я и представить себе не мог, что мои мысли будут настолько взбудоражены и картины прошлого, которые я считал давно умершими, опять воскреснут. Мне казалось невероятным снова очутиться во власти смертельного ужаса и душевного смятения, несмотря на то что причиной этому будут всего лишь яркие воспоминания и ночные кошмары.

Бросив последний взгляд в морозный сумрак, я с удовлетворением вздохнул, позвал собаку и вошел в дом. Я думал лишь о трубке и стакане хорошего солодового виски, которыми смогу насладиться у потрескивающего камина в окружении моей семьи. Когда я пересек коридор и вошел в гостиную, мною тут же овладело ощущение благоденствия, не покидавшее меня все время, что я жил в поместье Монкс, чувство, которому вполне закономерно сопутствовало другое — сердечная благодарность. Я вознес хвалу Господу, когда увидел моих близких, уютно расположившихся вокруг пылающего камина, где Оливер разжег необычайно яркое и опасно высокое пламя, положив в очаг большую ветку старой яблони, которую мы срубили в нашем саду еще осенью. Оливер был самым старшим из сыновей Эсми и всегда отличался удивительным сходством и со своей сестрой Изобель (сидевшей рядом со своим мужем — бородатым Обри Пирсом), и с младшим братом Уиллом. У всех троих были

приятные округлые простые английские лица со светло-каштановыми бровями, ресницами и волосами — точно такими же, как у их матери, пока ее волосы не тронула седина.

В то время Изабель едва исполнилось двадцать четыре года, но она уже родила троих сыновей и хотела еще иметь детей. В ней чувствовались какая-то особенная мягкость и спокойствие, присущие замужней женщине, она была привязана к матери и заботилась о своем муже и братьях как о собственных детях. Казалось, трудно найти женщину более ответственную и благоразумную, нежную и любящую. В спокойном и уравновешенном Обри Пирсе она нашла идеального спутника жизни. И все же временами я замечал, что Эсми поглядывает на нее с тоской; жена не раз делилась со мной, пусть и в очень деликатной манере, как ей хочется, чтобы Изабель была не такой степенной, а чуть более веселой или даже легкомысленной.

Но положа руку на сердце я не разделял ее желаний. Я надеялся, что наше тихое и спокойное море ничто не потревожит.

Оливер Эйнли, которому было тогда девятнадцать, и его брат Уилл, на четырнадцать месяцев моложе его, производили впечатление одинаково серьезных, угрюмых молодых людей, однако в ту пору еще не утративших мальчишеской жизнерадостности. Я считал, что Оливер вел себя слишком легкомысленно для юноши, уже отучившегося год в Кембридже и которому, если он, конечно, собирался внять моим советам, была уготована юридическая карьера. Уилл лежал на животе перед камином, подперев руками подбородок, лицо его покраснелось. Оливер сидел рядом. Время от времени они начинали сучить своими длинными ногами, толкать и колотить друг друга, сопровождая свои действия грубым гоготом, словно они снова стали десятилетними мальчишками.

Младший сын Эсми — Эдмунд, — по обыкновению, сидел в стороне от остальных. Он вел себя так не из-за враждебности или замкнутого нрава, но от своей врожденной утонченности, сдержанности и страсти к уединению, что всегда его отличало от остальных членов семейства Эсми. Даже внешне он не был похож на них: бледный, длинноносый, с иссиня-черными волосами и голубыми глазами. Эдмунду уже исполнилось пятнадцать. Я знал его давно, но понимал с большим трудом и всегда в его присутствии испытывал чувство неловкости, хотя по-своему любил, даже в какой-то степени сильнее, чем других детей.

Гостиная в особняке Монкс представляла собой длинную комнату с низким потолком и высокими окнами, расположенными друг против друга. Теперь шторы были плотно задернуты, но днем помещение прекрасно освещалось с севера и юга. В тот вечер над камином висели фестоны и

гирлянды из свежих хвойных ветвей, собранных днем Эсми и Изобель, в них вплели ягоды, золотые и алые ленты. В противоположном конце комнаты стояла рождественская ель со свечами и игрушками, а под ней — целая гора подарков. Были и цветы — белые хризантемы в вазах, а посреди комнаты на круглом столике, сложенные пирамидкой, лежали позолоченные фрукты и возвышалась чаша с апельсинами, посыпанными гвоздикой. Их пряный аромат наполнял комнату и смешивался с запахом хвои и дыма. Именно так и должно пахнуть настоящее Рождество.

Я уселся в свое кресло, немного отодвинул его от огня и принялся чистить и раскуривать трубку. Когда же я наконец затаился, то понял, что прервал душевную беседу, которую Оливеру и Уиллу не терпелось продолжить.

— Итак, — сказал я, выпуская небольшое облачко табачного дыма, — что все это значит?

Последовала пауза. Эсми покачала головой и улыбнулась, склонившись над своей вышивкой.

— Подождите...

Оливер внезапно вскочил и начал быстро ходить по комнате, выключая каждую лампу, кроме тех, что были на рождественской елке, стоявшей у противоположной стены. Когда он вернулся на место, камин остался единственным источником света, позволявшим нам разглядеть лица друг друга. Эсми недовольно заворчала, однако ей пришлось отложить шитье.

— Вот теперь можно продолжать, — с довольным видом заявил Оливер.

— Какие же вы еще мальчишки...

— Ну, давай, Уилл. Ведь теперь твоя очередь?

— Нет, Эдмунда.

— Верно, — сказал самый младший из братьев Эйнли неестественно низким голосом. — Я мог бы рассказать вам такое!

— А свет обязательно было гасить? — поинтересовалась Изобель таким тоном, словно она разговаривала к маленьким мальчиком.

— Да, сестренка, обязательно. Мы должны создать особую атмосферу.

— Но не уверен, что у меня получится, — заключил Эдмунд.

Оливер глухо застонал:

— Так есть желающие продолжать или нет?

Эсми наклонилась ко мне:

— Они рассказывают истории о привидениях.

— Да! — воскликнул Уилл с ликованием в голосе. — Самая лучшая рождественская традиция. К тому же очень древняя. Одиноким загородным

дом, гости собираются в темной комнате, за окнами завывает ветер... — Оливер снова протяжно застонал.

В этот момент раздался флегматичный, добродушный голос Обри:
— Ну, так приступайте скорее.

Только этого они и ждали: Оливер, Эдмунд и Уилл принялись наперебой рассказывать леденящие кровь истории, одну страшнее другой, сопровождая свои повествования театральными завываниями и нарочито страшными криками. Они изо всех сил старались превзойти друг друга в изобретательности, их истории были сущим нагромождением кошмаров. Молодые люди рассказывали о каменных стенах в заброшенных замках, из которых сочилась кровь, и об увитых плющом, освещенных лунным светом развалинах монастырей; о потайных комнатах и секретных подземных темницах; о сырых склепах и заросших бурьяном кладбищах; о скрипящих под ногами лестницах и невидимых пальцах, стучащих в окна; о завываниях и стогах, о лязганье цепей. Были там истории о затонувших кораблях и таинственных монахах в капюшонах, о безголовых всадниках, о клубящемся тумане и ураганах, о призраках-невидимках и привидениях, о вампирах и вурдалаках, о летучих мышах, крысах и пауках, о пропавших мужчинах, которых находили на рассвете, и о женщинах, чьи волосы внезапно становились белыми; о лунатиках, что бродят по ночам, об исчезнувших трупах и семейных проклятиях. Истории становились все более жуткими, безумными и глупыми, и вскоре крики и вопли юношей перешли в сдавленный смех, и все, даже тихая Изобель, стали придумывать новые ужасающие подробности.

Сначала я смотрел на них со снисхождением, меня это даже забавляло. Но постепенно, сидя в комнате, освещенной лишь пламенем камина, и слушая их, я вдруг почувствовал себя каким-то отверженным, словно стал чужаком в их кругу. Я попытался подавить растущее во мне чувство тревоги, сдержать внезапно хлынувший поток воспоминаний.

Это было подобно спорту, веселая и безобидная игра, которой молодые люди развлекаются во время праздника, а также древняя традиция, как правильно заметил Уилл. В происходящем не было ничего вызывающего беспокойство, тревогу или неодобрение. Я не желал прослыть брюзгой, старым, нудным и лишенным воображения человеком, мне самому хотелось поучаствовать в этом действе, которое представлялось мне всего-навсего хорошей забавой. В моей душе разгорелась жестокая битва, я отвернулся от очага, чтобы никто не увидел выражение моего лица, поскольку на нем появились признаки смятения.

А потом, словно подыгрывая пронзительному, как у банши,^[1] визгу

Эдмунда, бревно в камине вспыхнуло и треснуло, взметнуло в воздух вихрь искр и пепла и вдруг погасло. Комната почти полностью погрузилась во мрак. Воцарилась тишина. Я вздрогнул. Мне хотелось встать и снова зажечь свет, увидеть сверкание и блеск разноцветных рождественских игрушек, чтобы пламя в очаге вновь весело запылало, я желал отогнать внезапно охватившие меня холодный озноб и страх, возникший в моей груди. Но я не мог пошевелиться, на мгновение меня словно парализовало, как всегда бывало в подобных случаях. Мною овладело давно забытое и вместе с тем такое знакомое чувство.

А потом Эдмунд сказал:

— Теперь ваша очередь, отчим, — и в тот же миг тишину разорвали настойчивые крики, и даже Эсми присоединилась к ним.

— Нет, нет, — я старался, чтобы мой голос звучал весело. — Ничего не буду рассказывать.

— О, Артур...

— Неужели вы не знаете ни одной истории о привидениях, отчим? Все знают хотя бы одну...

О да-да, я знал! Все это время, что я слушал их безумные, жуткие выдумки, их завывания и стоны, я думал лишь об одном и смог ответить лишь следующее:

— Нет-нет, вы даже не имеете представления, о чем говорите. Все это вздор, фантазии, не более того. Все эти душераздирающие, зловещие истории просто нелепы... смешны. На самом деле все обстоит иначе и намного страшнее.

— Да ладно вам.

— Зачем портить всем настроение?

— Артур!

— Сделайте то, о чем вас просят. Не подведите нас!

Я встал, не в силах больше этого выносить.

— Боюсь, мне придется вас разочаровать, — проговорил я. — Но я не знаю ни одной истории, которую мог бы вам поведать. — С этими словами я быстро покинул комнату, а потом и дом.

Пятнадцать минут спустя я пришел в себя и понял, что нахожусь в зарослях фруктового сада. Я тяжело дышал, а мое сердце бешено стучало. Все это время я пребывал в состоянии крайнего возбуждения и теперь осознавал, что необходимо успокоиться, поэтому сел на обломок старого, покрытого мхом камня и медленно, равномерно задышал. Я глубоко вдыхал, считал до десяти, а потом выдыхал. И повторял это до тех пор, пока напряжение внутри не стало ослабевать, пульс не выровнялся, а

мысли не упорядочились. Через некоторое время ко мне вернулось ощущение пространства: надо мной было чистое небо с яркими звездами, воздух был холодным, под ногами хрустела покрытая инеем трава.

Я знал, что в доме у меня за спиной осталась моя семья. Вероятно, сейчас они были в замешательстве, ибо они всегда видели во мне человека уравновешенного, чьи эмоции легко предугадывались. Мои родные, наверное, не могли понять, почему они вызвали у меня явное неодобрение и спровоцировали столь резкое поведение с моей стороны, рассказав несколько глупых историй. Я должен как можно скорее вернуться к ним, исправить ситуацию, попытаться загладить свою вину и восстановить атмосферу радости. Но я понимал, что не смогу объяснить. Нет, я просто постараюсь держаться весело и непринужденно ради моей супруги, но не более того.

Они, наверное, упрекали меня, что я испортил им забаву, хотели, чтобы я рассказал им историю о привидениях, поскольку я, как и любой человек, должен знать подобные байки. Впрочем, я действительно знаю одну историю, правдивую историю, о призраках и злобе, о страхе и смятении, об ужасе и трагедии. Но это вовсе не то, о чем потехи ради рассказывают у камина в сочельник.

Сердцем я чувствовал: пережитое никогда не покинет меня, оно пронизывало все мое существо и было неотъемлемой частью моего прошлого, но я надеялся, что смогу заставить себя обо всем забыть и мне уже не придется восстанавливать в памяти от начала и до конца. Словно старая рана, оно время от времени напоминало о себе легкой болью, которая с годами слабела, по мере того как мое семейное счастье и душевное спокойствие укреплялись. В последнее время оно стало подобно легкой ряби на воде, всего лишь смутным отголоском воспоминаний.

Но сегодня былая трагедия снова заполнила мои мысли, вытеснив оттуда все остальное. Я знал, что мне никогда не узнать покоя и я буду лежать без сна в холодном поту, заново воссоздавая то время, события, вспоминая те места. Так повторялось ночь за ночью долгие годы.

Я встал и снова принялся ходить по саду. Завтра — Рождество. Неужели даже в этот благословенный день я не почувствую себя свободным? Неужели нет средства, подобно обезболивающему или мази, облегчающей боль в ране, пусть и временно, которое сдержало бы воспоминания и то пагубное воздействие, которое они на меня оказывали? И вот пока я стоял среди посеребренных лунным светом фруктовых деревьев, меня вдруг осенило: чтобы избавиться от старого призрака, который неуклонно преследует меня, нужно изгнать его, как нечистого

духа. Я должен изгнать своего призрака. Мне необходимо рассказать мою историю, но не вслух у камина, ибо это не забава для праздных слушателей, слишком уж она была мрачной и реальной. Я изложу ее тщательно и во всех подробностях на бумаге. Я решил, что напишу мою историю о привидениях. А потом, возможно, смогу наконец освободиться и спокойно прожить отведенное мне время.

В тот момент я подумал, что эту историю никто не должен прочитать. По крайней мере пока я жив. Лишь меня преследовал призрак, только я пострадал от его деяний — я знал, существовали и другие, но рассудил, что никого из них в живых уже не осталось. Судя по охватившей меня тогда тревоге, я все еще сильно переживал случившееся, поэтому именно мне предстояло изгнать призрака.

Я поднял голову и посмотрел на луну и на Полярную звезду, сиявшую ослепительно ярким светом. Сочельник. Преисполненный глубокого чувства, я стал молиться, произносил про себя простые слова молитвы и просил дать мне силы и стойкости, чтобы они не покинули меня, пока я не закончу самое мучительное дело в моей жизни. Я молил Господа благословить мою семью и подарить всем нам тихую ночь. Пускай я теперь и управлял своими чувствами, но по-прежнему страшился часов, которые мне предстояло провести наедине с тьмой.

Словно ответом на мою молитву стали давно забытые строки, которые вдруг всплыли в моей памяти. Позже я прочитал их вслух Эсми, и она тут же сказала, откуда они.

Еще толкуют, будто в ночь на праздник
Рождения Спасителя-Христа
Певец зари поет всю ночь до утра.
Тогда блуждать не смеют злые духи,
Безвредно звезд теченье, ночь чиста,
Бессильны чары ворожей и ведьм —
Так непорочно, свято это время. ^[2]

Я процитировал эти строки вслух, и покой снизошел на мою душу, мне удалось восстановить внутреннее равновесие, но я по-прежнему был тверд в своем намерении. После праздников, когда члены моей семьи разъедутся и мы с Эсми останемся одни, я начну писать мою историю.

Я вернулся в дом. Изобель и Обри уже поднялись наверх, чтобы вместе совершить радостный ритуал — тайком прокрасться в комнату своих сыновей и положить в их носки подарки. Эдмунд читал, а Оливер и

Уилл ушли в свою старую игровую комнату, которая располагалась в противоположном конце дома, где стоял выдавший виды стол для бильярда. Эсми приводила в порядок гостиную и собиралась отойти ко сну. О вечернем происшествии не было сказано ни слова, хотя на ее лице читалось беспокойство, и я сослался на внезапный приступ несварения, чтобы оправдать свое неожиданное поведение. Я позаботился об очаге, погасил огонь и вытряхнул трубку, постучав ею о край камина. Мною снова овладели покой и умиротворение, я больше не боялся тех ужасов, которые мне приходилось переживать в одиночестве во сне или в предрассветные часы бодрствования.

Завтра Рождество, и я с радостью ожидал его. Это будет время семейного воссоединения и всеобщего праздника, время дружбы и любви, время радости и смеха.

А когда все закончится, я приступлю к моей работе.

Лондонский туман

Это случилось в понедельник после полудня. Стоял ноябрь. На улице уже начало темнеть, но не потому, что время было позднее (часы еще не пробили и трех); причина заключалась в тумане, невероятно густом лондонском тумане, который окутал город еще на рассвете. Если в тот день вообще наступал рассвет — туман не позволял ни одному солнечному лучику проникнуть сквозь зловещий сумрак.

Туман был на улице: он висел над рекой, расползлся по аллеям и переулкам, клубился густой дымкой между деревьями во всех парках и садах; проникал он и в дома, подобно зловонному дыханию просачиваясь сквозь щели и трещины, закрадываясь через самые маленькие скважины в дверях. Это был желтый грязный туман, издававший отвратительный запах, он удушал и ослеплял, пачкал и пятнал. Люди, рискуя жизнью, вслепую брели по тротуарам, хватались за ограждения и друг за друга в надежде найти опору или провожатого.

Звуки были приглушены, силуэты людей и очертания предметов размыты. Туман явился в город три дня назад и, судя по всему, не собирался уходить. Мне кажется, у всех подобных туманов есть общие черты: они таят в себе угрозу и нагоняют страх, скрывают от людей знакомый мир и сбивают их с толку, примерно так же запутывают водящего в жмурках, когда завязывают ему глаза и начинают раскручивать.

По правде говоря, это был самый ужасный месяц в году, когда отвратительная погода, как никогда, способствовала упадку духа.

Теперь, оглядываясь назад, я мог бы с легкостью убедить себя, что в тот день у меня было дурное предчувствие относительно предстоящего путешествия, что некое шестое чувство — интуиция или телепатия, — о существовании которого большинство людей даже не догадываются и потому не используют его, взбудоражило и растревожило меня. Но тогда, в дни моей юности, я был довольно смелым и здравомыслящим молодым человеком, не подверженным мрачным предчувствиям и необъяснимой тревоге. Поэтому подавленное состояние, обычно не свойственное моей жизнерадостной натуре, было, как мне казалось, вызвано исключительно туманом, а в ноябре подобное мрачное настроение овладевало большинством лондонцев.

Насколько я помню, в тот момент я не испытывал никаких других чувств, кроме любопытства и профессионального интереса, основанного на

тех скудных сведений, которые предоставил мне мистер Бентли. К этому стоит добавить предвкушение легкого приключения, ведь я никогда не посещал столь отдаленную часть Англии, куда мне надлежало отправиться, и довольно сильное облегчение из-за того, что мне предстояло покинуть нездоровый лондонский климат с его туманами и вечным сумраком. К тому же мне только исполнилось двадцать три года, и я еще не утратил юношеского интереса к вокзалам и путешествиям на паровозах.

Но вот что особенно примечательно: тот день я запомнил в мельчайших подробностях, хотя со мной еще не случилось ничего плохого и нервы мои были совершенно спокойны. Стоит мне закрыть глаза, и я представляю себе, как сижу в такси, пробирающемся сквозь туман в сторону вокзала Кингс-Кросс. Я даже чувствую запах сырой, холодной кожи в салоне и невыразимое зловоние тумана, который просачивался через окно, а в ушах вновь возникает это неприятное ощущение, словно их заткнули ватой.

Пока мы путешествовали по этим кругам ада, время от времени нам попадались пятна сернисто-желтого цвета, они вспыхивали на вывесках магазинов и в окнах наверху, вырывались из темных, как колодцы, подвалов, подобно адскому пламени; огненно-красные точки горели над палатками продавцов орехов на углах улиц. Здесь — огромный, бурлящий котел с дегтем для починки дороги булькал и дымил зловещим красным дымом; а там — фонарщик держал высоко над головой свой фонарь, который раскачивался и мигал.

На улице было шумно: визжали тормоза, гудели машины, слышались крики сотен водителей, ослепленных туманом и вынужденных снижать скорость. Когда я высунулся из окна такси и посмотрел в полумрак, фигуры людей, на ощупь пробирававшихся сквозь мглу, показались мне призраками: их рты были замотаны шарфами, а лица скрыты вуалями или платками, они пытались хоть немного обезопасить себя и держались поближе к источникам света, отчего лица приобретали зловещее выражение, а глаза — красноватый отблеск.

Почти пятьдесят минут ушло на милю, отделявшую парламент от вокзала. Естественно, была серьезная причина для столь медленного продвижения, а поскольку ничего невозможно было поделаться, я откинулся на спинку сиденья и попытался утешить себя, что это самая худшая часть путешествия, после чего стал вспоминать утренний разговор с мистером Бентли.

В то утро я добросовестно работал над скучным договором о передаче прав на аренду и на какое-то время даже забыл о тумане, который, словно

мохнатый зверь, подобрался к окну у меня за спиной, когда клерк по фамилии Тоумс пригласил меня в кабинет мистера Бентли. Тоумс был маленьким человечком, худеньким, словно спичка, и бледным, как сальная свеча. Он постоянно простуживался и непрерывно шмыгал носом, из-за чего его посадили в тесную каморку рядом с прихожей, где он вел грессбух и принимал посетителей с выражением такой скорби и муки на лице, что клиенты тут же задумывались о завещании независимо от того, по какому вопросу они являлись к юристу.

Перед мистером Бентли как раз лежало завещание, когда я вошел в его большой, удобный кабинет с широким эркером, из которого в ясные дни открывался прекрасный вид на Судебные Инны^[3] и сады, где бывала добрая половина юристов Лондона.

— Садитесь, Артур, садитесь. — Мистер Бентли снял очки, энергично протер их и снова водрузил себе на нос, после чего с довольным видом откинулся на спинку кресла. Мистер Бентли собирался рассказать историю, и он любил, когда его внимательно слушают.

— Полагаю, я еще не рассказывал вам об эксцентричной миссис Драблону?

Я покачал головой, понимая, что в любом случае это будет интереснее, чем договор о передаче прав найма.

— Миссис Драблону, — повторил он и, взяв в руки завещание, помахал им над столом. — Миссис Элис Драблону из поместья Ил-Марш. Видите ли, она умерла.

— Ах вот оно как.

— Я унаследовал дело Элис Драблону от моего отца. Их семья вела дела с нашей фирмой лет эдак... ох... — Он махнул рукой в сторону туманного прошлого века, когда и была основана фирма «Бентли, Хэй, Свитман и Бентли».

— Правда?

— Да, она прожила долгую жизнь. — Он снова взмахнул завещанием. — Ей было восемьдесят семь лет.

— И, как я понимаю, сейчас у вас в руках ее завещание?

— Миссис Драблону, — он слегка повысил голос и проигнорировал мой вопрос, нарушавший ход его повествования, — миссис Драблону была, как говорится, с чудинкой.

Я кивнул. За пять лет работы в фирме я понял, что львиная доля старых клиентов мистера Бентли была, по его собственному выражению, «с чудинкой».

— Вы когда-нибудь слышали о насыпной дороге Девять жизней?

— Нет, никогда.

— И вам ничего не известно про Ил-Марш в ...шире?

— Нет, сэр.

— Значит, как я полагаю, вы не бывали в том графстве?

— Боюсь, что нет.

— Однако, живя там, — задумчиво проговорил мистер Бентли, — любой станет чудачком.

— Я лишь имею смутное представление, где это находится.

— Как бы там ни было, мой мальчик, ступайте сейчас же домой и соберите вещи. Сегодня днем вы должны сесть на поезд на вокзале Кингс-Кросс, сделать пересадку в Кру, а потом еще одну — в Хомерби. От Хомерби вы поедете по железной дороге до маленького торгового городка Кризин-Гиффорд. После этого вам придется дожидаться, когда закончится прилив.

— Прилив?

— Да, дорогой Девять жизней можно воспользоваться только во время отлива. По ней вы и доберетесь до особняка Ил-Марш.

— Который принадлежал миссис Драблоу?

— Когда вода поднимется, вы будете отрезаны от внешнего мира, и вам придется снова ждать отлива. Удивительное место. — Он встал и подошел к окну. — Разумеется, прошло уже много лет с тех пор, как я побывал в тех краях. Отец возил меня туда. Миссис Драблоу не отличалась особым гостеприимством.

— Она была вдовой?

— Да, и овдовела довольно рано.

— У нее остались дети?

— Дети... — Мистер Бентли на какое-то время замолчал и стал водить пальцем по оконному стеклу, словно пытаясь стереть сумрак за окном, но туман по-прежнему висел в воздухе: серо-желтый и невероятно густой, так что свет в окнах Судебных Инн был едва различим. Зазвонил церковный колокол. Мистер Бентли обернулся.

— Насколько нам известно, — осторожно сказал он, — у миссис Драблоу не было детей. Нет, точно не было.

— Она оставила после себя большое состояние или обширные земельные угодья? Ее дело можно назвать сложным?

— В общем-то нет, Артур, в общем-то нет. Разумеется, она владела домом и кое-какой собственностью в Кризин-Гиффорде: лавки, доходный дом и ферма, правда, последняя находится в довольно жалком состоянии и наполовину затоплена. Миссис Драблоу выделяла деньги на строительство

двух дамб в тех местах, но не сказать, чтобы ее особенно занимала эта затея. И конечно, у нее было немного акций и облигаций.

— Значит, все довольно просто.

— Несомненно, а почему бы нет?

— Можно поинтересоваться, зачем мне туда ехать?

— Представлять нашу фирму на похоронах клиента.

— Ну да, конечно.

— Сначала, само собой разумеется, я думал поехать сам. Но, честно говоря, в последнюю неделю меня сильно беспокоила моя нога. — Мистер Бентли страдал от подагры, но никогда не произносил этого слова вслух, хотя у него не было никаких причин стыдиться своей болезнью, ибо он слыл человеком на редкость воздержанным. — К тому же не исключено, что лорд Болтроп захочет видеть меня. Поэтому, как вы понимаете, я должен остаться.

— Да, безусловно.

— И потом... — он сделал паузу, — мне кажется, настал подходящий момент переложить часть моих обязанностей на ваши плечи. Вы ведь справитесь с ними?

— Я очень на это надеюсь. И я, конечно, буду рад присутствовать на похоронах миссис Драбл.

— Есть и еще кое-что, имеющее отношение к этому делу.

— Завещание?

— Да, нужно будет уладить кое-какие дела, связанные с домом. Я подробно обо всем написал, и в дороге вы сможете ознакомиться с деталями. Но главное, вы должны изучить документы миссис Драбл, ее личные бумаги... какими бы они ни были. И где бы ни находились... — Мистер Бентли крикнул. — А потом привезти их сюда, мне в контору.

— Понятно.

— Миссис Драбл была человеком очень... неорганизованным, если можно так выразиться. Поэтому вам придется потратить на это некоторое время.

— Пару дней?

— Это в лучшем случае, Артур. Разумеется, все может оказаться иначе, не исключено, что я заблуждаюсь... в доме царит абсолютный порядок, и вы управитесь за один день. Я же сказал, что уже много лет не бывал там.

Дело принимало неожиданный оборот и напоминало теперь какой-то викторианский роман, где старая леди, долгое время проживавшая в уединении, хранила документы, которые были спрятаны в недрах ее

заваленного ветошью дома. Я едва ли принял слова мистера Бентли всерьез.

— Мне кто-нибудь поможет?

— Основная часть имущества отходит по завещанию внучатой племяннице и племяннику... но они оба сейчас в Индии, где живут уже более сорока лет. Еще, кажется, имелась экономка... но подробнее вы узнаете обо всем на месте.

— У нее наверняка были друзья... или соседи?

— Особняк Ил-Марш расположен очень уединенно.

— А друзей ей завести не удалось, поскольку она была чудаковатой особой?

Мистер Бентли усмехнулся:

— Да ладно вам, Артур, ищите во всем положительные стороны. Отнеситесь к этой поездке как к увеселительной прогулке.

Я встал.

— По крайней мере вы хотя бы на пару дней избавитесь от этого. — Он махнул рукой в сторону окна.

Я кивнул. В действительности я не имел ничего против этой поездки, хотя и видел, что мистер Бентли не сдержался и слегка приукрасил свою историю, добавив немного драматизма в тайну миссис Драбл, которая жила в своем старом доме со скрипучими половицами. Я предполагал, что дом окажется всего-навсего холодным и неудобным, к тому же до него будет трудно добраться; похороны будут печальными и унылыми; а бумаги, которые мне предстоит найти, обнаружатся на чердаке под кроватью в покрытой толстым слоем пыли коробке из-под обуви, где будут сложены старые расписки и черновики писем, написанных различным адресатам, — именно такие бумаги обычно мы находили у клиентов-женщин. Я уже подошел к двери, когда мистер Бентли добавил:

— Вы доберетесь до Кризин-Гиффорда сегодня поздно вечером, там есть маленький отель, где можно остановиться. Похороны назначены на завтра, на одиннадцать часов.

— А после этого я должен поехать в тот дом?

— Я уже обо всем договорился... у меня там есть знакомый среди местных жителей... он свяжется с вами.

— Да, но...

В этот момент Тоумс неожиданно возник у меня за спиной и засопел мне в плечо:

— Мистер Бентли, пришел клиент, которому была назначена встреча в десять тридцать.

— Хорошо, проводите его.

— Подождите, мистер Бентли...

— В чем дело, Артур? Что вы там маячите в дверях, дружище? Мне нужно работать.

— Разве вы ничего больше не хотели сказать мне? Я...

Он нетерпеливо махнул рукой, тут снова появился Тоумс в сопровождении клиента, которому было назначено на десять тридцать. Я покинул кабинет.

Мне еще предстояло разобрать рабочий стол, вернуться в свою квартиру, упаковать вещи, сообщить квартирной хозяйке о своем отсутствии в течение пары ночей и написать письмо моей невесте Стелле. Я очень надеялся, что ее огорчение, связанное с моим неожиданным отъездом, смягчится чувством гордости. Ведь теперь мистер Бентли стал доверять мне ведение дел фирмы, а это было хорошим знаком и открывало прекрасные перспективы, от которых зависела наша свадьба, запланированная на следующий год.

После этого в тот же день я должен был сесть на поезд и отправиться в отдаленную часть Англии, о которой еще несколько минут назад даже не слышал. Когда я выходил из конторы, Тоумс отодвинул стекло в своей камерке и протянул мне толстый коричневый конверт с надписью «Драблону». Сжимая его в руке, я вышел навстречу удушающему лондонскому туману.

Путешествие на север

Как правильно заметил мистер Бентли, каким бы большим ни было расстояние и какой бы печальной ни казалась цель моего путешествия, оно избавляло меня от лондонского тумана, а перспектива увидеть огромные своды вокзала, светящиеся, словно гигантская кузница, неизменно поднимала мне настроение. Здесь повсюду слышался лязг металла, и меня невольно охватывало радостное волнение перед скорым отъездом. В книжной лавке я купил себе газет и журналов и легкой походкой направился вдоль платформы мимо дымящего и пыхтящего поезда. Поезд, насколько я помню, назывался «Сэр Бедивер».^[4]

Я занял место в углу пустого купе, положил пальто, шляпу и мой багаж на полку и удобно устроился, почувствовав полное удовлетворение. Когда поезд выехал из Лондона, туман был виден над предместьями, но постепенно становился бледнее и рассеивался, что не могло не обрадовать меня. К этому времени в купе вошли еще два пассажира, но мы лишь обменялись легкими кивками, после чего они последовали моему примеру и погрузились в чтение газет и документов. Так, без приключений, мы ехали милю за милей, направляясь в самое сердце Англии. За окнами быстро стемнело, а когда мы задвинули шторы, купе стало напоминать уютный кабинет, освещенный светом лампы и отгороженный от остального мира.

В Кру я без особых затруднений пересел на другой поезд и продолжил путешествие. Я обратил внимание, что дорога начала сворачивать на северо-восток. Однако когда мне снова пришлось сделать пересадку на маленькой станции под названием Хомерби, погодные условия изменились не в лучшую сторону: сильно похолодало, а с востока подул резкий ветер, принесший с собой морозящий дождь. К тому же в поезде, где мне предстояло провести последний час моего пути, были старые неудобные купе с сиденьями, обтянутыми невероятно жесткой кожей и набитыми твердым конским волосом, и полками для багажа, сколоченными из мелких деревянных досок.

До последней секунды мне казалось, что я буду ехать один не только в купе, но и во всем поезде. Однако как только раздался свисток дежурного по станции, какой-то мужчина вышел на платформу, посмотрел на унылые ряды пустых вагонов, увидел меня и, явно предпочитая ехать в чьем-то обществе, зашел в мой вагон, захлопнув за собой дверь в тот момент, когда

поезд тронулся. Облако холодного сырого воздуха, ворвавшееся вместе с незнакомцем, выстудило и без того неуютное купе. Вошедший стал расстегивать пуговицы на своем пальто, а я вслух заметил, что вечер выдался отвратительным. Он окинул меня с головы до ног пристальным, но отнюдь не враждебным взглядом, затем посмотрел на мои вещи, лежавшие на полке, и лишь после этого кивком поприветствовал меня.

— Кажется, я променял одну мерзкую погоду на другую. Я выехал из Лондона в ужасный туман, а здесь так холодно, что того и гляди пойдет снег.

— Снега не будет, — заверил он меня. — К утру ветер стихнет и унесет дождь с собой.

— Рад слышать это.

— Но если вы надеетесь спастись здесь от тумана, то очень заблуждаетесь. В этих краях туманы — частые гости.

— Неужели?

— Да. Их приносит с моря. И некоторое время они висят над болотами. Такова особенность этих мест. Сначала ясно, как в солнечный июньский день, а потом... — он сделал выразительный жест, подчеркивая неожиданность появления тумана, — полный мрак. Но если вы собираетесь остановиться в Кризине, то вряд ли увидите нечто подобное.

— Я останусь в городе на одну ночь, в гостинице «Гиффорд армс». А завтра утром думаю поехать на болота.

Затем, не желая обсуждать с ним подробности моего дела, я снова взял в руки газету и демонстративно развернул ее. Некоторое время мы тряслись в этом дрянном поезде в полной тишине, нарушаемой лишь пыхтением паровоза, стуком металлических колес о рельсы, редкими свистками и яростными атаками дождя, колотившего в окна, словно артиллерийский огонь.

Я почувствовал усталость из-за долгого переезда, холода и постоянного пребывания в сидячем положении в трясущемся и дергающемся поезде и с нетерпением ожидал, когда окажусь у теплого очага, поужинаю и наконец-то лягу спать. Я продолжал скрываться за страницами газеты, хотя уже прочитал ее всю и поэтому принялся украдкой изучать моего попутчика. Это был довольно крупный мужчина с мясистым лицом и огромными грубыми ручищами. Его правильную речь портил легкий акцент, который я принял за местный диалект. Я предположил, что это фермер или владелец какого-нибудь небольшого предприятия. На вид ему было лет пятьдесят или даже шестьдесят, на нем был костюм из хорошей ткани, однако довольно безвкусного фасона, а на левой руке я

заметил тяжелый, толстый перстень с печаткой, который выглядел модной, но несколько вульгарной деталью, дополнявшей образ. Я решил, что он сравнительно недавно заработал или получил крупное состояние и теперь хотел поделиться своей удачей с окружающим миром.

С юношеским самодовольством я вынес своему попутчику вердикт, после чего перестал думать о нем и мысленно вернулся в Лондон к Стелле. Я вновь ощутил боль в затекшем теле и холод в вагоне, лишь когда мужчина неожиданно проговорил: «Миссис Драбл». Я опустил газету и вдруг понял, что эти два слова эхом разнеслись по пустому купе, так как поезд остановился и единственными звуками, доносившимися до меня, стали завывание ветра и едва слышное шипение пара где-то далеко впереди.

— Драбл. — Он указал на мой коричневый конверт, в котором были бумаги, касавшиеся дела Драбл. Я положил его на сиденье рядом с собой.

Я надменно кивнул.

— Только не говорите, что вы ее родственник.

— Я — ее поверенный, — уточнил я, наслаждаясь звучанием этих слов.

— Так вы едете на похороны?

— Совершенно верно.

— Кроме вас, там, наверное, почти никого не будет.

Неожиданно мне захотелось побольше разузнать об этом деле, тем более что мой попутчик явно располагал некоторыми сведениями.

— Насколько мне известно, у нее не было друзей и близких родственников и она вела довольно замкнутый образ жизни. Что ж, иногда это случается с пожилыми людьми. Они замыкаются в себе и становятся немного эксцентричными. Думаю, это все от одиночества.

— Полагаю, именно так дело и обстояло. Мистер?..

— Киппс. Артур Киппс.

— Сэмюель Дейли.

Мы кивнули друг другу.

— А когда живешь в одиночестве, да еще в таком месте, это происходит намного быстрее.

— Послушайте, — с улыбкой сказал я, — вы же не собираетесь рассказать мне сейчас одну из тех странных историй о старых, заброшенных домах?

Он смерил меня пристальным взглядом.

— Нет, — сказал он наконец, — не собираюсь.

Неожиданно я вздрогнул, вероятно, меня смутили его

прямолинейность и пронизывающий взгляд.

— Что ж, — наконец проговорил я, — могу лишь посочувствовать человеку, дожившему до восьмидесяти семи лет, который не смеет надеяться, что на его похороны придут хотя бы несколько милых и близких его сердцу людей.

С этими словами я протер ладонью стекло, пытаюсь хоть что-нибудь рассмотреть в темноте за окном. Вероятно, мы остановились посреди равнины, и воющий ветер со всей силой обрушивался на поезд.

— Вы не знаете, сколько нам еще ехать? — спросил я, стараясь, чтобы мой голос не выдал охватившую меня тревогу. У меня возникло неприятное ощущение, будто мы оказались отрезанными от мира, вдали от жилых домов, запертые в холодном склепе железнодорожного вагона с исцарапанным зеркалом и заляпанной обшивкой из темного дерева. Мистер Дейли посмотрел на часы.

— Еще двадцать миль, наш поезд остановился около туннеля Гейпмос, чтобы пропустить встречный поезд. Туннель проходит через холм, и это последняя возвышенность в здешних краях. Вы направляетесь в равнинную местность, мистер Киппс.

— И здесь дают очень странные названия. Сегодня утром я слышал о насыпной дороге, которая называется Девять жизней, и об особняке Ил-Марш,^[5] а сейчас узнал о туннеле Гейпмос.^[6]

— Это удаленная часть страны. К нам редко забредают гости.

— Вероятно, здесь особенно не на что смотреть?

— Важно, что вы подразумеваете под фразой «не на что». Некоторые церквушки и даже целые деревни у нас поглотило приливом. — Он усмехнулся. — И вам точно не удастся на них посмотреть. Но есть и развалины аббатства с красивым кладбищем — вы сможете добраться дотуда, когда начнется отлив. Уверен, этого будет вполне достаточно, чтобы поразить ваше воображение.

— После вашего рассказа мне захотелось вернуться к лондонскому туману!

В этот момент раздался пронзительный свисток паровоза.

— А вот и встречный поезд.

Поезд, который шел из Кризин-Гиффорда в Хомерби вынырнул из туннеля Гейпмос и прогрохотал мимо нас — непрерывная линия светящихся желтых окон купе исчезла в темноте. Почти сразу после этого мы тронулись.

— Но вы убедитесь, что Кризин — довольно гостеприимное место. Это простой, милый городок. Мы живем, подставив спины ветру, и просто

делаем свое дело. Если вы не возражаете, я мог бы подвезти вас до «Гиффорд армс» — меня ждет автомобиль, и нам по пути.

Мне показалось, он хочет приободрить меня, а его насмешливость и склонность к преувеличениям вызваны желанием слегка компенсировать мрачность и диковатость окружавших нас мест. Я поблагодарил мистера Дейли и принял его предложение. После этого мы вновь вернулись к чтению, за которым и провели последние мили нашего утомительного путешествия.

Похороны миссис Драблоу

Мое первое впечатление от маленького торгового города под названием Кризин-Гиффорд, который в действительности показался мне чуть больше какой-нибудь крупной деревни, было довольно приятным. Когда мы прибыли ночью на вокзал, машина Сэмюэля Дейли — блестящая, на редкость удобная и вместительная — в мгновение ока преодолела милю, отделявшую крошечную станцию от городской площади, и мы остановились около отеля «Гиффорд армс».

Пока я выходил из салона, мистер Дейли протянул мне свою визитную карточку.

— Если вам что-нибудь понадобится...

Я поблагодарил его, но при этом подчеркнул, что мне вряд ли придется обращаться к нему, поскольку всю помощь, касавшуюся дел покойной миссис Драблоу, я намеревался получить у местного агента и не собирался задерживаться в этом месте более чем на два дня. Мистер Дейли смерил меня долгим, пристальным взглядом, но ничего не сказал. Чтобы не показаться невежливым, я осторожно засунул карточку в карман жилета. Лишь после этого он отдал распоряжение своему шоферу и уехал.

«Вы убедитесь, что Кризин — довольно гостеприимное место», — сказал он мне ранее и оказался прав. Как только моему взору открылись полыхающий камин и широкое кресло подле него в общем зале гостиницы, а потом еще один, ожидавший меня в уютно обставленной спальне на верхнем этаже, я тут же воспрянул духом и почувствовал себя скорее отдыхающим, нежели человеком, который прибыл сюда, чтобы присутствовать на похоронах и заниматься таким тоскливым делом, как улаживание формальностей после смерти клиента. Ветер либо стих, либо я просто не слышал его, обретя надежное укрытие в стенах дома, стоявшего на рыночной площади. От неприятного чувства, возникшего у меня после беседы с мистером Дейли, которая приняла слишком уж странный оборот, не осталось и следа.

Хозяин гостиницы предложил мне стакан горячего вина с пряностями, и я выпил, сидя у камина и слушая журчание голосов по другую сторону от тяжелой двери, за которой находился бар. А когда я побеседовал с женой хозяина, у меня потекли слюнки в предвкушении ужина, который она мне предложила: мясного бульона, говяжьего филе, пирога с яблоками, изюмом и кремом и стилтонского сыра. В ожидании обеда я написал короткое

письмо Стелле, чтобы отправить его на следующее утро. С удовольствием поглощая еду, я размышлял, какой домик мы сможем купить после свадьбы, если мистер Бентли и впредь будет возлагать на меня обязанности, связанные с делами фирмы, и я смогу попросить у него прибавки.

Наконец, опустошив за ужином полбутылки кларета, я уже приготовился отойти ко сну в уютной атмосфере спокойствия и благополучия.

— Сэр, как я понимаю, вы приехали на аукцион? — Хозяин появился в дверях, чтобы пожелать мне спокойной ночи.

— Аукцион?

Он удивился.

— Да... я подумал, что вы за этим сюда и приехали... будет большой аукцион, продают несколько ферм к югу от города. Торги назначены на завтра.

— А где проводится аукцион?

— Здесь, мистер Киппс, в баре, в одиннадцать утра. Обычно мы устраивали аукцион прямо в гостинице, но такого крупного не было уже много лет. После аукциона намечается ленч. Как правило, в разгар торгового дня у нас обедает до сорока человек, но завтра народу будет больше.

— Сожалею, но мне придется пропустить аукцион... хотя, надеюсь, мне удастся прогуляться по рынку.

— Вы только не сочтите меня излишне любопытным, сэр... я действительно думал, что вы приехали на аукцион.

— Все хорошо... вы сделали вполне закономерное предположение. Но боюсь, завтра утром, в одиннадцать часов, мне придется заниматься более грустным делом. Я приехал, чтобы присутствовать на похоронах миссис Драблор из поместья Ил-Марш. Возможно, вы знали ее?

Его лицо исказилось... но я не понял, какие чувства он испытывал. Что это было — тревога или подозрение, я не мог сказать, но заметил: имя покойной пробудило в нем сильные чувства, которые он всеми силами старался скрыть.

— Да, я знал ее, — произнес он бесстрастно.

— Я представляю юридическую фирму, услугами которой она пользовалась. Мне не довелось встречаться с ней лично. Как я понимаю, она вела затворнический образ жизни?

— Учитывая место ее проживания, в этом нет ничего удивительного. — Он резко повернулся и направился в сторону бара. — Желаю вам спокойной ночи, сэр.

С этими словами он оставил меня одного.

Движимый любопытством и немного возмущенный резкими манерами хозяина, я собрался было окликнуть его, ибо мне хотелось выяснить, что именно он имел в виду. Но я слишком устал и потому отказался от своего намерения, решив, что его замечание было продиктовано местными легендами и глупыми сплетнями, которые раздуваются до небывалых размеров в маленьких, замкнутых общинах, где люди во всем стремятся отыскать тайну и драму. Признаюсь, в те дни я еще разделял свойственное многим лондонцам пренебрежение по отношению к людям, жившим в отдаленных частях нашего острова и казавшимся нам, космополитам, созданиями суеверными, доверчивыми, примитивными, прямолинейными и глуповатыми. Без сомнения, в подобном месте, с его зловещими болотами, неожиданно возникающими туманами, ледяным завывающим ветром и одинокими домами, бедная старушка могла вызвать подозрения. Со временем ее бы непременно окрестили ведьмой, поскольку легенды и сказания все еще передавались здесь из уст в уста, а люди в глубине души продолжали верить в этот диковинный фольклор.

Должен признать, что и мистер Дейли, и хозяин гостиницы производили впечатление мужчин крепких и здравомыслящих, но даже они замолчали и посмотрели на меня странным, пристальным взглядом, когда я произнес имя миссис Драбл. Тем не менее у меня не оставалось сомнения, что нечто важное так и не было сказано.

Однако тем вечером мой желудок был наполнен вкусной едой и прекрасным вином, а уютно потрескивающие дрова в камине и покрывало, заманчиво откинутае на удобной, мягкой постели, вызвали теплое чувство дремоты. Все случившееся показалось мне просто забавным и добавило некоторой остроты моему путешествию. В скором времени я забылся спокойным сном. И до сих пор помню, как проваливался в бездну, в радушные объятия сна, а что-то теплое и мягкое окружало меня, и я чувствовал себя счастливым и защищенным, как маленький ребенок в своей детской кровати. Помню, как утром я открыл глаза и увидел луч холодного, зимнего солнца, играющего на сводчатом белом потолке, и во всем моем теле и в душе возникло радостное чувство легкости и обновления. Возможно, я так ярко запомнил эти ощущения, поскольку они стали контрастом случившемуся после. Если бы я знал, что в последний раз спал так крепко и на смену этой спокойной ночи придут другие — страшные, мучительные и изнуряющие, то, вероятно, не стал бы выскакивать из кровати с таким горячим желанием поскорее позавтракать и шагнуть навстречу новому дню.

В самом деле, даже теперь, на склоне лет, когда я тихо и счастливо живу в поместье Монкс вместе с моей дорогой женой Эми — с женщиной, о которой может мечтать любой мужчина, — и каждую ночь благодарю Бога, что все закончилось, осталось в прошлом и уже не вернется, я все же не верю, будто смогу когда-нибудь спать так же безмятежно, как на том постоялом дворе в Кризин-Гиффорде. Я понимаю, тогда моя душа была еще чиста и чистота эта навеки утрачена.

Когда я отдернул цветастую штору, комнату наполнил яркий солнечный свет, и он совсем не был похож на неуловимого посетителя, который является рано утром, а потом бесследно исчезает. Как и предсказал мистер Дейли, погода действительно изменилась, и она разительным образом отличалась и от лондонского тумана, и от ветра с дождем, которые сопровождали меня весь прошлый вечер во время поездки.

Хотя на дворе стояло начало ноября и я находился в той части Англии, где погода всегда отличалась суровостью, когда я вышел из гостиницы «Гиффорд армс» после необычайно вкусного и отменно приготовленного завтрака, я обнаружил, что воздух свеж, бодрящ и чист, а небо — лазорево-голубое. Почти все дома в этом маленьком городе представляли собой невысокие простые строения из камня с крышами, покрытыми серым шифером. Они стояли, плотно прижавшись и глядя друг на друга своими окнами. Я немного побродил по городу, изучая его: многочисленные прямые и узкие улочки расходились во все стороны от небольшой рыночной площади, где располагалась гостиница. Теперь вся площадь была заполнена палатками и загонами для скота, повозками, телегами и прицепами. Подготовка к торговому дню шла полным ходом. Отовсюду доносились крики, люди переговаривались друг с другом, сколачивали временные ограждения, натягивали тенты над палатками, толкали тележки по вымощенной булыжником мостовой. Вокруг царил радостная, деловая суета, мне это было по душе, и я с большим удовольствием прогуливался здесь. Но когда я повернулся спиной к торговой площади и ступил на одну из улочек, все вдруг стихло, и теперь, проходя мимо тихих домов, я слышал лишь стук моих ног о мостовую. Дорога оказалась совершенно плоской ни одного спуска или подъема. Кризин-Гиффорд располагался на равнине, и, дойдя до конца улицы, я вдруг обнаружил, что нахожусь уже за городом, передо мной открылось бескрайнее поле, тянувшееся до бледного неба на горизонте. В тот момент я понял, что имел в виду мистер Дейли, когда говорил, будто город стоит, подставив спину ветру. С того места, где я остановился, были видны лишь задние стороны домов и магазинов, а также основных общественных зданий, возвышавшихся над площадью.

Осеннее солнце оставалось еще теплым, и я заметил на редких деревьях, оказавшихся в поле моего зрения и слегка прогибавшихся под ни на минуту не стихавшим ветром, красновато-коричневые и золотые листья, которые дрожали на концах ветвей. Я тут же представил себе, каким унылым, серым и безликим выглядит это место в промозглую погоду, в дождь и туман; каким разгромленным и опустошенным бывает оно после штормов, налетающих на равнину; и как после снежных бурь оно оказывается полностью отрезанным от окружающего мира. Я снова взглянул на Кризин-Гиффорд на карте. К северу, югу и западу на многие мили простирались пахотные земли. До Хомерби, ближайшего населенного пункта, было около двенадцати миль, тридцать миль отделяло Кризин от крупного города на юге и около семи — от ближайшей деревни. На востоке тянулись болота, за ними — дельта реки и море. Я понимал, что не задержусь здесь больше чем на пару дней, но, направляясь обратно к рынку, я почувствовал себя здесь как дома, это место внушало мне чувство уверенности, солнечные лучи бодрили, а окружающий пейзаж приводил в восхищение.

Вернувшись в гостиницу, я обнаружил, что в мое отсутствие доставили записку от мистера Джерома — агента, который по поручению миссис Драблoux вел все дела, касавшиеся ее недвижимости и земельных угодий, он должен был присутствовать на похоронах вместе со мной. В вежливой, официальной манере мистер Джером сообщал, что вернется в десять сорок, дабы сопроводить меня в церковь. Все оставшееся время я сидел в общей комнате гостиницы «Гиффорд армс» около окна, выходящего на площадь, читал газету и наблюдал за приготовлениями к рыночному дню. В отеле также царил суета, и я предположил, что она была связана с предстоящим аукционом. Дверь на кухню постоянно хлопала, и оттуда доносился сильный запах еды: жареного мяса и пекущихся хлебцев, пирогов, пирожных и печенья, а в столовой слышался звон посуды. В четверть одиннадцатого у входа в гостиницу стали собираться крепкие, пышущие здоровьем фермеры в твидовых костюмах. Они громко приветствовали друг друга, обменивались рукопожатиями, о чем-то спорили и энергично кивали.

Однако я был вынужден оставить свое занятие, надеть темный костюм, галстук, пальто и черную повязку на руку и взять черную шляпу, когда прибыл мистер Джером, которого я тут же распознал по такому же мрачному наряду. Мы пожали друг другу руки и вышли на улицу. С минуту мы стояли и смотрели на пеструю, кипящую жизнью площадь, и внезапно я почувствовал себя призраком среди веселого праздника, ибо своим

внешним видом мы напоминали двух хмурых воронов среди всех этих людей, одетых в простую рабочую одежду. Судя по всему, окружающие воспринимали нас именно таким образом. Пока мы шли через площадь, люди угрюмо поглядывали на нас, мрачнели, прерывали беседу и слегка расступались. У меня возникло неприятное ощущение, будто мы отверженные среди них, и я был рад, когда мы покинули площадь и свернули на одну из тихих улочек, по которой мистер Джером довел меня прямо до приходской церкви.

Мой спутник был невысокого роста, не больше пяти футов и двух или трех дюймов, его голова отличалась необычной куполообразной формой и на затылке оказалась обрамлена рыжеватыми волосами, напоминавшими бахрому на абажуре. Возраст его не поддавался определению — мистеру Джерому можно было дать от тридцати пяти до пятидесяти семи, а умеренность и подчеркнутая официальность его манер и скупая мимика полностью скрывали его настроение, переживания и мысли. Вежливый, предупредительный и в меру разговорчивый, он тем не менее явно не желал вести душевных бесед. Мистер Джером расспросил меня о путешествии, о том, как я устроился в гостинице «Гиффорд армс», о мистере Бентли и о погоде в Лондоне, назвал мне имя священника, который должен был вести службу, и перечислил собственность, принадлежащую миссис Драбл в городе и его окрестностях — всего с полдюжины наименований. Но вместе с тем он не сообщил ничего такого, что могло бы вызвать у меня интерес или помогло лучше понять его самого.

— Как я понимаю, ее похоронят в церковном дворе? — поинтересовался я.

Мистер Джером искоса посмотрел на меня. Я заметил, что у него были очень большие, выпуклые и светлые глаза неопределенного цвета — нечто среднее между серым и голубым, — они напомнили мне яйца чайки.

— Именно так.

— Там у них семейная могила?

С минуту агент молчал, затем еще раз глянул на меня, словно пытаюсь понять, что может скрываться за этим простым вопросом. Наконец он ответил:

— Нет. По крайней мере... не здесь, не на церковном дворе.

— Где-то еще?

— Ее... больше не используют, — сказал он после некоторого размышления. — Там неподходящее место.

— Боюсь, я не совсем понимаю...

Но к этому моменту мы добрались до церкви, обнесенной

металлической кованой оградой. Церковь располагалась между двух нависавших над ней тисовых деревьев в самом конце длинной и на удивление прямой аллеи. Справа от нее, немного в стороне, я увидел надгробия, а слева находились какие-то строения, я решил, что это зал для собраний и школа — она примыкала к храму, над дверью у нее висел колокольчик, а изнутри доносились детские голоса.

Когда мы стали подниматься на крыльцо церкви, мне пришлось прекратить свои расспросы о семействе Драблону и, подобно мистеру Джерому, изобразить на лице скорбь, как требовала того церемония. Минут пять мы стояли в полном одиночестве, и время тянулось невероятно медленно. Наконец у ворот появился катафалк, а из церкви к нам вышел пастор; втроем мы наблюдали за процессией. Люди из похоронного бюро неспешно проследовали мимо нас, неся гроб с телом миссис Драблону.

Это была печальная, скромная церемония. В холодной церкви собралось совсем мало народу, и меня вновь охватила дрожь при мысли о том, как невыразимо грустно, что за всю долгую жизнь покойницы от ее рождения и детства, через годы взросления и старости не нашлось ни одного близкого родственника или сердечного друга, готового проводить ее в последний путь, кроме двух мужчин, которых с умершей связывали лишь деловые отношения и которые находились здесь исключительно по необходимости, причем один из них никогда не встречался с ней при жизни.

Но под конец службы я вдруг услышал шелест за спиной. Чуть повернув голову, я осторожно посмотрел в сторону и увидел еще одного провожающего. То была женщина. Вероятно, она тихонько вошла в церковь, когда заупокойная служба уже началась, и заняла место в нескольких рядах от нас. Она неподвижно сидела в одиночестве, выпрямив спину. В руках у нее даже не было молитвенника. Ее черное платье — траурный наряд — выглядело старомодным, но я решил, что она просто не нашла ничего другого для подобного случая. Возможно, платье извлекли из какого-то сундука или шкафа, так как черная материя была совсем старой. Чепец на голове женщины почти полностью скрывал лицо, но даже брошенного мельком взгляда стало достаточно, чтобы понять — женщина страдала от тяжелой, изнуряющей болезни, если только не была так бледна от природы. Но слишком уж силен оказался контраст между белизной ее кожи и траурной одеждой. И у меня создалось впечатление, будто под кожей почти не было плоти — так сильно она обтягивала кости черепа, от лица женщины исходило странное голубовато-белое сияние, а глаза глубоко провалились. Руки ее, лежавшие на спинке скамьи перед ней, были в таком

же плачевном состоянии. Она напоминала жертву голода. Хотя я и плохо разбирался в медицине, но мне доводилось слышать о некоторых болезнях, приводящих к сильнейшему истощению и изнурению, и я знал, что в большинстве случаев недуги эти считаются неизлечимыми. Особенно впечатляло, что женщина, стоявшая на пороге смерти, нашла в себе силы явиться на похороны. Она не выглядела старой. Из-за болезни ее возраст определялся с трудом, но, возможно, ей еще не исполнилось и тридцати. Я отвернулся, но дал себе слово, что после похорон обязательно поговорю с ней и попытаюсь чем-нибудь помочь. Однако когда мы уже собирались выйти из церкви вслед за священником и гробом, я вновь услышал легкий шелест платья и понял, что незнакомка спешно покинула церковь и направилась к могиле, ожидавшей покойницу. Она стояла поодаль, около одного из покрытых мхом могильных камней, слегка облокотившись на него. Даже в прозрачном ярком солнечном свете ее лицо казалось жалким и истощенным. Оно было настолько бледным и изможденным болезнью, что я счел неподобающим разглядывать ее так пристально. Черты незнакомки еще хранили намек на былую красоту, и, вероятно, из-за этого она еще сильнее переживала свой недуг. Так часто бывает у жертв оспы или ожогов, которые обезображивают лицо.

«Что ж, — подумал я, — по крайней мере есть один человек, которому усопшая была небезразлична. И неужели подобные тепло и доброта, мужество и бескорыстность намерений останутся незамеченными и не будут щедро и по достоинству вознаграждены, если есть хоть какая-то правда в тех словах, что мы сейчас услышали в церкви?»

Я отвернулся от женщины, посмотрел на гроб, который опускали в землю, склонил голову и принялся молиться с неожиданным рвением за душу одинокой женщины, прося Господа ниспослать благодать всем, кто пришел на эти мрачные похороны.

Снова оглянувшись, я увидел черного дрозда, который сидел на кусте неподалеку, он раскрыл клюв, и оттуда зазвучала переливчатая трель, разносящаяся в согретом ноябрьским солнцем воздухе. По окончании церемонии все стали покидать кладбище, я пропустил мистера Джерома вперед, чтобы дожидаться болезненной женщины, предложить ей свою помощь и проводить до дома. Но ее нигде не было видно.

Вероятно, незнакомка ушла так же незаметно, как и появилась, не желая тревожить нас или привлекать к себе внимание, пока я заканчивал молитву, а священник произносил последние слова своей проповеди.

Мы с агентом постояли немного у ворот церкви, обменялись любезностями, пожали друг другу руки. Я огляделся по сторонам и обратил

внимание, что в такой ясный, солнечный день за церковью вдали можно разглядеть болота и поблескивающую серебром дельту реки. Особенно ярко она сверкала на горизонте, где небо было почти белым и излучало слабое сияние.

Но когда я перевел взгляд на здания по другую сторону от церкви, кое-что привлекло мое внимание. Около ограды, окружавшей маленький заасфальтированный двор школы, выстроившись в ряд, стояли человек двадцать ребятишек и смотрели на нас через прутья. Их лица были бледны и сосредоточены, в круглых глазах, казалось, застыла мировая скорбь, а маленькие ручки крепко сжимали прутья. Малыши стояли молча и неподвижно. Это выглядело странно, трогательно и вместе с тем мрачно, они вели себя непривычно для детей их возраста, как правило, беззаботных и непоседливых. Я встретился взглядом с одним из них и осторожно улыбнулся. Но он не ответил мне.

Я заметил, что мистер Джером терпеливо ждет меня на тропинке, и поспешил к нему.

— Расскажите мне про ту женщину... — попросил я, подходя к нему. — Надеюсь, она найдет дорогу домой... мне показалось, что она серьезно больна. Кто она?

Мистер Джером нахмурился.

— Я имею в виду молодую женщину с изможденным лицом, — уточнил я, — она сидела в церкви в заднем ряду, а потом на кладбище стояла неподалеку от нас.

Мистер Джером замер и уставился на меня.

— Молодая женщина?

— Да, да, настолько истощенная, что, казалось, ее кожа обтягивает кости. Мне было больно смотреть на нее... высокая женщина в шляпке, похожей на чепец. Бедняжка, она, вероятно, как могла, пыталась спрятать свое лицо.

На несколько секунд на пустой тропинке, залитой солнечным светом, стало вдруг тихо, как недавно в церкви. Тишина была такой, что я услышал, как кровь пульсирует у меня в венах. Мистер Джером застыл на месте и побледнел, его кадык двигался, будто он силился выдавить из себя хоть какой-нибудь звук.

— В чем дело? — тут же спросил я. — Вам плохо?

Наконец он покачал головой, было даже похоже, что он пытается встряхнуться и прийти в себя после пережитого потрясения. Его лицо по-прежнему оставалось бледным, а уголки губ посинели.

Наконец он заговорил тихим голосом:

— Я не видел никакой молодой женщины.

— Но ведь... — Я оглянулся на церковный двор позади меня. Она снова была там, я заметил ее черное платье и очертание чепца. Так, значит, женщина никуда не уходила, она просто скрылась за кустами и могильными камнями или стояла в тени церкви и ждала, пока мы уйдем, чтобы потом спокойно сделать то, чего она хотела, — встать у могилы, где нашло свой последний приют тело миссис Драбл, и смотреть на нее. Я снова задумался, что могло связывать этих двух женщин, какая странная история скрывалась за тайным визитом этой незнакомки и какие тяжелые переживания мучили ее сейчас, когда она стояла там в полном одиночестве. — Смотрите, — сказал я, показывая на женщину, — вот же она... может, нам стоит... — Я замолк, когда мистер Джером схватил меня за руку. Мне показалось, он сейчас потеряет сознание или с ним случится апоплексический удар. Я стал озираться, не зная, что мне делать, куда идти и кого звать на помощь. Могильщики ушли. За спиной у меня остались только маленькие ученики школы да смертельно больная женщина, пребывающая во власти сильных переживаний и физического недуга, а передо мной — мужчина, находившийся на грани обморока. Единственный человек, на помощь которого я мог рассчитывать, — священник. Сейчас он был где-то в церкви, и чтобы сходить за ним, мне пришлось бы покинуть мистера Джерома.

— Мистер Джером, вы можете взять меня под руку... и я буду вам очень признателен, если вы немного разожмете ладонь... и сделаете несколько шагов... давайте вернемся к церкви... там около ворот есть скамейка, вы отдохнете и немного придете в себя, пока я схожу за помощью... или найду автомобиль...

— Нет! — почти закричал он.

— Но будьте благоразумны!..

— Нет. Я приношу свои извинения. — Он глубоко вздохнул, краска стала постепенно возвращаться на его лицо. — Мне так жаль. Ничего особенного... просто стало немного дурно... будет лучше, если мы с вами пройдем сейчас в мою контору на Пенн-стрит, рядом с площадью.

Его трясло от волнения, и было видно, что ему хочется как можно скорее покинуть церковь и ее окрестности.

— Раз вы так уверены...

— Да, уверен. Пойдемте. — Он ринулся вперед с такой скоростью, что мне пришлось бежать, чтобы догнать его. Через несколько минут мы вернулись на площадь, где торговля была в самом разгаре. Отовсюду слышались гудки автомобилей, возгласы торговцев, покупателей и

участников аукциона, бляение овец и крики ослов, гогот и кукареканье, кудахтанье и ржание. Я заметил, что среди толпы мистери Джерому стало лучше, и когда мы добрались до крыльца гостиницы «Гиффорд армс», он окончательно ожил и, казалось, испытал облегчение.

— Надеюсь, позже вы найдете силы сопровождать меня во время поездки в особняк Ил-Марш? — спросил я после того, как предложил ему отобедать со мной и получил отказ.

Его лицо снова приняло непроницаемое выражение.

— Нет, мне не следует там появляться, — сказал он. — Вы сможете отправиться туда после часу дня. Кеквик отвезет вас. Он давно уже работает проводником в тех местах. Как я понимаю, у вас есть ключ?

Я кивнул.

— Мне хочется поскорее приступить к изучению бумаг миссис Драбл, я должен привести их в порядок. Но, как я понимаю, мне придется вернуться туда завтра или даже послезавтра. Может, мистер Кеквик отвезет меня туда рано утром и оставит там на весь день? Я должен хорошенько осмотреть дом.

— Ваши перемещения зависят от приливов. Кеквик вам все объяснит.

— С другой стороны, — сказал я, — если мне придется пробыть здесь дольше, чем я планировал, то, возможно, мне стоит заночевать в доме? Надеюсь, ни у кого не возникнет возражений? Нелепо надеяться, что этот человек станет постоянно ездить туда-сюда ради меня.

— Мне кажется, — осторожно заметил мистер Джером, — вам будет намного удобнее ночевать здесь.

— Что ж, это очень гостеприимное место и здесь отлично готовят. Может, вы и правы.

— Думаю, что да.

— Главное, чтобы это ни у кого не вызвало затруднений.

— Вы убедитесь, что мистер Кеквик очень услужливый человек.

— Хорошо.

— Правда, не слишком разговорчивый.

Я улыбнулся.

— К этому я уже начинаю привыкать.

Пожав мистери Джерому руку, я пошел обедать вместе с фермерами, которых в столовой собралось не меньше сорока человек.

Это было шумное мероприятие с обильными возлияниями. Все расположились за тремя длинными столами, накрытыми белыми скатертями, фермеры перекликались друг с другом, обменивались впечатлениями о произошедших на рынке событиях, а шесть девушек

бегали на кухню и обратно, поднося тарелки со свиной и говяжьей, супницы с супом, миски с овощами, кувшины с подливой и большие подносы с кружками эля, по дюжине на каждом. И хотя я не знал ни одного из присутствующих и чувствовал себя немного не в своей тарелке, во многом из-за моей траурной одежды среди людей, одетых в твид и вельвет, я тем не менее получил удовольствие от обеда. Царившее здесь оживление помогло мне отвлечься от воспоминаний о печальном мероприятии, участником которого я был совсем недавно. Разговоры с таким же успехом могли вестись на иностранных языках: я мало что понимал, за исключением отдельных слов и фраз вроде цены и веса, урожая и поголовья скота, но все равно с удовольствием слушал людей и наслаждался великолепной едой. Когда мой сосед передал мне огромный кусок чеширского сыра, жестом показывая, чтобы я сам отрезал, сколько мне нужно, я спросил его об аукционе, который недавно проходил на постоялом дворе. Он только поморщился.

— Сэр, аукцион прошел, как все и думали. Я вижу, вас тоже интересует земля?

— Нет-нет. Просто вчера вечером хозяин гостиницы упомянул о нем. Я подумал, что это очень важное мероприятие.

— На торги выставили большие угодья. Половина земель Кризина со стороны Хомерби и еще несколько миль к востоку отсюда. Всего четыре фермы.

— А эти земли имеют большую ценность?

— Некоторые из них да, сэр. Некоторые — уже нет. В здешних местах много бесполезной земли — это болота и соляные топи, которые невозможно осушить и потом использовать, — поэтому каждый дюйм хорошей фермерской земли ценится высоко. И сегодня некоторых покупателей постигло разочарование.

— Как я понимаю, вы из их числа?

— Я-то? Нет. Я вполне доволен тем, что имею, а даже если бы это было не так, у меня все равно не хватит денег купить себе что-нибудь еще. К тому же я не настолько глуп, чтобы соперничать с ним.

— Вы имеете в виду победителя аукциона?

— Да.

Я проследил за его взглядом, устремленным к другому столу.

— Так это же мистер Дейли! — В конце стола я узнал моего попутчика. Он держал в руках пивную кружку и осматривал комнату с самодовольным видом.

— Вы знаете его?

— Нет. Но однажды встречался с ним; впрочем, эта встреча была недолгой. Его здесь считают крупным землевладельцем?

— Да.

— И за это его не любят?

Мой сосед пожал широкими плечами, но ничего не ответил.

— Что ж, — сказал я, — если он решил скупить половину графства, не исключено, что мне придется вести с ним дела еще до конца года. Я — юрист и приехал сюда, чтобы уладить дела покойной миссис Драблор из особняка Ил-Марш. Вполне возможно, в ближайшее время ее имение будет выставлено на торги.

Примерно минуту мой сосед молчал. Он намазал маслом большой ломоть хлеба и осторожно положил на него свой кусок сыра. Я увидел, что часы, висевшие на противоположной стене, показали половину второго, и мне захотелось переодеться еще до того, как придет мистер Кеквик. Я уже собирался извиниться и уйти, как вдруг мой сосед заговорил:

— Сомневаюсь, — сказал он размеренным тоном, — даже Сэмюель Дейли не сможет зайти так далеко.

— Боюсь, я не совсем вас понимаю. Я пока не видел всех земель миссис Драблор... но, полагаю, у нее была ферма в нескольких милях от города...

— Да что это за земли! — отмахнулся он. — Пятьдесят с половиной акров, которые большую часть года затоплены. Ерунда, к тому же участок сдан в аренду на такой срок, что ему и жизни не хватит дожидаться его окончания!

— Но есть еще поместье Ил-Марш и все прилегающие к нему земли... они пригодны для возделывания?

— Нет, сэр.

— Но возможно, мистер Дейли захочет увеличить свою империю за счет новых угодий. Или вы думаете, что это не в его духе?

— Все может быть. — Он вытер рот салфеткой. — Но вот что я вам скажу: вряд ли кто-нибудь, даже Сэм Дейли, пойдет на нечто подобное.

— А могу я полюбопытствовать почему?

Я говорил довольно резко — меня стали раздражать эти неясные недомолвки и намеки, которые делали окружающие, едва заслышав о миссис Драблор и ее поместье. Я был прав: эти места изобиловали слухами и суевериями, и нередко они одерживали верх над здравым смыслом. Теперь я ждал, что этот рослый детина, сидевший слева от меня, начнет шептать о том, будто он может рассказать мне одну историю, но не уверен, стоит ли это делать... Однако вместо ответа на мой вопрос он отвернулся к

другому своему соседу и завел с ним сложную, путаную беседу об урожае. Меня порядком разозлили весь этот вздор и таинственность, поэтому я тут же встал и покинул комнату. Через десять минут я сменил свой траурный костюм на менее официальную и более удобную одежду и вышел на крыльцо, ожидая, когда приедет автомобиль, за рулем которого будет сидеть человек по фамилии Кеквик.

По дороге Девять жизней

Автомобиля я так и не дождался. Вместо него к входу в гостиницу «Гиффорд армс» подкатила старая, потрепанная двуколка, в которую была запряжена низкорослая лошадка. Ее появление на рыночной площади совсем не удивило меня — еще утром здесь было немало таких повозок. Я решил, что она принадлежит кому-то из фермеров или пастухов, и вначале не обратил на нее особого внимания, продолжая оглядываться по сторонам и ожидая услышать рев двигателя. Затем меня окликнули по имени.

Лошадка была совсем маленькой, лохматой, с шорами у глаз, на кучере же была кепка, сильно надвинутая на лоб, и ворсистое коричневое пальто, в котором он очень походил на лошадь и, казалось, составлял единое целое со своим экипажем. Увидев их, я обрадовался, поскольку мне не терпелось отправиться в путь, и быстро забрался в двуколку. Кеквик едва удостоил меня взглядом, лишь убедился, что я сел на место, затем щелкнул кнутом, и лошадь тронулась в путь. Мы свернули с рыночной площади и поехали по дороге, ведущей к церкви. Проезжая мимо церковного двора, я попытался рассмотреть могилу миссис Драбл, но она была скрыта за кустами. Я также вспомнил и об одинокой молодой женщине болезненного вида, о реакции мистера Джерома после того, как я упомянул о ней. Но через несколько мгновений новые впечатления и переживания настолько захватили меня, что я больше не думал о похоронах и последовавших за ними событиях. Мы выехали на открытую местность, и маленький, изолированный от всего мира Кризин-Гиффорд остался позади. Теперь, куда бы я ни бросил взгляд, меня окружало лишь небо, бескрайнее небо до горизонта. Этот пейзаж напоминал картины голландских живописцев или места неподалеку от Нориджа. В небе не было ни облачка, но можно представить себе, каким серым и грозным бывает оно, когда дождевые и грозные облака стремительно мчатся по нему и опускаются над дельтой реки; как в феврале во время наводнений болота окрашиваются в серо-стальной цвет, а сверху обрушиваются непрерывные потоки дождя со снегом; как в марте здесь дуют свирепые ветры, сквозь облака пробиваются тонкие лучи света и тени тревожно скользят друг за другом по свежевспаханной земле.

Сегодня же погода была ясной и солнечной, но солнце светило уже не так ярко, а небо утратило свою утреннюю голубизну и стало почти серебристым. Мы быстро ехали по совершенно плоской равнине, нам редко

попадались деревья, только темные ветвистые заросли низкорослого кустарника. Сначала мы проезжали мимо вспаханных земель, темно-коричневых, изрезанных прямыми бороздами. Вскоре их сменила неводеланная почва, покрытая пожухлой травой, стали попадаться рвы и канавы, заполненные водой, и наконец мы приблизились к болотам. Тихо и неподвижно поблескивали они под ноябрьским солнцем, раскинувшись во все стороны, куда только хватало взора, постепенно переходя в дельту реки где-то за линией горизонта.

Я оглядывался по сторонам, потрясенный небывалой красотой этих диких равнинных мест. Окружавший меня простор и чистота неба заставляли сердце биться быстрее. Ради того, чтобы увидеть это, стоило проехать тысячи миль. Я даже не мог себе представить, что окажусь в подобном месте.

Тишину нарушали лишь стук копыт, грохот колес, поскрипывание повозки и внезапные резкие и странные птичьи крики, доносившиеся со всех сторон. Мы проехали, наверное, уже мили три, но нам до сих пор не попало ни одной фермы или коттеджа, ни одного жилого дома, все было пустынно. Затем исчезли даже кусты, и мне показалось, что мы очутились на краю света. Вода впереди нас отливала металлическим блеском, и я уже разглядел насыпную дорогу, напоминавшую линию, которая остается на воде после лодки. Когда мы подъехали ближе, я обнаружил, что по обе стороны от дороги совсем неглубоко и виднелся изрезанный складками песок, а линия оказалась на самом деле узкой дорогой, уходящей далеко вперед, словно к самой дельте реки. После того как мы въехали на нее, я догадался, что, вероятно, это и есть дорога Девять жизней — других вариантов просто не могло быть, — и понял, почему во время прилива она быстро оказывается под водой, и тогда ее уже невозможно отыскать.

Сначала лошадь, а затем и повозка очутились на песчаной дороге, тогда звуки, которые они издавали прежде, стихли, и на смену им пришла почти полная тишина, нарушаемая лишь тихим шелестом. Тут и там попадались пучки бледного, вылинявшего камыша, легкий ветерок шуршал его сухими стеблями. Солнце оставляло блики на окружавшей нас воде, которая блестела и сверкала, как поверхность зеркала. Небо на горизонте приобрело розоватый оттенок, отражавшийся в воде и в болотной топи. Когда же блеск водной глади стал таким ярким, что начал слепить мне глаза, я поднял голову и увидел впереди словно выросший из воды мрачный дом из серого камня с черепичной крышей. Он высился подобно маяку или сигнальной башне, обращенный фасадом к раскинувшимся перед ним болотам и дельте реки. Никогда прежде я не встречал дома,

построенного в столь необычном месте, и даже вообразить себе не мог такого уединенного, величественного и прекрасного жилища. Когда мы приблизились к нему, я разглядел, что дом стоит на небольшом возвышении и со всех сторон его окружает небольшая полоска земли, посыпанная гравием, сквозь который пробивается пожухлая трава. На юге маленький островок переходил в покрытую кустарником равнину, где вдалеке виднелись развалины старой церкви или часовни.

Дорога стала неровной, повозка наткнулась на камень и остановилась. Мы прибыли в особняк Ил-Марш.

Пару минут я просто сидел и с удивлением оглядывался по сторонам, тишину нарушали лишь тихий стон ветра, дувшего с болот, да пронзительные крики спрятавшейся в камышах птицы. Меня охватило странное чувство волнения и тревоги... и я не мог объяснить, в чем его причина. Мне стало неуютно, ибо, несмотря на присутствие молчаливого Кеквика и лохматой бурой лошаденки, я ощущал себя совершенно одиноким перед этим мрачным, пустынным домом. Но я не боялся — да и чего можно страшиться в этом необычном и прекрасном месте? Ветра? Криков болотных птиц? Тростника и неподвижной воды?

Я спустился с повозки, обошел ее и приблизился к кучеру.

— Как долго дорога останется открытой?

— До пяти вечера.

Значит, времени у меня хватит лишь на то, чтобы осмотреться, отнести в дом вещи и приступить к поиску бумаг, после чего Кеквик вернется и заберет меня обратно. Но я не желал уезжать так рано. Я был очарован окружающими красотами, мне хотелось, чтобы Кеквик поскорее уехал, и тогда я спокойно и обстоятельно смог бы все здесь обследовать и полностью проникнуться этим местом.

— Послушайте, — сказал я, приняв неожиданное решение, — это же просто возмутительно, что вам придется ездить сюда по несколько раз в день. Я бы предпочел перевезти сюда свои вещи, немного еды и питья и провести здесь пару ночей. В таком случае я гораздо быстрее улажу все дела, да и вам это не доставит серьезных хлопот. Сегодня днем я вернусь вместе с вами. Скажите, завтра утром вы сможете отвезти меня сюда пораньше, как только прилив позволит нам сделать это?

Я ожидал, что он попытается удержать меня или начнет спорить, отговаривать от этой затеи и снова последуют мрачные намеки. Некоторое время он размышлял. Затем, вероятно, понял, насколько твердо мое решение, и лишь кивнул.

— Может, вы хотите подождать меня здесь? Я буду отсутствовать

всего пару часов. А впрочем, поступайте, как вам удобнее.

Вместо ответа Кеквик лишь натянул вожжи и стал разворачивать повозку. Через минуту он уже ехал назад по насыпной дороге. Силуэты возницы и повозки становились все меньше и меньше, постепенно растворяясь на фоне бескрайних болот и необъятного неба. Я повернулся и направился к воротам особняка Ил-Марш. Левой рукой я нащупал ключ, лежавший у меня в кармане.

Однако я не стал сразу заходить в дом. Пока у меня не возникало такого желания. Я хотел посмаковать эту тишину и таинственность, насладиться сияющей красотой, странным соленым запахом, который приносил легкий ветерок, послушать его тихое бормотание. Я прекрасно осознавал, что все мои чувства обострились и это необыкновенное место полностью завладело моими мыслями и воображением.

Я подумал, что, если мне придется задержаться здесь, я попаду под влияние этой тишины и уединения и стану орнитологом, ведь в этих местах наверняка много редких птиц — цапель и поганок, диких уток и гусей, — особенно весной и осенью. Вооружившись книгами и хорошим биноклем, я довольно скоро смогу распознавать их по крику и по полету. Пока я бродил около дома, в мою голову даже закрались мысли о том, чтобы поселиться здесь. Перед глазами у меня возникла романтическая картина, как мы со Стеллой живем в этом диком, уединенном месте, хотя я не представлял, чем мы будем зарабатывать себе на жизнь и заниматься день ото дня, а потому предпочел больше не думать об этом.

Очарованный своими мыслями, я направился от дома через поле к развалинам. Солнце на западе, справа от меня, уже начинало клониться к закату, огромный желто-красный шар выпускал свои огненные стрелы-лучи и разбрасывал по воде кровавые блики. На востоке море и небо потемнели и стали свинцово-серыми. Ветер, внезапно налетевший с реки, был холодным.

Приблизившись к руинам, я увидел, что когда-то здесь была старинная часовня, возможно, принадлежавшая монастырю, теперь же она покрылась трещинами и разрушалась, на земле среди травы лежали камни, упавшие с ее стен, вероятно, во время сильных штормов. Пологий склон вел к берегу реки. Проходя под старой аркой, я вздрогнул, когда птица у меня над головой внезапно поднялась в воздух и стала оглушительно бить крыльями, издавая громкий, похожий на карканье крик, который эхом разнесся в старых стенах часовни и был подхвачен другой птицей вдали. Это уродливое исчадие ада напоминало морского стервятника, если такой вид существует в природе. От неожиданности я вздрогнул, когда птица, тяжело

взмахивая крыльями, пролетела надо мной и направилась в сторону моря, и не без облегчения проводил ее взглядом. Затем я посмотрел себе под ноги и обнаружил, что упавшие камни и земля между ними забрызганы птичьим пометом. Вероятно, птицы облюбовали эти стены для гнездовий и выведения птенцов.

Но, несмотря ни на что, мне понравилось это уединенное место, я представил себе, как здесь должно быть хорошо летними вечерами, когда нежный ветерок дует с моря и шевелит густую траву; дикие цветы — белые, желтые и розовые — распускаются среди потрескавшихся камней; солнце медленно клонится к закату, певчие птицы выводят свои прекрасные трели, а издали доносится шум бьющейся о берег воды.

Погрузившись в размышления, я ступил на территорию небольшого кладбища. Его окружала полуразрушенная стена, и я остановился, потрясенный удивительным зрелищем. Там было около пятидесяти старых могил, кое-где надгробия на них покосились или даже упали, их покрывали заплатки из желто-зеленого лишайника и мха, от соленого ветра они выцвели, а частые дожди оставили на них пятна. Могильные холмики заросли травой и сорняками, некоторые сравнялись с землей или даже провалились. Имена и даты невозможно было разобрать, надо всем этим местом царил атмосфера тления и заброшенности.

Впереди, там, где стена переходила в осыпь камней и мусора, виднелась дельта реки с серой водой. Пока я стоял, предаваясь размышлениям, последний луч солнца погас, резкий порыв ветра зашуршал травой. В небе надо мной уродливая птица со змеевидной шеей возвращалась к руинам, и я заметил, что в своем крючковатом клюве она держала рыбу, которая беспомощно извивалась и пыталась вырваться. Я проследил взглядом за птицей — наконец она стала снижаться и села на камни, один из которых упал и укатился в траву.

И в надвигающихся ноябрьских сумерках я почувствовал, каким холодным, пустынным и жутковатым было это место. Не желая оказаться во власти нездоровых мыслей и подавленного настроения, я уже собирался покинуть кладбище и поскорее вернуться в дом, чтобы зажечь свет во всех комнатах и по возможности развести камин, после чего приступить к работе над бумагами миссис Драбл. Но когда я повернулся и снова обвел взглядом кладбище, то увидел женщину с изможденным лицом, которая присутствовала на похоронах миссис Драбл. Она стояла у самой стены, рядом с одним из надгробий, еще не успевшим покоситься. На ней были тот же самый наряд и чепец, который она теперь уже не так сильно надвинула на глаза, и я смог лучше рассмотреть ее лицо.

В сером свете сумерек оно казалось бледным и блестящим, как голый череп. Прежде, когда я украдкой бросал на нее взгляды, я не заметил, чтобы ее истощенное лицо что-то выражало, меня лишь поразило ее невероятно болезненный вид. Но теперь я смотрел на нее так пристально, что у меня заломило глаза, смотрел с удивлением и замешательством, поскольку совсем не ожидал найти ее здесь, и мне удалось разглядеть выражение лица женщины. Я попробую описать его, хотя слова едва ли смогут сказать то, что я увидел: эту отчаянную, страстную злобу; это желание отыскать то, что ей так хотелось обрести, что у нее когда-то отняли и на поиски чего она потратила целую вечность. Казалось, она готова со всей силой обрушить свою злобу, ненависть и презрение на того, кто забрал у нее самое дорогое. Ее лицо было мертвенно-бледным, глаза провалились и горели ярким огнем, как у человека, охваченного сильным переживанием, которое кипит в душе и вырывается наружу. Я не знал, направлена ли эта злоба и ненависть на меня — я не мог привести ни одного логического обоснования, чтобы сделать подобное предположение, однако в тот момент я вряд ли был способен мыслить рационально и последовательно. Это дикое, заброшенное место и неожиданное появление женщины с пугающим выражением лица наполнили мою душу страхом. Никогда еще в своей жизни я не испытывал подобного ужаса, никогда прежде мои колени не дрожали так сильно, а по коже не бегали мурашки, никогда еще мое тело не становилось холодным как камень, а сердце не колотилось в груди словно молот о наковальню, подпрыгивая и рискуя в любую минуту выскочить в мой пересохший рот. Я никогда не предполагал, что ужас и чужая злоба полностью парализуют меня и подчинят мою волю. Мне стало так страшно, что я больше не мог здесь находиться, но у меня не хватало сил сдвинуться с места и обратиться в бегство, и я был абсолютно уверен: еще немного, и мое бездыханное тело упадет на этот жалкий клочок земли.

Но внезапно женщина удалилась. Она проскользнула между могильными камнями, стараясь держаться тени стены, прошла через одну из трещин в ней и скрылась из виду.

Едва она исчезла, как мое самообладание, способность говорить и двигаться тут же вернулись ко мне. Я снова чувствовал себя живым и мог мыслить ясно. Меня охватила ярость, я злился на нее за те чувства, которые она вызвала во мне, за то, что заставила меня пережить столь сильный страх. И этот гнев побудил меня последовать за ней, остановить ее, расспросить и получить вразумительные ответы, которые помогут мне разобраться в случившемся.

Я побежал по сухой траве между могилами, быстро и легко преодолел

короткое расстояние, отделявшее меня от разлома в стене, и тут же оказался на краю дельты. В нескольких шагах от меня трава уступала место песку, за которым начиналась мелкая вода. Меня окружали болота да соляные дюны, простирившиеся в обе стороны и сливавшиеся с медленно поднимавшейся водой. Я мог видеть окрестность на мили вперед. Но нигде не заметил женщину или то место, где она могла бы укрыться.

Я даже не стал задаваться вопросом, кем или чем она была и как ей удалось исчезнуть. Я постарался вообще не думать об этом происшествии, и, собрав остатки сил, которые на удивление быстро стали покидать меня, я повернулся и побежал прочь от кладбища и развалин, подальше от этой женщины. Полностью сосредоточившись на беге, я слушал лишь стук моих ног о заросшую травой землю и дыхание, вырывавшееся из моей груди. Я бежал не оглядываясь.

К тому времени, когда я снова очутился около дома, я весь покрылся испариной от быстрого бега и сильных переживаний. Я достал ключ, но рука моя дрожала, и я дважды уронил его на ступеньки, прежде чем сумел открыть входную дверь. Войдя в дом, я тут же захлопнул ее за собой. Стук эхом разнесся по комнатам, а когда последние отзвуки стихли, дом снова погрузился в обволакивающую, всепоглощающую тишину. Я долгое время не решался выйти из темной, обитой деревянными панелями прихожей. Мне вдруг захотелось, чтобы со мной кто-то был, но, к сожалению, я находился здесь в одиночестве, потом у меня возникло желание оказаться в теплой, светлой комнате и выпить чего-нибудь крепкого для бодрости духа. Однако я непременно должен получить объяснение. Просто удивительно, насколько велико бывает человеческое любопытство. Никогда прежде я не думал об этом. Несмотря на пережитые ужас и потрясение, мне было интересно, кого именно я увидел. И не будет мне покоя до тех пор, пока я не разберусь во всем до конца, но в то же время я сомневался, хватит ли у меня мужества остаться здесь и провести расследование.

Я не верил в существование призраков. Точнее, до этого дня. Я не верил в них и в истории о привидениях, которые мне доводилось слышать. Я считал себя абсолютно рациональным, здравомыслящим молодым человеком и относился к ним как к вымыслу. Разумеется, мне было известно, что есть люди, которые якобы ощущают присутствие призраков, имеются места, где, по поверьям, живут духи, но я бы ни за что не признал во всем этом и крупицу правды, даже если бы мне представили веские доказательства. Впрочем, я никогда не видел подобных доказательств. Просто поразительно, я всегда думал, что появления призраков и другие странные происшествия происходили где-то далеко, с незнакомыми

людьми, и обычно их рассказывали не очевидцы, а те, кто услышал эту историю от кого-то из своих знакомых.

Но тогда, на болотах, в сгущавшихся сумерках на заброшенном кладбище я встретил женщину, которая казалась вполне осязаемой и вместе с тем — у меня не оставалось ни малейших сомнений — такой призрачной. Она была бледна, а ее лицо искажала злоба, она носила одежду, которую уже не встретишь в наши дни, держалась от меня на расстоянии и не разговаривала. Однако когда я видел ее, тихую и молчаливую — всякий раз около могилы, — у меня создавалось впечатление, будто она обращается именно ко мне, и это ощущение наполняло меня ужасом и страхом. Она появлялась и исчезала, как не способен сделать ни один живой человек из плоти и крови. Но вместе с тем... женщина не была похожа на призрак в традиционном понимании: она не становилась прозрачной и не парила в воздухе, она выглядела вполне осязаемой, я четко видел ее и не сомневался, что могу подойти и обратиться к ней, дотронуться до нее рукой.

Нет, я не верил в существование призраков.

Но как еще я мог объяснить случившееся?

Где-то в темных недрах дома часы стали отмерять ударами время, и этот звук отвлек меня от размышлений. Вернувшись к реальности, я перестал думать о женщине и кладбищах и сосредоточил свое внимание на доме, где сейчас находился.

В конце коридора виднелась широкая дубовая лестница, а сбоку от нее — небольшой проход, ведущий на кухню и в кладовку. Там же располагалось еще несколько дверей, но все они оказались запертыми. Я включил в прихожей свет, однако лампочка была совсем тусклой, и я решил, что лучше будет зайти во все комнаты, отдернуть шторы на окнах и впустить в дом остатки дневного света. Затем я намеревался приступить к поискам бумаг.

После всего, что я услышал о покойной миссис Драбл от мистера Бентли и других людей, которых встретил по прибытии сюда, воображение рисовало мне самые причудливые картины ее дома. Я ожидал, что он окажется обителью скорби о ее прошлом, напоминанием о днях молодости или о супруге, в браке с которым она прожила так недолго, — подобно дому несчастной мисс Хевишем.^[7] Или, возможно, я увижу обычное захлавленное жилище затворницы, коротавшей свои дни в обществе полуголодной кошки или собаки; повсюду будут пыль, паутина и старые газеты, а в углах — груды мусора и тряпья.

Но когда я начал обходить дом, заглянув в столовую и в гостиную, в комнату отдыха, в зал для праздничных обедов и в кабинет, я не обнаружил

ничего особенно выдающегося или вызывающего отторжение, хотя там было немного сыро и стоял запах плесени и чего-то неприятного, появляющийся в домах, которые некоторое время не проветривают, особенно если они расположены поблизости от болот и водоемов, где сырость — вполне естественное явление.

Темная мебель оказалась старой, но прочной и чистой, за ней явно ухаживали надлежащим образом, хотя многие комнаты, по-видимому, редко использовались по назначению и, судя по всему, большую часть времени оставались закрытыми. Лишь малая гостиная в конце узкого коридора, ведущего из прихожей, выглядела достаточно обжитым местом — возможно, здесь миссис Драбл и проводила свои дни. В каждой комнате стояли шкафы со стеклянными дверцами, заполненные книгами. Помимо книг в доме оказалось много картин — тяжелые потемневшие портреты и пейзажи с изображениями домов. У меня упало сердце, когда я разобрал ключи из связки, данной мне мистером Бентли, и нашел те, что открывали различные ящики столов, бюро и конторок. Везде я обнаружил коробки и связки различных бумаг: писем, рецептов, документов, записных книжек. Перехваченные лентами или стянутые шнурками, они пожелтели от времени. У меня сложилось впечатление, будто миссис Драбл за всю свою жизнь не выбросила ни единой бумаги или письма, и стало совершенно очевидно: разобрать всю корреспонденцию, даже если делать это без особой тщательности, будет намного сложнее, чем я предполагал. Большая часть бумаг окажется бесполезной и ненужной, и тем не менее мне придется изучить каждую, прежде чем я найду те, что могут понадобиться мистеру Бентли. Все документы, имеющие отношение к собственности, нужно было собрать и отправить в Лондон. Я понимал, что сейчас нет смысла начинать работу: было уже поздно, и я слишком переволновался в связи с происшествием на кладбище. Поэтому я просто обошел дом, заглянув в каждую комнату, но не обнаружил ничего интересного или изысканного. На самом деле дом оказался на удивление безликим. Мебель, отделка, украшения практически ничего не говорили об индивидуальности покойной владелицы и ее вкусе. В общем — довольно мрачное, неуютное и негостеприимное жилище. Необычным и примечательным было только одно — его расположение. Из высоких и широких окон открывался вид на болота, дельту реки и бесконечное небо, которое теперь потускнело и утратило прежние яркие краски. Солнце село, свет померк, воздух стал неподвижен, ничто не тревожило водную гладь, и я с трудом мог определить, где заканчивалась вода и начиналось небо. Все было серым. Я открыл ставни и распахнул пару окон в доме. Ветер стих, и

тишину нарушал лишь легкий плеск воды — начинался прилив. И как только старая женщина могла жить здесь день за днем, ночь за ночью, полностью отрезанная от мира? Я не мог этого понять. На ее месте я бы, наверное, сошел с ума — поэтому я собирался работать без всяких перерывов, дабы поскорее разобрать бумаги. И все же, глядя на простирившееся передо мной дикое болото, даже сейчас, в сумерках, я чувствовал странное очарование, исходившее от этих невероятно красивых мест. Передо мной лежала бескрайняя пустыня, и все же я не мог оторвать взгляд от этой картины. Однако в тот день я получил достаточно впечатлений и устал от одиночества и тишины, нарушаемой лишь плеском воды, стоном ветра и грустными криками птиц. Меня утомили серость и мрачность старого дома. Я знал, пройдет по меньшей мере час, прежде чем Кеквик вернется на своей повозке, поэтому решил выйти на воздух и немного взбодриться. Хорошая прогулка приведет меня в чувство, и, выбрав правильное направление, я смогу вовремя вернуться в Кризин-Гиффорд. Тогда Кеквику не придется возвращаться за мной. Но даже если и не успею, мы встретимся по пути. Насыпная дорога была прямой, и вода еще не скрыла ее. Я подумал, что вряд ли заблужусь.

И, подумав так, я закрыл окна и ставни и покинул особняк Ил-Марш в сгущающихся ноябрьских сумерках.

Заблудившийся экипаж

Выйдя из дома, я быстрым шагом направился по тропинке, усыпанной гравием. Вокруг стояла такая тишина, что слышны были только мои шаги, но даже они стихли, когда я пошел по траве в сторону насыпной дороги. В небе надо мной кружили запоздалые чайки, возвращавшиеся в свои гнезда. Пару раз я оглянулся, опасаясь, что женщина в черном будет преследовать меня. Но к тому времени я почти полностью убедил себя, что по другую сторону от кладбищенской стены наверняка находился какой-нибудь склон или впадина и, возможно, там стоял дом, скрытый от посторонних глаз. К тому же в подобном месте перемена освещения может сыграть злую шутку, а я даже не попытался найти укрытие, просто осмотрелся по сторонам, ничего не заметив. Наверное, так оно и было. И я постарался больше не вспоминать о странной реакции мистера Джерома после того, как утром я сказал ему про женщину.

Насыпная дорога была все еще сухой, когда я ступил на нее, однако я заметил, что вода слева от меня медленно и бесшумно начала подниматься. Мне даже стало любопытно, насколько глубоко дорога уходит под воду во время прилива. В такой спокойный вечер я располагал достаточным временем, чтобы пройти по ней, не подвергая свою жизнь опасности. Правда, теперь, когда я шел пешком, расстояние казалось мне куда внушительнее, чем во время поездки на двуколке Кеквика, к тому же впереди, в самом конце, дорога сливалась с серым мраком. Никогда прежде я не ощущал себя таким одиноким, маленьким и незначительным по сравнению с простиравшимся передо мной бескрайним простором. То равнодушие, с которым встретили меня небо и вода, вызвали во мне неприятное состояние задумчивости и желание пофилософствовать.

Несколько минут спустя (не могу сказать точно, как много времени прошло) я отвлекся от своих размышлений и понял, что едва могу рассмотреть что-либо на расстоянии вытянутой руки. Обернувшись, я с ужасом обнаружил, что особняк Ил-Марш исчез из виду, и вовсе не из-за вечернего сумрака, а вследствие густого тумана, который клубился над болотами и окутывал все вокруг: дом за моей спиной, конец дороги и местность впереди. Туман напоминал влажную, липкую паутину, тонкую и вместе с тем невероятно прочную. По запаху и вкусу он отличался от грязно-желтого лондонского тумана, неподвижного и удушающего, этот же имел привкус морской соли, казался легким, бледным и быстро проносился

передо мной. Туман сбивал столку, дразнил меня, щекотал, словно в нем были спрятаны миллион пальцев, он то нависал надо мной, то проносился дальше. Мои волосы, лицо и рукава пальто стали мокрыми от влаги. Но главное — туман появился неожиданно, он запутал меня и лишил ориентиров.

Вскоре я снова медленно двинулся вперед, собираясь выйти на безопасную проселочную дорогу. Но довольно быстро понял, что могу сбиться с пути, сойти с насыпной дороги и бесцельно бродить здесь всю ночь. Самым очевидным и разумным решением казалось возвращение назад: было необходимо дождаться, либо пока туман рассеется и дом снова будет виден, либо приезда Кеквика, который заберет меня. Не исключено, что оба эти события могли произойти одновременно.

Обратная дорога напоминала кошмар. Я шел очень медленно, опасаясь в любой момент угодить в болото или в поднимающуюся воду. Если бы я решил осмотреться по сторонам, пронесившийся мимо туман снова сбил бы меня с толку, поэтому я ковылял и молился, чтобы побыстрее добраться до дома, который оказался гораздо дальше, чем мне думалось. Затем, где-то среди тьмы и клубящегося тумана, я услышал звук, от которого у меня отлегло от сердца: далекий, но легко узнаваемый стук лошадиных копыт, грохот колес и поскрипывание экипажа. Значит, Кеквика не смутил туман, он привык ездить по насыпной дороге в темноте. Я стоял и ждал, когда появится фонарь, и уже собирался крикнуть и таким образом обнаружить свое присутствие, чтобы он случайно не наехал на меня и не столкнул в канаву.

Затем я понял, туман, должно быть, искажает звуки, так как экипаж, который я услышал, по-видимому, находился дальше, чем мне показалось вначале. И ехал он не ко мне, не по насыпной дороге, а к болотам. Я пытался определить, в какую сторону дует ветер, однако воздух был неподвижен. Я повернулся, но в этот момент звук стал стихать. Окончательно сбитый с толку, я стоял и ждал, пытаясь понять, что происходит там, в тумане. То, что я услышал в следующий момент, напугало меня и наполнило мое сердце леденящим ужасом, хотя я даже не сразу осознал случившееся. Скрип колес становился все тише, пока не смолк совсем, а затем из болот донесся странный чавкающий звук, словно что-то засасывало под воду, и тут же раздалось пронзительное, отчаянное ржание лошади, а потом крик — испуганный вопль, смешанный с рыданиями; мне было трудно разобрать, что именно кричали, но я понял, кричал ребенок, маленький ребенок. Я стоял совершенно беспомощный в тумане, который клубился передо мной и скрывал все, что происходило

вокруг. От страха и растерянности на глаза у меня навернулись слезы. Теперь я уже не сомневался, что именно услышал. Зловещий стук копыт и шум колес повозки, которая везла ребенка и сопровождавшего его взрослого — скорее всего это был Кеквик, — а затем крики о помощи, которые все не стихали. Вероятно, возница сбился с пути, экипаж заехал в болота, и теперь его затягивало в трясины и накрывало поднимающейся водой.

Я закричал, насколько хватило сил моим легким, затем бросился было вперед, но остановился, ибо ничего не видел и вряд ли мог как-то помочь. Я не мог пойти через болото, а даже если бы мне это и удалось, шансы отыскать повозку и помочь ее пассажирам равнялись нулю. Я лишь подверг бы опасности себя и сам оказался на дне трясины. Единственное, что я мог сделать, — это вернуться в особняк Ил-Марш, зажечь лампы во всех комнатах и попытаться подать сигнал из окон, надеясь вопреки всему, что кто-нибудь из местных жителей увидит его подобно свету маяка.

Содрогаясь от страшных мыслей, крутившихся в голове, я представил себе несчастных людей и животное, которым я ничем не мог помочь и которые медленно погружались в трясины и захлебывались водой и грязью. Я совершенно забыл о своих страхах и разыгравшемся воображении, которое тревожило меня всего несколько минут назад, и сосредоточился на дороге. Нужно было как можно скорее добраться до дома целым и невредимым. Вода поднялась уже достаточно высоко, но я лишь слышал ее журчание: туман был очень густым, а ночь — темной. Я облегченно вскрикнул, когда снова почувствовал твердую почву под ногами, и вскоре гравий затрещал у меня под ботинками. Спотыкаясь, я вслепую добрался до дома и нащупал дверь.

Позади меня, на болоте, снова воцарились тишина и спокойствие, как будто лошади и повозки не было и в помине. Только слышался слабый плеск воды.

Очутившись в доме, я добрался до стула, стоявшего в темной прихожей, сел на него, поджав ноги, закрыл лицо руками и разразился беспомощными рыданиями. Лишь в этот момент я полностью осознал, свидетелем какого происшествия я только что стал.

Не знаю, сколько времени я просидел там, объятый страхом и отчаянием. Но через некоторое время я сумел собраться с силами, встать и зажечь в доме все светильники, находившиеся в исправном состоянии. Они тускло светили, и в глубине души я прекрасно понимал, как невелика возможность, что неяркий свет от нескольких ламп будет виден сквозь туман, даже если кто-то и заметит вдали их слабый отблеск. Но я должен

был хоть что-то предпринять, а ничего другого в голову мне не пришло. Завершив работу, я почувствовал себя немного лучше. Затем я стал рыться в сервантах, буфетах и кухонных шкафах, пока наконец в одном из них, в углу столовой, не нашел неоткупоренную бутылку бренди тридцатилетней выдержки. Я открыл ее, нашел стакан и щедро налил себе. Для человека, только что пережившего сильное потрясение, эта доза казалась вполне уместной, несмотря на то что с последнего приема пищи прошло уже несколько часов.

Судя по всему, миссис Драбл не использовала эту комнату уже много лет. На мебели виднелся тонкий, белесый слой соли, которая висела в воздухе, а подсвечники и канделябры потускнели. Льняные скатерти были туго свернуты и местами пожелтели, хрусталь и фарфор покрылись пылью.

Я вернулся в одну из комнат, которая сохранила некое подобие домашнего уюта, хотя там тоже было холодно и пахло сыростью. Это оказалась малая столовая, располагавшаяся рядом с кухней. Я стал медленно пить бренди, пытаюсь прийти в себя и понять, что мне делать дальше.

Но когда алкоголь подействовал и я немного успокоился, мои мысли пришли в полное смятение. Я разозлился и на мистера Бентли за то, что он послал меня сюда, и на свою глупую независимость и непроходимую тупость, и на то, что я пренебрег намеками и завуалированными предупреждениями местных жителей. Я жаждал, нет, скорее, молился о том, чтобы мне удалось поскорее вернуться в шумный и суматошный Лондон, оказаться среди друзей, просто среди знакомых мне людей и вновь увидеть Стеллу.

Я не мог спокойно сидеть в этом пустынном и вместе с тем пугающем старом доме, где чувствовал себя как в ловушке. Поэтому начал бродить из комнаты в комнату, брать в руки разные предметы, бессмысленно вертеть их и класть на место. Я поднялся по лестнице наверх, снова прошел через спальни с закрытыми ставнями, забрался по еще одной лестнице на чердак, заваленный старым хламом, без ковра на полу, без штор и ставен на высоких узких окнах.

Все двери были открыты, в комнатах — порядок, но холодно, пыльно, сыро и очень душно. Лишь одна дверь на втором этаже в конце коридора, где располагались еще три спальни, оказалась заперта. Снаружи я не нашел ни скважины, ни засова.

По какой-то неясной причине я разозлился на эту дверь. Я пнул ее ногой и яростно потряс за ручку, но затем оставил попытки открыть и спустился вниз. Пока я шел, мои шаги разносились по дому гулким эхом.

Через каждые несколько минут я подходил то к одному, то к другому окну и тер ладонью стекла, пытаясь рассмотреть, что за ними. Я стирал покрывавший их тонкий слой грязи, но не мог стереть морской туман, который стоял за окнами снаружи. Глядя на него, я видел, как он постоянно изменялся, как облака в небе, но не рассеивался, и не было никаких намеков на просвет.

Наконец я рухнул на плюшевый диван в просторной гостиной с высоким потолком, повернул голову к окну и, допив второй стакан выдержанного, ароматного бренди, предался грустным мыслям и жалости к самому себе. Мне уже не было холодно, я не чувствовал ни страха, ни тревоги. У меня вдруг возникло ощущение, что я оказался внутри кокона, который отгораживал меня от страшных событий, случившихся на болотах, и позволял расслабиться и ни о чем больше не думать. Это чувство оказалось таким же неуловимым, как туман за окном, но оно дарило умиротворение и негу и позволяло обрести если не покой, то по крайней мере облегчение после сильных переживаний.

В ушах у меня что-то непрерывно звенело и отдавало в голову. Резкий металлический звук был совсем близко и вместе с тем так далеко, что казалось, будто он колеблется и я сам раскачиваюсь в такт ему. Я пытался вырваться из окружавшей меня тьмы, подвижной и крутящейся вокруг меня, но земля уходила из-под ног. Я боялся поскользнуться и упасть, провалиться в ужасный водоворот, из которого доносилось эхо. Колокольчик продолжал звенеть. Я в замешательстве проснулся и увидел похожую на огромную тыкву луну, которая светила в окно с ясного черного неба.

Голова моя отяжелела, во рту было вязко и сухо, руки и ноги затекли. Я не знал, сколько времени проспал: несколько минут или несколько часов, ибо полностью утратил ощущение времени. Я попытался подняться и в этот момент осознал, что звон колокольчика вовсе не почудился мне в нервном и сумбурном сне. Это был реальный звук, который разносился по дому. Кто-то звонил в парадную дверь.

Я вышел из комнаты и направился в прихожую. Мои ноги, долгое время находившиеся в согнутом положении, одеревенели, колени подгибались. В этот момент я стал воскрешать в памяти недавние события и прежде всего с замирающим от ужаса сердцем вспомнил о происшествии с повозкой и о детском крике, разнесшемся над болотами. Зажженные мною лампы все еще горели. Я подумал, что, вероятно, их заметили, и распахнул входную дверь, продолжая вопреки всему надеяться увидеть на пороге крепких мужчин из поисковой группы, прибывших ко мне на

помощь. Они не растеряются, выслушают меня, а потом увезут меня из этого места.

Но на посыпанной гравием дорожке в свете полной луны и горевшей в прихожей лампы стоял всего один человек, и это был Кеквик. Позади него виднелась повозка, запряженная лошадью. Все выглядело реально и обыденно, и казалось, с ними ничего не произошло. Воздух стал холодным и чистым, в небе сияли звезды. Болота выглядели тихими и спокойными и блестели серебром в лунном сиянии. Туман и облака рассеялись, а сырость почти не ощущалась. Перемена была настолько разительной, словно я очутился в совершенно другом мире и все случившееся — лишь дурной сон.

— Пришлось подождать, пока туман рассеется. В такой мрак нельзя переправляться, — как ни в чем не бывало заметил Кеквик. — Вам не повезло.

Мой язык прилип к нёбу, а ноги подкосились.

— А потом мне еще пришлось ждать отлива. — Кеквик осмотрелся. — Сюда ужасно неудобно добираться. Скоро вы и сами в этом убедитесь.

В этот момент я наконец-то взглянул на часы и понял: уже два часа ночи. Как раз начался отлив, открывший дорогу Девять жизней. Я проспал почти семь часов, примерно столько же я сплю обычно по ночам, но это значило, что до рассвета еще оставалось несколько часов, а я чувствовал себя больным, усталым и измотанным, словно меня мучила бессонница.

— Я не ожидал, что вы приедете в такой час, — с трудом пробормотал я. — Это очень мило с вашей стороны...

Кеквик слегка приподнял кепку и почесал лоб. Тогда я заметил, что его нос и нижнюю часть лица покрывают шишки, бородавки и наросты, а кожа пористая и имеет багрово-синий оттенок.

— Я бы не бросил вас здесь ночью, — сказал он наконец. — Нет, не мог я так с вами поступить.

Я почувствовал легкое головокружение. Мы снова беседовали с ним как нормальные люди. Как же я был рад видеть его! Никогда в жизни я так не радовался появлению человека и маленькой, коренастой лошадки, которая молча и терпеливо стояла рядом.

Но через мгновение воспоминания вернулись ко мне, и я выпалил:

— Но что случилось с вами, как вы очутились здесь... как вы смогли выбраться?

В этот момент мое сердце дрогнуло, и я понял, что вовсе не Кеквик и не его лошадь угодили в болото. Это был кто-то другой, и он ехал с ребенком, но теперь они сгинули, погибли, болота забрали их, а вода

сомкнулась над их головами, и на ее спокойной сверкающей поверхности не осталось даже ряби. Но кому пришло в голову ноябрьским вечером ехать сюда сквозь туман во время прилива, да еще взять с собой в эти опасные места ребенка? Почему они отправились именно сюда и кто ехал в той повозке? Ведь на многие мили вокруг Ил-Марш — это единственный дом, если только я не ошибался и поблизости не находился еще один дом, скрытый от посторонних глаз. Тот самый, где жила женщина в черном.

Кеквик смерил меня пристальным взглядом, и я подумал, что, вероятно, вид у меня был совершенно дикий и растрепанный. В тот момент я совсем не напоминал того уверенного в себе, модно одетого, деловитого молодого человека, которого вчера днем он привез сюда. Кеквик махнул рукой в сторону повозки.

— Садитесь-ка лучше, — сказал он.

— Да, но послушайте...

Кеквик отвернулся и забрался на место кучера. Он сел, закутался плотнее в свое пальто, поднял воротник, закрывший его шею и лицо, и стал ждать меня, глядя перед собой. Мне стало ясно, что он прекрасно видел, в каком состоянии я нахожусь, и понимал, что со мной случилось нечто страшно меня напугавшее, но его это не удивило. Тем не менее всем своим видом он давал мне понять: ему не хочется слушать меня, задавать вопросы или отвечать на них и вообще обсуждать что-либо. Кеквик был готов привозить меня сюда и отвозить обратно в любое время дня и ночи, он ответственно подходил к своей работе, но на этом его обязательства заканчивались.

Не сказав больше ни слова, я спешно вернулся в дом, погасил все лампы, потом забрался в повозку и позволил Кеквику и его лошадке увезти меня прочь через тихое, зловеще-прекрасное болото под плывущей в небе луной. Меня укачало, я впал в состояние транса или полудремы. Страшно разболелась голова, а желудок время от времени сводили спазмы, и накатывала тошнота. Я не оглядывался по сторонам, но иногда поднимал глаза к нависавшему надо мной огромному куполу ночного неба, и вид разбросанных по небу звезд и созвездий успокаивал и утешал меня. Небесные светила по-прежнему казались мне чем-то незыблемым и неизменным, и тем разительнее оказался контраст, который они составляли со всем, что меня окружало на земле, и с тем состоянием, в котором я пребывал. Теперь я уже не сомневался, что вступил в доселе не изведенное царство, которое прежде лежало за пределами моего понимания и воображения. Я и представить себе не мог, что это место раз и навсегда полностью изменит мою жизнь и я увижу и услышу нечто совершенно

невероятное. Я уже не просто верил, что женщина на кладбище — призрак, я это знал. Эта убежденность зародилась и твердо обосновалась во мне во время мучительного и беспокойного сна. Теперь я стал подозревать, что лошадь и повозка, которые я услышал тогда, та самая повозка с истошно кричащим ребенком, которую засосало в трясины, когда болота, дельта реки и берег моря были окутаны неожиданно налетевшим туманом, сбившим меня с пути, — также оказались нереальными. Они были призраками, по крайней мере в тот момент, когда я столкнулся с ними. Те звуки, которые я слышал так же четко, как теперь слышал грохот колес и стук копыт лошади Кеквика, и та женщина с бледным изможденным лицом, увиденная мною на могиле миссис Драблоу, а позже на старом кладбище, — ничего этого на самом деле не существовало. Я мог в этом поклясться, мог присягнуть на Библии. Пускай я не в силах дать этому разумное объяснение, но я знал, они были нереальными, призраками давно умерших людей.

Смирившись с этой мыслью, я тут же успокоился, и мы продолжали наше тихое ночное путешествие, оставляя болота и дельту реки позади. Я надеялся, что мне удастся разбудить хозяина гостиницы «Гиффорд армс» и я смогу убедить его впустить меня, после чего поднимусь в мою комнату, лягу в уютную постель и снова усну, и это избавит меня от мыслей и переживаний по поводу случившегося. Завтра, когда снова взойдет солнце, я уже приду в себя и смогу обдумать дальнейшее. Но в тот момент я знал лишь одно — мне не нужно возвращаться в особняк Ил-Марш, и я должен найти способ отказаться от своих обязательств и не заниматься больше делами миссис Драблоу. Но пока я не решил, придумаю ли какое-то оправдание или расскажу мистеру Бентли все как было в надежде, что моя история не покажется ему нелепой.

Я уже готовился отойти ко сну — хозяин гостиницы проявил заботу и участие в моей судьбе, — когда вдруг поймал себя на мысли, каким невероятно великодушным оказался мистер Кеквик: он приехал за мной, как только туман и прилив позволили ему это. Он вполне мог махнуть на все рукой, развернуть свою двуколку и вернуться только на следующее утро. Но он, наверное, ждал и даже не распрягал лошадь, волнуясь, что мне одному придется провести всю ночь в этом доме. Я был невероятно признателен ему и напомнил себе, что он должен получить щедрую награду за доставленные неудобства.

Я лег в постель в начале четвертого, однако до рассвета оставалось еще около пяти часов. Хозяин сказал, что я могу спать, сколько моей душе будет угодно, никто не станет меня тревожить, и завтрак доставят, как только я пожелаю. По-своему он, так же как и Кеквик, переживал за меня.

Но оба они были очень сдержанны и, казалось, выставили барьер, ограждавший их от любых расспросов, а я не собирался разрушать эту преграду. Кто знает, что им самим довелось видеть и слышать и как много им было известно обо всем, что случилось в прошлом, не говоря уж о ходивших в этих местах слухах, легендах и поверьях? Об этом я не мог даже догадываться. Но того немногого, что я сам испытал, оказалось достаточно, чтобы воздержаться от любых попыток получить объяснения.

Поэтому, утопая в мягких подушках и размышляя о случившемся, я в конце концов забылся тревожным, тяжелым сном. Передо мной появлялись какие-то фигуры, вызывавшие у меня тревогу, и пару раз я едва не проснулся. Я выкрикивал какие-то бессвязные слова, покрывался испариной, крутился в постели, пытаюсь освободиться от кошмаров, вырваться из полузабытья, из-под власти ужаса и дурных предчувствий. И все время сквозь сон я слышал пронзительное ржание лошади и крик ребенка, которые никак не смолкали, а я, совершенно беспомощный, стоял в тумане неподвижно, словно прирос к земле, и позади меня, невидимая, но осязаемая, парила женщина в черном.

Мистер Джером напуган

Проснувшись, я обрадовался, когда снова увидел мою комнату, залитую ярким солнечным светом. Однако усталость и ощущение горечи не покидали меня, и мое нынешнее состояние сильно отличалось от того, как чувствовал я себя прошлым утром. Тогда я прекрасно выспался, проснулся бодрым и был готов броситься навстречу новому дню. Неужели все это было всего лишь вчера? Мне казалось, я совершил невероятно долгое путешествие, пускай оно и произошло, скорее, в духовной сфере. Я просто не мог поверить, что совсем недавно считал себя таким уравновешенным и спокойным, словно с тех пор прошло много лет. Теперь моя голова была тяжелая и болела, ее словно налили свинцом, в ушах звенело, я чувствовал себя усталым и опустошенным, нервы были напряжены до предела, а чувства обострены.

И все же через некоторое время я заставил себя подняться с кровати, которая теперь казалась жесткой и неудобной, словно мешок с картошкой. Я отодвинул шторы и посмотрел на ослепительно яркое голубое небо, затем ополоснул лицо и шею холодной водой из-под крана и принял хорошую горячую ванну. Это немного взбодрило меня, я собрался с мыслями и смог спокойно взвесить, что мне делать дальше. За завтраком, который я неожиданно для себя съел с большим аппетитом, я продумал несколько вариантов. Прошлой ночью я был непреклонен и не принял бы никаких возражений — я больше не хотел иметь ничего общего с особняком Ил-Марш и с делами Драблону и собирался отправить мистеру Бентли телеграмму, переложить все свои обязанности на мистера Джерома и первым же поездом вернуться в Лондон.

Проще говоря, я хотел сбежать. Да, именно так я и расценивал свои намерения теперь, при свете дня. Я не испытывал вины за подобное решение — настолько сильно был напуган. Не скажу, что я чувствовал себя совсем уж трусом, готовым броситься наутек при первой же опасности, однако и считать себя храбрецом у меня не было никаких оснований. К тому же пережитые мною события, столь пугающие, проистекали из сферы непознанного и непостижимого, не поддавались объяснению, но вместе с тем имели очень сильное влияние на меня. Постепенно я понял, чем больше всего напуган, и, разобравшись в своих мыслях, переживаниях и страхах, осознал, что это никак не связано с увиденным и услышанным. В женщине с изможденным лицом, по сути дела, не было ничего

отталкивающего или пугающего. Ужасные крики, доносившиеся сквозь туман, сильно встревожили меня, но гораздо хуже оказалось то, что окружало это место и вселяло особую тревогу. Какая-то атмосфера, сила — я даже не мог дать точное определение — зла и нечистоты, ужаса и страдания, ожесточения и горького гнева. Столкнувшись с этим, я почувствовал себя совершенно потерянным.

— Вот увидите, сегодня в Кризине намного спокойнее, — сказал мне хозяин, пришедший забрать у меня тарелку и заново наполнить мой кофейник. — В рыночный день сюда съезжаются со всей округи. Но сегодня здесь будет тихо.

Он стоял, пристально глядя на меня, и я подумал, что стоит извиниться, что поднял его посреди ночи и попросил впустить.

— О, все равно это лучше, чем если бы вы остались в... в каком-нибудь непригодном для ночлега месте.

— Прошедшая ночь была беспокойной. Меня преследовали ночные кошмары, и я совсем не отдохнул.

Он молчал.

— Думаю, сегодня утром мне следует немного размяться на свежем воздухе. Возможно, я прогуляюсь милю-другую по сельской местности, посмотрю на фермы, которые принадлежат людям, приехавшим вчера на рынок по делам.

На самом деле я хотел сказать, что собираюсь пойти в противоположную от болот сторону, как можно дальше от того места.

— Уверен, прогулка будет приятной и необременительной, на многие мили местность здесь ровная словно простыня. Конечно, вы сможете увидеть гораздо больше, если отправитесь верхом.

— Увы, я никогда не увлекался верховой ездой, и, если честно, у меня нет желания заниматься этим сейчас.

— Тогда есть другое предложение, — сказал хозяин и неожиданно улыбнулся. — Я могу одолжить вам хороший, крепкий велосипед.

Велосипед! Он заметил, как изменилось выражение моего лица. Мальчишкой я часто катался на велосипеде, уезжая на нем далеко от дома. Да и сейчас мы со Стеллой иногда отправлялись на поезде к одной из плотин, захватив с собой корзинки с обедом, и наматывали мили на велосипедах по дорожкам вдоль Темзы.

— Вы найдете его на заднем дворе. Не стесняйтесь, сэр, раз вам это нравится. — С этими словами он покинул столовую.

Подумав о двухчасовой велосипедной прогулке, которая наверняка поможет мне смахнуть липкую паутину уныния прошлой ночи, освежиться,

восстановить силы и вернуть бодрость духа, я почувствовал, как настроение мое заметно улучшилось. Мысли о побеге больше не посещали меня.

Однако сначала я решил навестить мистера Джерома и поговорить с ним. Я намеревался попросить его о помощи в разборе бумаг миссис Драбл — я очень надеялся, что у него в конторе имеется юный помощник, которого он мог бы на время одолжить мне. Я был уверен, что при свете дня и в сопровождении компаньона смогу снова отправиться в особняк Ил-Марш. Я буду возвращаться в город до захода солнца и постараюсь работать методично и как можно эффективнее. И больше не стану ходить на старое кладбище.

Просто удивительно, как хорошее физическое самочувствие способно поднять настроение. Выйдя на рыночную площадь, я снова стал прежним нормальным, уравновешенным, бодрым человеком, а сердце мое ликовало при мысли о предстоящей велосипедной прогулке.

Я отыскал контору Горацио Джерома — агента по продаже земли и недвижимости. Она занимала две темные каморки с низкими потолками и располагалась над магазином зерна, в доме, который стоял на узкой улочке, ведущей с площади. Я ожидал, что меня встретит его помощник или клерк, которому я назову свое имя. Но там не оказалось ни души. В конторе было тихо, в приемной — темно и пусто. После некоторых колебаний я подошел к единственной закрытой двери и постучал. Последовала пауза, потом скрипнул стул и послышались чьи-то быстрые шаги. Мистер Джером открыл дверь.

Я сразу понял, что он не был рад видеть меня. Его лицо снова приняло равнодушное, непроницаемое выражение, как и во время нашей предыдущей встречи. Он немного помедлил и лишь потом пригласил меня пройти в его кабинет, затем окинул странным беглым взглядом, отвернулся и стал смотреть мне через плечо. Я ожидал его расспросов о поездке в Ил-Марш. Но он ничего не сказал, поэтому я изложил ему суть моего предложения:

— Понимаете, у меня возникла мысль... не знаю, имеете ли вы представление... но, оказывается, после миссис Драбл остались горы бумаг — целые кипы. И я уверен, что по большей части они бесполезны. Но тем не менее я должен их все разобрать. Поскольку в обозримом будущем я буду вынужден задержаться в Кризин-Гиффорде, мне понадобится помощь.

Лицо мистера Джерома перекопилось от панического ужаса. Он отодвинул кресло подальше от меня и уселся за свой скрипучий стол. Мне

показалось, что если бы он мог пройти сквозь стену и оказаться на улице в тот момент, он поступил бы именно так.

— Боюсь, я не смогу вам ничем помочь, мистер Киппс. О нет.

— Я и не рассчитывал, что вы лично станете помогать мне, — попытался успокоить его я. — Но возможно, у вас есть юный ассистент.

— Нет никакого ассистента. Я все делаю сам. И не могу вам помочь.

— Но в таком случае вы могли бы отыскать кого-нибудь... наверняка в городе найдется молодой человек, не лишенный интеллекта и желающий заработать несколько фунтов, которому я смог бы предложить работу.

Я заметил, что его руки, лежавшие на ручках кресла, нервно дергались, терли дерево, сжимались и разжимались от волнения.

— Извините... город очень маленький... молодежь уезжает отсюда... здесь практически нет работы.

— Но я как раз хочу предложить работу... пускай и временную.

— Вы вряд ли найдете подходящего кандидата! — Он почти кричал.

Я ответил ему очень спокойно и тихо:

— Мистер Джером, вы ведь не это имеете в виду. Вы же не хотите сказать, что в городе или его окрестностях невозможно отыскать ни одного человека — молодого или даже пожилого, — способного справиться с подобной работой. Я уверен, нашлось бы немало желающих, из которых мы выбрали бы одного или двух кандидатов. Но вы увильваете, не хотите говорить правду, а она заключается в том, что я не смогу найти ни одной души, пожелавшей бы отправиться в особняк Ил-Марш из страха перед легендами, в том числе и правдивыми, из-за боязни встретить там то, с чем лично мне уже пришлось столкнуться.

В комнате воцарилась тишина. Руки мистера Джерома продолжали царапать подлокотники кресла, словно лапы животного, попавшего в капкан. Его бледный выпуклый лоб покрылся испариной. Наконец он встал, едва не опрокинув кресло, подошел к узкому окну и посмотрел через грязное стекло на дом, стоявший с противоположной стороны тихой улочки. Затем повернулся ко мне и произнес:

— Кеквик вернулся за вами.

— Да, и я невероятно признателен ему за это.

— Кеквик знает об особняке Ил-Марш все.

— Как я понимаю, иногда он выполнял поручения миссис Драбллу?

Мистер Джером кивнул.

— Она ни с кем больше не виделась. Ни с одной... — Его голос сорвался.

— Ни с одной живой душой, — спокойно закончил я.

Когда мистер Джером снова заговорил, его голос был хриплым и каким-то усталым.

— Есть истории, — проговорил он, — которые на деле оказываются всего лишь сказками. Вымыслом.

— Охотно в это верю. Нет ничего удивительного, что в таких местах появляются легенды о болотных чудовищах, тварях из морских глубин или о блуждающих огоньках.

— По большей части они даже не достойны внимания.

— Да, но не все.

— Вы видели ту женщину во дворе церкви?

— И я встретил ее снова. Вчера днем я пошел прогуляться вокруг особняка Ил-Марш после того, как Кеквик уехал. И увидел ее на старом кладбище. Что там за развалины — церкви или часовни?

— Когда-то на острове был монастырь... но это было задолго до того, как там построили дом. Небольшая община решила удалиться от окружающего мира. В архивах графства есть упоминание о ней. Монастырь опустел и был заброшен несколько столетий тому назад.

— А кладбище?

— Его... использовали и позже. Там есть несколько относительно новых могил.

— Члены семьи Драблону?

Неожиданно он отвернулся. Его кожа приобрела нездоровый сероватый оттенок, и я понял, что разговор его взволновал, а желания продолжать его он не выказал. Мне нужно было уладить мои дела, поэтому я решил оставить попытки привлечь к работе мистера Джерома. Вместо этого я счел необходимым позвонить мистеру Бентли в Лондон. А чтобы сделать звонок, я должен был вернуться в гостиницу.

— Что ж, — сказал я, — меня не испугает призрак или даже несколько призраков, мистер Джером. Признаюсь, это оказалось не очень приятно, и я был бы рад найти компаньона, который помог бы мне с работой в доме. Но я должен выполнить ее. И я сомневаюсь, что женщина в черном будет враждебна по отношению ко мне. Однако мне интересно, кем она была. Кто она? — Я рассмеялся, но мой смех, разнесшийся по комнате, показался мне фальшивым. — Я даже не знаю, как к ней обращаться!

Я пытался хоть немного разрядить обстановку, но прекрасно понимал: дело, о котором мы говорили, предельно серьезное. Я старался отнестись к этому явлению как к чему-то незначительному или даже нереальному, однако осознавал, что оно повлияло на нас обоих так же сильно, как и любое другое событие, подводившее нас к черте между жизнью и смертью.

— Мистер Джером, я должен пройти через это. Кто-то должен рано или поздно это сделать. — Я чувствовал, как в душе у меня растет уверенность.

— Я тоже так говорил. — Мистер Джером посмотрел на меня с жалостью. — Я тоже говорил так... когда-то.

Но его страх лишь усилил мою решимость. Что его так сломало? Призрак женщины? Странные звуки? Или то, что мне еще только предстоит узнать? Я догадывался: ответа мне все равно не получить, даже если спросить его самого об этом. Но я не уверен, хотелось бы мне выслушивать пугающие и странные истории мистера Джерома о пережитом им в особняке Ил-Марш. И наконец решив до конца разобраться в этом деле, я должен полагаться лишь на собственные ощущения. Возможно, даже к лучшему, если я буду один, без помощника.

Я покинул мистера Джерома, но перед уходом заметил, что, вполне возможно, больше не увижу женщину или каких-либо других визитеров в доме покойной миссис Драбллу.

— Я буду молиться, чтобы так и случилось. — Мистер Джером неожиданно вцепился мне в руку и яростно потряс ее. — Я буду молиться об этом.

— Не беспокойтесь, — отозвался я, стараясь, чтобы мой голос звучал весело и непринужденно, и стал спускаться вниз по лестнице, оставив мистера Джерома наедине с его тревогами.

Я вернулся в «Гиффорд армс» и, вместо того чтобы позвонить мистеру Бентли, написал ему письмо. В нем я подробно рассказал о доме и горах бумаг, сообщил, что мне придется задержаться дольше, чем я предполагал, и о том, что я буду ждать вестей от мистера Бентли, на случай если ему потребуется мое срочное присутствие в Лондоне. Также я упомянул о весьма дурной репутации особняка Ил-Марш в здешних местах и объяснил, что по этой причине, а также по другим, более прозаическим, мне будет трудно найти себе помощников, хотя я приложил немало усилий по их поиску. Тем не менее в течение недели я планировал завершить работу и подготовить к отправке в Лондон все бумаги, которые могли представлять интерес.

Я положил письмо на стол в фойе гостиницы, чтобы днем его забрал почтальон, вышел на улицу и разыскал велосипед хозяина — он был хороший, старомодный, с изогнутым рулем и большой корзиной спереди. В Лондоне на таких же разъезжали мальчишки, работающие в мясных лавках. Я забрался на него и, крутя педали, пересек площадь, а потом по боковым улочкам выехал в поле. День для велосипедной прогулки выдался

замечательным, холодный ветер обжигал щеки, было ясно и светло, равнинный пейзаж хорошо просматривался на многие мили вокруг.

Я собирался добраться до следующей деревни, отыскать еще один постоянный двор и отобедать там хлебом с сыром и пивом. Но, проехав последний дом, я не смог удержаться от неожиданно охватившего меня желания остановиться и взглянуть, но не на запад, где вдали виднелись фермерские домики, посевные поля и далекие крыши деревни, а на восток. Туда, где, заманчиво поблескивая серебристым цветом, раскинулись болота, а небо на горизонте бледнело, соединяясь с дельтой реки. Слабый ветерок приносил оттуда соленый запах. Даже издали я ощущал эту загадочную тишину, и снова пугающая странная красота тех мест пробудила отклик в моей душе. Я не мог бежать, я должен вернуться туда, не сейчас, но в скором времени. Я был как зачарованный, это чувство буквально завладело мною, моим воображением, моими желаниями, моей душой, оно будоражило мое любопытство и притягивало.

Долго, не отрываясь я смотрел в ту сторону, пока наконец не понял, что со мной происходит. Мои чувства были переменчивы и обострены до крайности. Я так резко, остро и нервно реагировал на происходящее, словно находился в каком-то нереальном мире. Мне казалось, мое сердце бьется быстрее, движения стали стремительнее, а все, что я вижу, — ярче, четче и определеннее. И это произошло после вчерашних событий. Мне стало интересно, не случилось ли таких перемен и с моей внешностью, что по возвращении домой мои друзья и родные заметят это. Я чувствовал себя возмужавшим и был похож на человека, которому назначено предстать перед судом, вместе с тем находясь во власти страха, волнения и любопытства.

Но теперь, чтобы удержать мои чувства в узде и сохранить душевное равновесие, я должен был предпринять некоторые усилия и заняться физическими упражнениями. Поэтому я повернул велосипед, снова уселся на него и спокойно покатыл по проселочной дороге, не оглядываясь на болота у меня за спиной.

Паучок

Я вернулся через четыре часа, преодолев расстояние примерно в тридцать миль, и буквально светился от радости. Я намеренно совершил поездку по сельской местности, чтобы полюбоваться последними следами золотой осени, растворявшимися в неотвратимо наступающей зиме. Холодный ветер бил в лицо, а физическая активность развеяла все мои страхи и уничтожила мучительные мысли. В деревне я нашел постоянный двор, съел обед из хлеба и сыра, попросил открыть для меня один из фермерских амбаров и подремал там около часа.

Вернувшись в Кризин-Гиффорд, я чувствовал себя обновленным, довольным, полным сил и готовым встретиться и сразиться со всеми ужасами, притаившимися в доме миссис Драблоу и на окружавших его зловещих болотах. Одним словом, я был весел и дерзок. В таком настроении я выехал на площадь и едва не врезался в автомобиль, который сворачивал в узкий переулок мне навстречу. Я резко крутанул руль, нажал на тормоз и кое-как протиснулся между автомобилем и стеной дома. В этот момент я заметил, что машина принадлежит моему попутчику, ехавшему со мной в поезде, человеку, который скупал фермы на вчерашнем аукционе. Мистеру Сэмюэлю Дейли. Тот велел своему шоферу затормозить и высунулся из окна, чтобы справиться о моем самочувствии.

— Я совершил чудесную прогулку по окрестностям и теперь хочу хорошенько отобедать.

Мистер Дейли удивленно приподнял брови:

— А ваши дела?

— Вы о недвижимости миссис Драблоу? О, скоро я приведу их в порядок. Хотя, должен признаться, на это уйдет больше времени, чем я рассчитывал.

— А вы были в доме?

— Разумеется.

— Ах вот как.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга, не желая развивать эту тему. Затем, приготовив велосипед к дальнейшей поездке, я весело сказал:

— Честно говоря, мне здесь нравится. И будет интересно справиться с этой задачей.

Мистер Дейли по-прежнему пристально смотрел на меня, так что я был вынужден отвести взгляд, чувствуя себя как школьник, которого

поймали на лжи, когда он рассказал вымышленную историю.

— Мистер Киппс, — произнес он наконец, — вы явно храбритесь. Позвольте мне угостить вас обедом, который вы с таким нетерпением ожидаете. В семь часов. Хозяин гостиницы расскажет, как добраться до моего дома. — Он махнул рукой шоферу, откинулся на спинку сиденья и больше не смотрел в мою сторону.

Вернувшись в отель, я основательно подготовился к следующему дню, и хотя в упреке мистера Дейли явно имелось зерно истины, я был полон решимости и мне не терпелось с головой погрузиться в дела, касавшиеся особняка Ил-Марш. Я попросил собрать для меня корзину с провизией, затем сходил в город и прикупил кое-что из продуктов: несколько пачек чая и кофе, сахар, пару буханок хлеба, банку с печеньем, свежий табак для трубки, спички и прочую бакалею. Кроме того, я приобрел большой карманный фонарик и резиновые сапоги. Я все никак не мог избавиться от ярких воспоминаний о путешествии по болотам и о тумане, возникшем во время прилива. Если это повторится — хотя я отчаянно молился, чтобы ничего подобного не случилось, — я должен быть во всеоружии, по крайней мере обеспечен всем необходимым в материальном плане.

Когда я рассказал хозяину гостиницы, что собираюсь переночевать в гостинице, а на следующие пару дней перебраться в особняк Ил-Марш, он ничего не ответил, но по выражению его лица я понял, что он вспомнил, как я вернулся посреди ночи и яростно барабанил в дверь, а мое лицо было перекошено от пережитого потрясения. Я спросил, могу ли снова позаимствовать его велосипед, и он едва заметно кивнул мне. Кроме того, я предупредил его, что хотел бы сохранить за собой комнату, однако, независимо от того, сколько времени у меня уйдет на работу с бумагами миссис Драбл, я собирался покинуть гостиницу к концу недели.

Мне было любопытно, что думал этот человек обо мне и о том деле, которое я так беспечно взвалил себе на плечи, но видел: ему, как и всем остальным, хорошо известны не только слухи и легенды, связанные с особняком Ил-Марш. Он знал и правду. Мне кажется, в глубине души он бы обрадовался, исчезни я из его жизни раз и навсегда. Однако предпочел не озвучивать своего мнения и не стал предупреждать меня или давать советы. Вероятно, мое поведение дало ему ясно понять, что я не приму возражений, не стану прислушиваться к предупреждениям и даже к своим собственным дурным предчувствиям. В тот момент я был намерен упрямо следовать выбранному курсу.

Мистер Дейли понял это через несколько минут после того, как я переступил порог его дома в тот же вечер. Он наблюдал за мной, слушал

мою болтовню и за весь обед не проронил почти ни слова.

Я без труда нашел дорогу. Дом произвел на меня внушительное впечатление. Особняк мистера Дейли располагался в огромном и довольно строгом парке, навевавшем воспоминания о романах Джейн Остен. Длинная подъездная аллея вела к крыльцу с портиком, по обе стороны от небольшой лестницы между колоннами сидели каменные львы и стояли вазы, с балюстрады открывался вид на довольно скучную, безликую лужайку с аккуратно подстриженными кустами. Все это выглядело помпезным, холодным и совершенно не сочеталось с впечатлениями, оставшимися у меня от мистера Дейли. Было очевидно, он купил этот дом, поскольку хватило денег и потому что это был самый большой особняк в округе, выставленный на продажу. Мне показалось, что он вряд ли чувствует себя здесь вольготно, и даже стало интересно, сколько комнат в доме пустовало или почти не использовалось владельцами, ведь, помимо немногочисленной прислуги, там проживали только мистер Дейли и его жена. Мистер Дейли сообщил мне, что у него есть сын, но он женат, имеет ребенка и теперь живет отдельно.

Миссис Дейли была тихой маленькой женщиной с застенчивым полным лицом. Похоже, в этом доме она чувствовала себя еще более неуютно, чем ее муж. Она мало говорила, слегка нервно улыбалась и вязала крючком какой-то сложный, витиеватый узор.

Тем не менее они оказали мне теплый прием, а обед, состоявший из жареного фазана и огромного пирога с патокой, был великолепен, и я очень хорошо провел время у них в доме.

До ужина и во время него, а также за кофе, который миссис Дейли разлила нам в гостиной, я слушал историю о жизни Сэмюэля Дейли и о том, как он сделал свое состояние. Его нельзя было назвать хвастливым, однако он говорил с большим воодушевлением о своей предприимчивости и везении. Он перечислил все акры земли и все дома, которыми владел, рассказал, сколько людей работало на него и скольким он сдавал жилье, поделился своими планами на будущее, из чего я сделал вывод, что он собирался стать самым крупным землевладельцем в графстве. Поведал он и о сыне с внуком, для которых строил свою империю. Бесспорно, у него были завистники и недоброжелатели, особенно из числа тех, кто соперничал с ним за возможность приобрести землю или недвижимость. Но вместе с тем он внушал безотчетную симпатию: настолько просто, прямодушно и безо всякого стеснения рассказывал о своих амбициях. Мистер Дейли одновременно производил впечатление человека проникательного и грубоватого, жесткого, предприимчивого и предельно

честного. В тот вечер я не раз ловил себя на мысли, что все больше проникаюсь симпатией к нему, и даже решил поведать о своих, увы, довольно скромных устремлениях, о возможностях, которые мог предоставить мне мистер Бентли, и о наших со Стеллой планах на будущее.

Когда застенчивая миссис Дейли покинула нас и мы переместились в кабинет, где на маленьком столике стояли два графина, один — с портвейном, второй — с виски, я рассказал об истинных причинах моего пребывания здесь.

Мистер Дейли щедро налил в стакан портвейн и протянул его мне со словами:

— Вы глупец, если намерены продолжать это дело.

Я спокойно сделал пару глотков, никак не отреагировав на его замечание, хотя резкость и грубость его слов разбудили затаившийся страх, который мне до сих пор удавалось подавлять.

— Если вы думаете, будто я брошу порученную мне работу, подожду хвост и убегу...

— Артур, послушайте меня. — Он назвал меня по имени, и это было довольно неучтиво с его стороны, поскольку сам он не предложил обращаться к нему таким же манером. — Я не собираюсь пересказывать вам бабьи рассказы... вы и сами скоро много чего услышите, если только начнете расспрашивать людей. Возможно, вам уже кое-что известно.

— Нет, — возразил я, — пока я слышал лишь намеки... да еще мистер Джером всегда бледнеет при упоминании о доме.

— Но вы же сами там побывали.

— Я ездил туда и пережил нечто такое, что мне не хотелось бы испытать еще раз и чему, признаюсь, я пока не могу найти объяснения.

И тогда я рассказал ему все от начала и до конца: о женщине с изможденным лицом, появившейся на похоронах и на старом кладбище, о моей прогулке через болота сквозь туман и об ужасных криках, которые довелось услышать. Мистер Дейли сидел со стаканом в руке и с безучастным видом слушал меня, не перебивая, пока я не закончил.

— Мне кажется, мистер Дейли, я видел призрак, который живет в особняке Ил-Марш или на кладбище около него, — сказал я. — Женщину в черном с изможденным лицом. Я не сомневаюсь, она — именно то, что в народе называют призраком, она не была реальным, живым созданием из плоти и крови. Да, она не причинила мне вреда. Не пыталась заговорить или подойти ко мне. Мне не понравился ее внешний вид, но еще больше мне не понравилась... энергия, которая исходила от нее и словно обволакивала меня. Однако я убедил себя, что все это в крайнем случае

напугает, но не причинит вреда. Поэтому если я поеду туда и встречу ее, то буду к этому готов.

— А что насчет экипажа и лошади?

Я не мог ответить, так как это было хуже, намного хуже и гораздо страшнее, поскольку я слышал, но не видел их. Однако я был уверен, что не забуду крик ребенка до конца своих дней.

Я покачал головой:

— Все равно я не сбегу.

Пока я сидел возле камина в кабинете Сэмюэля Дейли, я чувствовал себя сильным, уверенным, отважным и мужественным. Я — и это не ускользнуло от его внимания — гордился собой. Мне казалось, именно так должен выглядеть человек, который собирается ринуться в бой, вооруженным и готовым к сражению с чудовищами.

— Вам не следует ездить туда.

— Боюсь, у меня нет выбора.

— Вы не должны ехать туда в одиночестве.

— Я не смог найти никого, кто согласился бы сопровождать меня.

— Верно, — подтвердил он, — и не найдете.

— Господи, да послушайте меня. Миссис Драблону проживала там одна... сколько лет? Наверное, шестьдесят, не меньше. И дожила до самой старости. Вероятно, она привыкла к призракам, которые там обитали.

— Да, — он встал. — Возможно, именно так все и было. Пойдемте... Бунс отвезет вас.

— Нет, я лучше пройду пешком. В последнее время я пристрастился к прогулкам на свежем воздухе.

На самом деле я приехал на велосипеде, но, столкнувшись с великолепием дома Дейли, потихоньку спрятал его в канаве около ворот, посчитав, что будет не совсем уместно ехать на велосипеде по такой роскошной подъездной аллее.

Я поблагодарил мистера Дейли за оказанное мне гостеприимство и стал надевать пальто. Он пристально смотрел на меня, словно размышляя о чем-то, а в последний момент неожиданно спросил:

— Вы все еще намерены сделать это?

— Да.

— Тогда возьмите собаку.

— Но у меня нет собаки, — со смехом ответил я.

— Зато у меня есть. — Он проследовал мимо меня, вышел из дома и шагнул в темноту, окружавшую его особняк. Вероятно, где-то рядом находились пристройки. Я с любопытством ожидал его возвращения.

Забота мистера Дейли тронула меня, и я предавался праздным размышлениям, какую помощь может оказать собака при встрече с призраками, однако был готов принять предложение мистера Дейли. Я любил собак, к тому же добродушное, теплое, живое существо непременно скрасит мое пребывание в пустом и холодном старом доме.

Через несколько мгновений я услышал размеренные шаги мистера Дейли, которым вторило шлепанье лап и царапанье когтей.

— Можете забрать ее, — сказал он, — только верните, когда закончите свою работу.

— А она пойдет со мной?

— Она сделает все, что я ей скажу.

Я опустил глаза. У моих ног стоял коренастый маленький терьер с жесткой шерстью пегого окраса и с блестящими глазами. Собака слабо вильнула хвостом, приветствуя меня, но продолжала держаться рядом с мистером Дейли.

— Как ее зовут?

— Паучок.

Собака снова вильнула хвостом.

— Хорошо, — сказал я. — Честно говоря, я буду рад ее обществу. Спасибо. — Я повернулся и пошел прочь по широкой аллее. Некоторое время спустя я остановился и позвал: — Паучок, девочка, иди сюда! — Собака не двинулась с места, а я почувствовал себя круглым дураком. Тогда Сэмюель Дейли рассмеялся, щелкнул пальцами и что-то сказал. В тот же момент Паучок вприпрыжку бросилась ко мне и послушно прижалась к моей ноге.

Я достал свой велосипед, только когда убедился, что меня не видно из дома, и собака радостно побежала за мной по тихой, залитой лунным светом дороге в сторону города. Мое настроение улучшилось. Как ни странно, я с нетерпением ждал следующего утра.

В детской

Когда я отдернул шторы, солнце снова сияло, а небо было голубым. Погода выдалась замечательной, ясной. Я спал урывками, тревожным сном, меня мучили странные, беспорядочные сновидения. Возможно, это было следствием того, что я слишком плотно поел и хорошо выпил у мистера Дейли. Но настроение мое изменилось, пока я одевался и завтракал — я снова почувствовал прилив оптимизма и решимости. Поев, я стал готовиться к переезду в особняк Ил-Марш. Маленькая собачка Паучок, к моему удивлению, спала у изножья моей кровати совершенно неподвижно. Я сразу же привязался к ней, несмотря на то что плохо разбирался в собаках. Она была жизнерадостной, милой, подвижной и вместе с тем очень послушной, а выражение ее блестящих глазок, которые, словно челка, прикрывала лохматая шерсть, напоминающая густые смешные брови, показалось мне на редкость осмысленным. Я понял, мне будет очень приятно ее общество.

В начале десятого хозяин позвал меня к телефону. Звонил мистер Бентли. Он говорил четко и коротко, поскольку не любил пользоваться этим аппаратом. Мистер Бентли получил мое письмо и согласился с тем, что я должен задержаться до тех пор, пока не разберу бумаги миссис Драбл и не найду среди кучи старого мусора действительно полезные документы. Мне надлежало упаковать и отправить в Лондон все, что я сочту важным, а остальное оставить в доме, на случай если в будущем ими заинтересуются наследники. После этого я могу вернуться в Лондон.

— Это довольно странное место, — отметил я.

— Она сама была странной женщиной, — отозвался мистер Бентли и грохнул трубкой так, что у меня зазвенело в ушах.

В девять тридцать я положил коробку с провизией в корзину велосипеда и тронулся в путь. Паучок вприпрыжку бежала впереди меня. Я больше не мог тянуть, так как должен был начаться прилив, и пока я катил через простиравшееся передо мной болото, меня вдруг осенило: я в какой-то степени сжигаю за собой мосты, и если что-то забыл, то не смогу вернуться и взять по крайней мере в ближайшие несколько часов.

Солнце светило высоко в небе, вода блестела, вокруг было светло, просторно и ясно, даже воздух, казалось, стал еще более чистым и бодрящим. Морские птицы, серебристо-серые и белые, парили в воздухе или камнем падали вниз, а впереди, в самом конце прямого пути, меня

поджидал особняк Ил-Марш.

Примерно через полчаса после моего прибытия я начал активно обустриваться на новом месте. В темной кухне, находившейся в дальней части дома, я отыскивал посуду и столовые приборы. Вымыл их, высушил и разложил, чтобы в скором времени использовать по назначению. Затем расчистил угол в кладовке и сложил туда свою провизию. После этого, обыскав все полки и буфет наверху, я нашел чистое постельное белье и одеяла и положил их в гостиной у камина, в котором развел огонь. Я разжег камин и в других комнатах — в маленьком салоне и в столовой, а путем проб и ошибок сумел разогреть котел, поэтому рассчитывал к вечеру иметь горячую воду для ванной.

Затем я распахнул ставни, открыл несколько окон и уселся за большим письменным столом, стоящим около окна-фонаря в малой столовой. Мне показалось, из этого окна открывался самый красивый вид на болота, устье реки и небо над ними. Перед собой я поставил два ящика с бумагами, справа от меня был чайник, а у ног лежала Паучок. Я полностью погрузился в работу. Она оказалась довольно скучной, но я, набравшись терпения, развязывал и бегло просматривал связку за связкой бесполезных старых бумаг, после чего бросал их в пустой ящик, который поставил рядом с собой специально для этих целей. Там были старые счета по домоводству, чеки и счета из магазинов тридцати- или даже сорокалетней давности; многочисленные выписки о состоянии банковских счетов и рецепты от врачей, а также сметы от плотников, стекольщиков и декораторов; а еще — письма от неизвестных мне людей и поздравительные открытки на Рождество и дни рождения, но все они были отправлены и получены много лет назад. Мне также попадались счета из лондонских магазинов, списки товаров и замеры для портных.

Письма я откладывал в сторону для последующего их изучения. Все остальное оказалось просто грудой мусора. Время от времени, чтобы развеять скуку, я смотрел в широкое окно на болота, которые по-прежнему купались в лучах солнца и радовали своей тихой красотой. Я приготовил себе обед, состоявший из окорока, хлеба и пива, а в начале третьего позвал Паучка и вышел из дома. Я был спокоен и доволен жизнью. Проведя полдня за письменным столом, я чувствовал, что мое тело затекло, мне было скучновато, однако я не испытывал тревоги. Все эти ужасы и призраки, явившиеся во время моего первого визита в дом и на болота, будто растаяли вместе с туманом, который на короткое время полностью поглотил меня. Воздух был прохладным и бодрил, я прогуливался вдоль участка, на котором стоял особняк Ил-Марш, время от времени швырял

палочку собаке, которая с радостью бросалась за ней и приносила мне, дышал чистым воздухом и совершенно расслабился. Я даже рискнул направиться к развалинам, где находилось старое кладбище. Паучок весело бегала неподалеку, искала настоящих или воображаемых кроликов, время от времени начинала яростно копать передними лапами землю, а затем вприпрыжку убегала прочь. Мы никого не встретили. Ни единой тени не легло на траву.

Некоторое время спустя я уже бродил по кладбищу, пытаюсь безуспешно разобрать написанные на них имена, и наконец добрался до той крайней могилы, где в последний раз видел женщину. Я точно запомнил — она опиралась именно на этот могильный камень, и ожидал, что смогу разобрать на нем имя Драблор, но буквы скрывала корка соли, которую, как я предположил, ветер приносил с дельты реки хмурыми зимними днями.

На д...ю пам...
...нет Драблор
...190...
...сь по...
...иел...лор
Урож...

Я вспомнил, как мистер Джером намекнул о существовании семейного кладбища Драблор, которое долгое время не использовали, и оно находилось не на церковном дворе, поэтому решил, что именно здесь покоятся прежние представители фамилии. Но совершенно ясно, теперь здесь не было ничего, кроме старых костей. Я не испытывал страха и был почти спокоен, пока стоял там и думал об этом месте, которое прежде показалось мне жутким, зловещим, пагубным, а теперь лишь навевало уныние, настолько оно было запущенным и безлюдным. Лет сто назад на таком кладбище могли гулять поэты-романтики, набираясь вдохновения, чтобы потом сочинять свои напыщенные, печальные вирши.

Начало холодать, солнце клонилось к горизонту, а небо утратило свою яркость, поэтому я вернулся в дом вместе с собакой.

Там я заварил себе еще чаю, развел огонь и, прежде чем снова усестыся за скучнейшие бумаги, просмотрел содержимое книжных шкафов в гостиной и выбрал себе чтение на ночь. Я остановился на романе Вальтера Скотта и книге стихов Джона Клера, отнес их наверх и положил на тумбочку в маленькой спальне, которую счел наиболее пригодной для сна,

поскольку она располагалась в передней части дома и казалась не такой большой и холодной, как остальные; я решил, что здесь будет уютнее всего. Из окна открывался вид на ту часть болот, которая находилась в стороне от дельты реки, а если немного выгнуть шею, то можно было увидеть и дорогу Девять жизней.

Я собирался работать весь вечер, поэтому, когда стемнело, зажег все лампы, которые смог отыскать, задернул шторы и принес еще угля и поленьев из-под навеса, находившегося снаружи около двери в кухонную кладовку.

В ящичке лежала груда ненужных бумаг, составлявших разительный контраст с небольшой стопкой писем, которые я собирался изучить более внимательно. Я принес еще коробки и ящички, наполненные бумагами, найденные мною в доме. Работая в таком темпе, я мог полностью разобрать их дня за полтора, не более. Я выпил стакан хереса и поужинал весьма скудной, но приятной пищей, которую разделил с Паучком. После этого, утомившись, я решил напоследок выйти прогуляться, прежде чем закрыть дом.

Стояла тишина, не было даже легкого ветерка. Издалека доносилось едва слышное журчание воды. Птицы уже спрятались в своих гнездах, ожидая наступления ночи. Темные, безмолвные болота простирались передо мной на многие мили вокруг.

Я снова в подробностях вспомнил события, точнее, явления призраков, случившиеся во время моего прошлого визита в особняк Ил-Марш, чтобы еще раз напомнить себе, что я спокоен и невозмутим. И все мои страхи и тревоги полностью забыты. Воспоминания о них вызывали у меня лишь недоумение. Со мной больше ничего не произошло, никакого несчастья. День и вечер прошли спокойно, обыденно и были начисто лишены каких-либо интересных происшествий. Паучок оказалась прекрасной компаньонкой, и я был рад слышать ее тихое дыхание, царапанье когтей и шлепанье лап по полу, которые время от времени разносились по большому пустому и старому дому. Единственными чувствами, которые я испытывал, оказались скука и состояние апатии, сопровождаемые желанием поскорее закончить работу и вернуться в Лондон к моей милой Стелле. К тому же я решил попросить у мистера Сэмюэля Дейли, в случае если у Паучка появится потомство, оставить мне одного щенка.

Я работал сосредоточенно и с большим усердием, и прогулка на свежем воздухе была мне необходима, чтобы развеяться и размяться. Примерно через полчаса я лег и начал читать «Эдинбургскую темницу», собака устроилась на коврике в изножье моей кровати. Кажется, я уснул

через несколько минут после того, как выключил лампу, и спал довольно глубоко, ибо, когда проснулся, почувствовал себя ошарашенным и в первые две секунды не мог понять, где нахожусь и почему очутился здесь. В комнате было довольно темно, но через какое-то время мои глаза привыкли к мраку, и я заметил лунный свет, струящийся через окно, поскольку оставил тяжелые толстые шторы незадернутыми, а окно — слегка приоткрытым. Луна освещала вышитое покрывало, гардероб, комод и зеркало холодным, но красивым светом, и мне вдруг захотелось встать с постели и посмотреть на болота и реку за окном.

Сначала все было тихо и неподвижно, и я не мог понять, что разбудило меня. Но мое сердце замерло, когда я увидел, как Паучок, проснувшись, встала у двери. Ее шерсть встопорщилась, уши поднялись, хвост вытянулся, а тело напряглось, словно она готовилась к прыжку. Из ее горла донеслось тихое, глухое рычание. Я сидел на кровати как парализованный, не в силах двинуться с места, ощущая лишь присутствие собаки и легкое покалывание кожи. Внезапно я осознал, что тишина, окружавшая нас, изменилась, стала зловещей и пугающей. А потом откуда-то из глубины дома, но не очень далеко от моей комнаты, раздался звук. Он был слабым и едва слышным, и мне пришлось изо всех сил напрягать слух, дабы разобраться, что это такое. Звук напоминал регулярные, но повторяющиеся со значительным интервалом удары или стук. Больше не произошло ничего необычного. Не было ни шагов, ни скрипа половиц, стояла абсолютная тишина, даже ветер не завывал за окном. Но приглушенный стук по-прежнему не смолкал, и собака, оцетинившись, продолжала стоять у двери, просунув нос в щель внизу и вдыхая воздух. Затем она попятилась ко мне, подняв голову, и, как и я, стала вслушиваться, время от времени издавая рычание.

Поскольку ничего больше не произошло и со мной была собака, в конце концов я сумел встать с кровати, хотя сердце мое бешено стучало и я все еще не пришел в себя от потрясения. Мне понадобилось время, чтобы собрать все свое мужество, открыть дверь спальни и выйти в темный коридор. Через мгновение Паучок бросилась вперед, тщательно обнюхивая каждую закрытую дверь, из ее горла по-прежнему вырывались тихое ворчание и рык.

Некоторое время спустя я снова услышал странный звук. Казалось, он доносился из коридора слева от меня, из самого его конца. Но мне так и не удалось распознать его. Прислушиваясь и едва дыша, я решился сделать несколько осторожных шагов в эту сторону. Паучок шла впереди. В коридоре были три двери в спальни, находившиеся по обе стороны от меня,

и, собравшись с духом, я стал по очереди открывать каждую из них и заглядывать внутрь. Однако там ничего не оказалось, кроме старой, тяжелой мебели и заправленных кроватей. Спальни эти находились в задней части дома, и их освещала луна. Внизу, на первом этаже, стояла тишина — абсолютная, обволакивающая, окутывающая, буквально осязаемая тишина, пропитанная запахом плесени, и тьма, плотная как войлок.

Затем я подошел к двери в самом конце коридора. Паучок была рядом со мной, и пока она нюхала щель под дверью, все ее тело вытянулось в струнку, а рычание стало громче. Я положил руку ей на шею и потрепал короткую, жесткую шерсть, желая приободрить, скорее, себя, чем ее. Я чувствовал, как напряглись все ее мышцы, да и сам я пребывал в таком же состоянии.

Это была та самая дверь без замочной скважины, которую я не смог открыть во время моего первого визита в Ил-Марш. Я не имел ни малейшего представления, что за ней находилось. Но именно оттуда доносился звук. Он раздавался по другую сторону двери, не очень громкий, но довольно четкий. Что-то тихо билось о пол, это был ритмичный и знакомый звук, однако я никак не мог распознать его, хотя мне показалось, что он каким-то образом связан с моим прошлым. Этот звук будил во мне старые, наполовину забытые воспоминания и ассоциации, глубоко засевшие в моем мозгу. Возможно, при других обстоятельствах, если бы я не был так напуган, этот звук наверняка вызвал бы у меня любопытство или даже показался бы приятным и успокаивающим.

Паучок, стоявшая у моих ног, начала подвывать; это был тоненький, жалобный стон испуганного существа. Она немного отошла от двери и прижалась к моей ноге. У меня перехватило дыхание, во рту пересохло, я задрожал. Я не мог добраться до того, что находилось в комнате, но даже если бы у меня появилась подобная возможность, я вряд ли решился бы на это. Я пытался убедить себя, что это, наверное, крыса или птица, которая упала через печную трубу и теперь билась о каминную решетку не в силах выбраться. Однако звук не был похож на те, что издает маленькое, охваченное паникой животное. Тук-тук. Пауза. Тук-тук. Пауза. Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Я, наверное, простоял бы там, охваченный ужасом, всю ночь. Или взял бы собаку и бежал из дома, если бы не услышал другой, едва уловимый звук. Он раздался позади меня и доносился из передней части дома. Я повернулся спиной к запертой двери и пошел по коридору. Ориентируясь по лунному свету, я буквально на ощупь пробирался к моей спальне. Меня

колотила дрожь. Собака шла на полшага впереди меня.

В комнате я не заметил ничего необычного, кровать была такой же, как я ее оставил, ничто не изменилось; потом я понял — звук доносился не из самой комнаты, а из окна. Я поднял раму, чтобы выглянуть наружу. Передо мной лежали пустынные серебристо-серые болота, вода в дельте реки казалась гладкой, как зеркало, и в ней отражалась перевернутая луна. Ничего. Никого. Но откуда-то издалека, подобно шуму прибоя, такой тихий, будто отголоски воспоминаний, доносился плач. Плач ребенка. Но нет. Легкий ветерок потревожил поверхность воды, смял ее, зашуршал сухими зарослями тростника и стих. А вместе с ним смолк и плач. Я больше ничего уже не слышал.

Я почувствовал что-то теплое у моей лодыжки, посмотрел вниз и увидел Паучка, она прижималась ко мне и лизала мне кожу. Погладив ее, я понял, что она успокоилась, ее тело расслабилось, уши опустились. Я прислушался. В доме не раздавалось ни звука. Некоторое время спустя я снова вернулся в тот коридор и подошел к закрытой двери. Паучок сопровождала меня со спокойным видом, она терпеливо стояла рядом, возможно, ожидая, что нам откроют. Я прижался ухом к двери. Ничего. Все тихо. Я положил ладонь на ручку двери, немного помедлил, чувствуя, как сердце снова учащенно забилося. Тогда, несколько раз глубоко вздохнув, я попытался открыть дверь. Она не поддавалась, однако ее скрип разнесся эхом по комнате, находившейся за ней, словно там не было ни ковра, ни настила. Я сделал еще одну попытку, осторожно надавил на дверь плечом и снова толкнул. Но так и не сумел открыть.

В конце концов я вернулся в постель. Я прочитал еще две главы из романа Вальтера Скотта, едва ли осознавая, что там написано, и выключил лампу. Паучок снова улеглась на коврик. Часы показывали начало третьего ночи.

Однако я еще долго не мог уснуть.

На следующее утро я первым делом обратил внимание на перемену погоды. Проснувшись около семи утра, я тут же почувствовал сырость воздуха. Стало довольно холодно, а когда я выглянул в окно, то едва смог рассмотреть границу между землей и водой, водой и небом. Все было одинакового тускло-серого цвета, над болотом нависли тяжелые тучи, моросил мелкий дождь. Я понял, что подобная погода вряд ли поднимет мне настроение. После ночи я чувствовал себя встревоженным и утомившимся. Но Паучок энергичной рысью спустилась по лестнице и выглядела довольно веселой. Я развел огонь в очаге, подогрел воду в котле, принял ванну и позавтракал, и прежняя бодрость начала потихоньку

возвращаться ко мне. Я даже поднялся наверх, прошел по коридору к запертой двери, но за ней не слышалось никаких странных звуков. Там было совершенно тихо.

В девять часов я вышел из дома, взял велосипед и, яростно крутя педали, помчался по насыпной дороге, а затем — через поле, назад в Кризин. Паучок бежала за мной вприпрыжку, время от времени отбегая в сторону, чтобы покопаться в канаве или погоняться за птицами, порхающими над полем.

Жена хозяина гостиницы наполнила мою корзину свежей едой, а недостающее я купил у бакалейщика. Я поговорил с ними обоими, а также с мистером Джеромом, которого встретил на тихой улочке. Но беседы эти были короткими и несерьезными. Я ничего не сказал им о недавних событиях в особняке Ил-Марш. При свете дня, пускай он и был тусклым и пасмурным, мои нервы успокоились, я набрался решимости и прогнал прочь ночные фантазии. Более того, я обнаружил письмо от Стеллы. Мое сердце наполнилось радостью, когда я читал, как она переживает нашу разлуку и гордится, что мне поручили новые обязанности. Письмо согрело мой карман, когда я ехал обратно через болота к дому, весело насвистывая себе под нос.

Приближалось время ленча, однако я зажег все лампы в доме, поскольку небо оставалось хмурым, дневного света было мало и я не мог работать, даже сидя у окна. Выглянув в окно, я заметил, что облака стали еще более тяжелыми, а дождь усилился, и теперь я едва мог рассмотреть что-либо еще, кроме травы, которая росла по краю водоема. А когда день начал клониться к вечеру, даже она скрылась за дымкой тумана. Мои нервы понемногу сдавали, я уже подумывал о том, чтобы собрать вещи и вернуться в уютный и безопасный город. Я подошел к парадной двери и распахнул ее. И тут же сырость, словно тонкая паутина, облепила мое лицо и одежду. Ветер усилился, он дул с устья реки и пробирал до костей. Паучок пробежала немного вперед, затем остановилась и посмотрела на меня, всем своим видом показывая, что ей не хочется гулять в такую паршивую погоду. Я не видел развалин и стен старого кладбища, находившихся на другой стороне поля, лежавшего передо мной, низкие облака и туман полностью заслонили их. Не видел я и насыпной дороги, но не только из-за тумана, но и вследствие прилива — ее полностью затопило. Теперь вода отступит только поздней ночью. И лишь после этого я смогу вернуться в Кризин-Гиффорд.

Я свистом подозвал собаку, которая с радостью бросилась ко мне, и вернулся к бумагам миссис Драбл. Пока мне удалось собрать лишь очень

тонкую пачку документов и писем, представлявших некоторый интерес, и я решил, что немного отвлекусь и почитаю их перед ужином. На тот момент я умудрился разобрать еще несколько куч бесполезного мусора и с удовольствием взирал на опустевшие коробки и ящики. Однако вид бумаг, которые до сих пор не были просмотрены, нагонял на меня тоску.

Письма из первой пачки, перехваченные узкой фиолетовой лентой, были написаны одной и той же рукой примерно шестьдесят лет назад и датировались между февралем и летом следующего года. Все они отправлены из частного дома в деревне, которая, как я запомнил из карты, находилась милях в двадцати от Кризин-Гиффорда, а позже — из съемного жилья в шотландской провинции неподалеку от Эдинбурга. Каждое из них начиналось со слов «Моя дорогая» или «Дражайшая Элис», а вместо подписи стояло «Дж.», а иногда — «Дженнет». Письма были короткими, простыми и довольно наивными, а история, которую они рассказывали, — трогательной и весьма банальной. Писала молодая женщина, вероятно, родственница миссис Драбл. Она была не замужем и имела ребенка. Сначала она жила в доме с родителями; позже ее отослали в другое место. Об отце ребенка почти ничего не говорилось. Лишь пару раз она упоминала некоего П.: «П. больше не вернется» и «Я думаю, что П. отправили за границу». В Шотландии она родила сына и писала о нем с необыкновенной нежностью, граничащей с одержимостью. В течение нескольких месяцев писем не поступало, но когда переписка возобновилась, они оказались полны страстного гнева и протеста, а позже — тихой, сдержанной горечи. На женщину оказывали давление, от нее требовали, чтобы она отдала своего ребенка на усыновление, но она отказалась и заявила, что их «не разлучат».

«Он мой. Почему я не имею права на то, что мне принадлежит? Он не уедет к незнакомым людям. Я скорее убью нас обоих, чем позволю этому случиться».

Затем тон писем изменился:

«Что я могу поделать? Я почти беспомощна. Если вы с М. захотите забрать его, я не стану возражать». И еще: «Наверное, так и должно быть».

В конце последнего письма мелким, сбивчивым почерком было написано: «Любите его, заботьтесь о нем как о родном сыне. Но он мой, мой, и никоим образом не ваш. О, простите меня! Мое сердце разрывается. Дж.».

В той же связке я нашел документ, составленный стряпчим. Там говорилось, что Натаниель Пирстон, сын Дженнет Хамфри, усыновлен Морганом Томасом Драбл, владельцем особняка Ил-Марш, в предместье

города Кризин-Гиффорд, и его женой Элис. К документу были прикреплены еще три бумаги. Первой оказалась рекомендация, присланная леди М., проживавшей в Гайд-парк-гейт, на няньку по имени Роуз Джадд.

Я прочитал ее, отложил в сторону и уже собирался развернуть вторую бумагу — сложенный пополам лист, как внезапно вздрогнул от неожиданного звука.

Паучок стояла у двери и глухо рычала, как и прошлой ночью. Я внимательно посмотрел на нее и увидел, что шерсть у нее на загривке встала дыбом. С минуту я сидел, не в силах двинуться от страха. Затем вспомнил о своем решении отыскать призраков особняка Ил-Марш и встретиться с ними лицом к лицу. Я был уверен — по крайней мере испытывал чувство уверенности при свете дня, — чем отчаяннее я буду убегать от подобных явлений, тем яростнее они будут преследовать меня и мою собаку и пытаться нам навредить. Поэтому я отложил бумаги, встал и открыл дверь маленького салона, в котором сидел.

Паучок тут же выскочила из комнаты, словно гналась за зайцем, и взлетела по лестнице, продолжая рычать. Я слышал, как она пробежала по коридору наверху, а затем остановилась. Она стояла у запертой двери. Даже находясь на первом этаже, я слышал странный, слабый, уже знакомый ритмичный звук: тук-тук, пауза, тук-тук, пауза, тук-тук...

Решив непременно проникнуть в ту комнату и выяснить, что это означает, я отправился на кухню, а оттуда — в кладовку. Я надеялся отыскать тяжелый молоток, стамеску или другой инструмент, которым можно было бы взломать дверь, однако ничего не нашел. Тогда я вспомнил, что под навесом, где хранился уголь, я видел деревянный топор. Я открыл дверь черного хода, взял фонарь и вышел из дома.

В сыром воздухе по-прежнему висели изморось и туман, но это был совсем не тот клубящийся туман, который налетел ночью, когда я пытался пройти по насыпной дороге. Однако тьма стояла кромешная — ни луны, ни звезд, и я с трудом добрался до навеса, несмотря на зажженный фонарь.

Когда я наконец отыскал топор и направился назад к дому, то услышал шум, который был таким громким, словно его источник находился всего в нескольких ярдах от дома, поэтому я повернул и, вместо того чтобы войти вовнутрь, поспешил к парадной двери, намереваясь встретить посетителя.

Очутившись на посыпанной гравием тропинке, я осветил фонарем в сторону насыпной дороги. Оттуда доносились стук лошадиных копыт, грохот колес и поскрипывание повозки, подъезжающей к дому. Но я ничего не увидел. Потом все понял и закричал. Не было никакого посетителя, по крайней мере реального, живого человека. Это был не Кеквик. Теперь

источник звука изменил направление — лошадь с повозкой съехала с дороги и направилась к болоту.

Я стоял, находясь во власти невыразимого страха, напряженно вслушивался в происходящее, скрытое от меня сумраком и туманом, и пытался найти различия между этими звуками и теми, что издает настоящая повозка. Но не заметил никакой разницы. Если бы я мог броситься туда и при этом не сбиться с пути, я наверняка увидел бы повозку, забрался в нее, обратился бы к кучеру. Но уж так вышло, что я оказался не в силах что-либо сделать и просто неподвижно стоял, объятый ужасом и в полном душевном смятении. Мои нервы были взбудоражены из-за мрачных предчувствий и неожиданно разыгравшегося воображения.

Затем я понял, что собака выбежала из дома и теперь стоит рядом со мной. Замерев на месте и подняв уши, она смотрела в сторону болота, откуда доносились жуткие звуки. Повозка уезжала все дальше, грохот колес теперь был едва различим, а потом — всплеск воды, чавканье тины и ржание перепуганной лошади. Началось. Повозку стало засасывать в трясины, она медленно уходила на дно, наступил страшный момент, когда вода сомкнулась над ней, послышалось бульканье, заглушившее ржание барахтавшейся лошади, и ужасные, пронзительные детские крики. Постепенно все стало стихать, крики перешли в полупридушенный стон и наконец смолкли окончательно. Наступила тишина.

Лишь вдалеке тихо плескалась вода. Меня колотило, во рту пересохло, а ладони болели в тех местах, где я впился в них ногтями, когда беспомощно стоял и вновь внимал ужасающим звукам, которые будут вновь и вновь воскресать у меня в памяти до конца моих дней.

У меня не осталось и тени сомнения в том, что повозка, лошадь и плачущий ребенок не были реальными. О том, что их последняя поездка через болото и исчезновение в опасной трясины произошли не только что в нескольких сотнях ярдах от меня, я знал абсолютно точно. Но в то же время я понимал, что когда-то — я не мог сказать, когда именно, — это страшное событие действительно произошло в Ил-Марш. Повозка с лошадью, кучером и пассажиром-ребенком попала в трясины и скрылась под водой за считанные минуты. При одной только мысли об этом, не говоря уж о кошмарном спектакле, вновь разыгранном передо мною призраками, я почувствовал себя окончательно подавленным. Я стоял и дрожал, мне было холодно из-за тумана, ночного ветра и пота, который тут же остудил мое тело.

А затем Паучок, ощетинившись и выпучив глаза, отступила на пару шагов, встала на задние лапы и разразилась протяжным, отчаянным и

душераздирающим воем.

Собака не отзывалась на мои окрики, и в конце концов мне пришлось взять ее на руки и отнести в дом. Она была вся напряжена и явно напугана, а когда я опустил ее на пол в прихожей, прижалась к моим ногам.

Как ни странно, но ее страх убедил меня в том, что я должен взять под контроль мои эмоции; примерно так же храбрится мать, старающаяся успокоить плачущего ребенка. Паучок была всего лишь собакой, но я чувствовал ответственность перед ней, я должен успокоить и приободрить ее, и, поступая подобным образом, сам успокаивался и собирался с силами. Я стал гладить и ласкать ее, но через несколько минут она вдруг сорвалась с места и с рычанием вновь бросилась по лестнице наверх. Я последовал за ней, по дороге включая все лампы, которые попадались мне. Как я и предполагал, Паучок свернула в коридор, в конце которого находилась комната с запертой дверью. Я уже слышал тот звук — сводящий с ума знакомый стук, мучивший меня, ибо я не мог определить, что это такое.

Когда я свернул за угол, мое дыхание участилось и сердце бешено забилось в груди. И если до сих пор все происходящее в доме внушало мне просто страх, то в тот момент, когда я добежал до конца коридора и увидел, что там, мною овладел ужас, и я на мгновение поверил, что сейчас умру, — нет, что я уже умираю, ибо я не представлял себе, как человек способен выдержать столь сильное потрясение, при этом остаться в живых и сохранить рассудок.

Дверь в комнату, из которой доносились звуки и которая, без сомнения, все это время была заперта и не позволяла мне проникнуть внутрь, дверь, к которой не было ключа, теперь оказалась открытой. Распахнутой.

Комната за ней была погружена в крошечную тьму, за исключением небольшого пространства у входа — свет от лампочки на лестничной площадке тускло освещал коричневый настил на полу. Внутри я слышал и стук — теперь, когда дверь была открыта, он звучал громче, — и фыркание собаки, которая суетливо бегала вокруг чего-то и принюхивалась.

Не знаю, сколько я простоял там, объятый страхом и дрожью, пребывая во власти ужасного замешательства. Я полностью утратил ощущение реальности. В голове у меня был кавардак, смешались какие-то обрывочные переживания и мысли о призраках и реальных людях из плоти и крови, тайком проникших в дом, о насилии и убийствах и прочие странные, безотчетные страхи. И все это время дверь была раскрыта, а стук какого-то раскачивающегося предмета за ней все не смолкал. Да. Я наконец понял, что за звук я слышал все это время, по крайней мере он сильно напомнил мне его. Точно так же постукивало кресло-качалка моей няни,

которая сидела у моей кровати, пока я, в ту пору еще маленький мальчик, засыпал. А она все раскачивалась и раскачивалась. Когда я болел и у меня начинался жар или когда я просыпался от ночного кошмара, моя мать или няня подходила ко мне, брала меня на руки, садилась вместе со мной в кресло и укачивала, пока я снова не засыпал. Звук, который я услышал, разбудил во мне далекие и смутные воспоминания детства. Он всегда ассоциировался у меня с покоем и безопасностью, умиротворенностью и чувством уверенности; этот повторяющийся, ритмичный звук убаюкивал меня по вечерам и звучал во сне, означая, что два самых близких для меня человека, которых я любил больше всего на свете, были рядом. И вот, когда я стоял в темном коридоре и прислушивался, этот стук оказал на меня точно такое же воздействие: меня словно загипнотизировали, я оказался в состоянии дремоты и покоя, мои страхи развеялись, напряжение в теле ослабло, я дышал спокойно и глубоко, чувствуя, как тепло разливается по всему моему телу. Я поверил, что теперь уже ничто не сможет напугать меня или причинить вред, у меня появился защитник и покровитель и он рядом. Возможно, так оно в действительности и случилось, возможно, мои знания и детская вера в невидимых небесных духов, которые сопровождали, поддерживали и защищали нас, — все это было правдой. Или, может, мои воспоминания, разбуженные стуком кресла-качалки, оказались настолько четкими и сильными, что смогли побороть и прогнать все казавшееся мне зловещим.

Но в чем бы ни заключалась причина, я знал: теперь мне хватит мужества войти в комнату и встретиться лицом к лицу со всем, что там окажется. И пока я не утратил эту уверенность, а прежние страхи не вернулись, я перешагнул порог, призвав всю свою решимость, смелость и твердость духа. Я тут же положил руку на выключатель, но когда свет так и не зажегся, я направил фонарь на потолок и увидел, что патрон для лампочки пуст. Однако свет фонаря был достаточно ярким и сильным. Как только я вошел в комнату, Паучок тихо заскулила откуда-то из угла, но не подошла ко мне. Очень медленно и осторожно я стал обследовать комнату.

Это оказалась примерно такая же комната, которая сохранилась в моих детских воспоминаниях и с которой навсегда был связан стук кресла-качалки. Детская комната. В углу стояла кровать, такая же узкая и низкая, как в свое время была у меня. Рядом с ней, обращенное к камину, чуть сбоку от него, стояло кресло-качалка. Оно также показалось мне на удивление знакомым — сделанное из темного дерева, возможно, вяза, с низким сиденьем, высокой спинкой из перекладин, с широкими потертыми изогнутыми полозьями. Я смотрел, пока у меня не заболели глаза, как оно

медленно раскачивалось, постепенно сбавляя скорость. Так часто раскачивается кресло-качалка после того, как из нее кто-то встает.

Но рядом никого не было. Комната оказалась пустой. Тот, кто только что встал из него, должен был выйти в коридор и столкнуться со мной, и мне пришлось бы отодвинуться в сторону, чтобы пропустить его.

Я быстро провел лучом фонаря вдоль стен. Увидел каминную трубу и очаг, окно и ставни были закрыты, окно перегораживали две деревянные балки — такие часто прибивают в детских комнатах, чтобы ребенок не вывалился наружу. Других дверей в комнате не было.

Кресло раскачивалось все слабее, теперь я едва различал его колебания и почти не слышал стука. Наконец оно замерло, и наступила тишина.

Детская комната была хорошо обставлена, убрана и выглядела так, словно ребенок покинул ее на пару дней или просто ушел на прогулку. Здесь не чувствовались сырость, заброшенность или неуютная атмосфера нежилого помещения, которые царили во всех остальных комнатах особняка Ил-Марш. Затаив дыхание, я осторожно и аккуратно обследовал комнату. Проверил кровать, она осталась заправленной: простыни, подушки, одеяла и стеганое покрывало — все было на месте. Перед кроватью стоял маленький столик, а на нем — крошечная деревянная лошадка и ночник с оплывшей, наполовину сгоревшей свечкой. В комод и гардеробе все еще хранилась одежда для мальчика шести или семи лет, красивая, хорошо сшитая одежда, вроде той, что носили мои родители, когда сами были детьми. Я запомнил это по старым фотографиям, которые еще хранились у нас дома. Такая одежда считалась модной лет шестьдесят тому назад.

А потом я увидел детские игрушки, множество игрушек, и почти все они были чистыми, расставленными с большой тщательностью. За этими игрушками следили и хорошо ухаживали. Ряды оловянных солдатиков, выстроенных в полки, и ферма, состоявшая из огороженных заборами раскрашенных амбаров, стогов и маленького кукурузного поля на деревянной доске. Модель корабля с мачтами и льняными парусами, пожелтевшими от времени; хлыст для верховой езды, лежавший рядом с начищенным до блеска волчком. Там я обнаружил различные настольные игры: лудо и халма, шашки и шахматы, а также пазлы, изображавшие сцены из деревенской жизни, цирковые представления и картину «Отрочество Роли».^[8] В маленьком деревянном ящике хранились кожаные обезьянки, шерстяная кошка с четырьмя котятками, лохматый мишка и лысая кукла в матросском костюме и с лицом китайца. У ребенка имелись карандаши и краски, флакончики с цветными чернилами и книжки с

детскими стихами, легендами Древней Греции и библейскими историями и молитвенник, набор костей и две колоды игральных карт, миниатюрная труба и разрисованная музыкальная шкатулка из Швейцарии, а также оловянный негритенок с руками и ногами на шарнирах.

Я брал все эти вещицы в руки, ощупывал и даже нюхал некоторые. Они пролежали здесь, наверное, с полстолетия, и все же в них, наверное, играли днем и убирали на ночь. Я больше не боялся. Мне стало любопытно. Я испытывал странное, непривычное чувство, словно все это происходит во сне. Но по крайней мере в тот момент мне казалось, что бояться нечего и ничто не может причинить мне вред. Пустая комната, открытая дверь, заправленная кровать и странная атмосфера печали и утраты, которая вызвала у меня ощущение опустошенности и грусти. Как я мог это объяснить? Я просто чувствовал это.

Собака тихо сидела на коврикe рядом с детской кроваткой. Я обследовал комнату, но так и не смог найти объяснения случившемуся. Не желая больше оставаться в этом месте, навевавшем на меня тоску, я в последний раз осмотрелся по сторонам, позвал собаку, вышел и закрыл за собой дверь.

Было еще не очень поздно, но у меня пропало всякое настроение изучать бумаги миссис Драблoу. Я чувствовал себя измотанным, усталым и опустошенным после сильных переживаний. Примерно так же, наверное, ощущает себя человек, выброшенный на берег после бури.

Я выпил бренди, разбавленный горячей водой, обошел дом, подбросил угля в камин и закрыл все двери, прежде чем лечь в постель и почитать перед сном сэра Вальтера Скотта.

Но перед тем как удалиться к себе, я снова прошел по коридору, ведущему к детской. Дверь была закрыта, как я и оставил ее. Я прислушался, но ничего не услышал. Я не стал вновь нарушать тишину и уединение комнаты и тихо вернулся в свою спальню, находившуюся в передней части дома.

Ты свистни — тебя не заставлю я ждать

Ночью ветер усилился. Пока я лежал и читал, до меня доносились его яростные порывы, которые били в окна со все возрастающей силой. Но когда поутру я внезапно проснулся, ветер стал еще более свирепым. Дом напоминал корабль, застигнутый бурей, которая с ревом пронеслась над болотами. Повсюду скрипели ставни, в каминных трубах слышалось завывание, во всех трещинках и уголках дома свистел ветер.

Сначала меня это встревожило. Но затем, лежа неподвижно, я собрался с мыслями и вспомнил, как долго простоял особняк Ил-Марш, непоколебимый и обдуваемый всеми ветрами, словно маяк. Зиму за зимой он выдерживал натиск ураганов и проливных дождей, града и снега. И не было никаких причин опасаться, что сегодня дом рухнет под ударами ветра. А потом на меня снова нахлынули детские воспоминания, и я вновь с грустью вспомнил о тех ночах, когда лежал в своей теплой, уютной и безопасной кроватке в детской комнате наверху родительского дома в Суссексе, слушал, как ревел ветер, словно лев, или завывал у дверей и бил в окна, и знал, что у него не хватит сил добраться до меня. Я откинулся на подушки и погрузился в приятное, похожее на транс состояние, нечто среднее между сном и бодрствованием, мои переживания и впечатления воскресали в моем воображении, и в конце концов я вновь почувствовал себя маленьким мальчиком.

Затем откуда-то из завывающей темноты до меня донесся крик, он тут же вернул меня в реальность и разрушил мое умиротворение.

Я прислушался. Ничего. Только шум ветра, похожий на крик банши, и грохот оконных стекол в старых, разошедшихся рамах. А потом снова послышался крик, знакомый крик отчаяния и муки, вопль о помощи. Кричал ребенок, который находился где-то на болотах.

Но не было никакого ребенка. Я знал это. Да и откуда ему взяться? И все же разве я мог спокойно лежать и не обращать внимания на крик, пусть и давно умершего призрака?

«Покойся с миром», — подумал я, но этот бедный малыш не находил успокоения.

Через несколько минут я встал. Я собирался спуститься вниз, налить себе что-нибудь выпить, пошевелить уголь в камине, сесть около него и попытаться отгородиться от этого зовущего голоса, для которого я ничего не мог сделать и которому никто не в силах был помочь уже... одному Богу

известно сколько лет.

Когда я вышел на лестничную площадку вместе с Паучком, произошло два события. Мне вдруг показалось, будто за секунду до меня кто-то спустился сверху и прошел в одну из комнат. А когда ветер с ужасающей яростью вновь обрушился на дом и он, казалось, вздрогнул от этого удара, неожиданно погас весь свет. Я не потрудился взять фонарь с прикроватного столика и теперь стоял в кромешной тьме. На мгновение я даже испугался, что потеряю равновесие.

И откуда взялся тот человек, который спустился вниз и теперь находился со мной в одном доме? Я никого не видел, ничего не чувствовал. Не было никакого движения, никто не коснулся меня краем рукава, я даже не ощутил колебания воздуха и не услышал ничьих шагов. Однако я пребывал в уверенности, что кто-то прошел мимо меня и свернул в коридор. В тот самый узкий коридор, в конце которого находилась детская комната, чья дверь сначала была заперта, а потом вдруг таинственным образом оказалась открытой.

На мгновение я предположил, что здесь был кто-то еще, какой-то человек, который жил в доме. Возможно, он прятался в таинственной детской комнате и выходил по ночам, чтобы раздобыть себе еду и питье и немного подышать свежим воздухом. Может, это женщина в черном? Может, у миссис Драбл жила ее старая сестра или прислуга, которая предпочитала вести затворнический образ жизни, или у нее была безумная подруга, о существовании которой никто не знал? В голове у меня рождались самые разные, дикие и бессвязные фантазии, в то время как я пытался найти рациональное объяснение присутствию того, в чье существование я все еще верил. Но вскоре я отказался от этих попыток. В особняке Ил-Марш не было ни одной живой души, кроме меня и собаки Сэмюэля Дейли. Чем бы это ни оказалось, кого бы я ни увидел или ни услышал и кто бы ни прошел мимо меня и ни открыл ту дверь, он не мог быть реальным человеком. Нет. Но что же тогда было реальным? В тот момент я усомнился даже в своем собственном существовании.

Мне нужен был свет. Поэтому я на ощупь вернулся в спальню и взял наконец фонарь. Сделав шаг назад, я натолкнулся на собаку, которая стояла у моих ног, и выронил его из рук. Фонарь перевернулся в воздухе и запрыгал по полу, а затем упал около окна. Послышался звук бьющегося стекла. Я выругался, но дополз на четвереньках до выключателя и сумел нажать его. Свет не зажегся. Фонарь был разбит.

Я чуть не расплакался от страха и отчаяния, огорчения и напряжения: так, как плакал только в детстве. Но вместо того чтобы зарыдать, я

принялся яростно стучать кулаками по половицам, пока у меня не заболела рука.

В чувство меня привела Паучок. Она потрогала лапой мою руку, а затем лизнула ладонь, которую я протянул ей. Мы сидели на полу рядом, я обнял и прижал к себе ее теплое тельце, радуясь тому, что она со мной. Мне было ужасно стыдно за свое поведение, однако я успокоился и даже испытал некоторое облегчение, а ветер все ревел и бил в окна, и сквозь его свирепые порывы я слышал страшный детский крик.

Я был уверен, что не смогу больше уснуть, но не решился спуститься вниз в кромешной тьме, когда за окнами бушевала буря, а я с трепетом осознавал, что в доме есть кто-то еще. Мой фонарик разбился. Я должен был раздобыть свечку или какой-нибудь другой источник света, пусть даже слабый и ненадежный, чтобы не сидеть в темноте. В доме была свечка. Я видел ее на столе около маленькой кровати в детской.

Долгое время я не мог собраться с силами и пройти через коридор к комнате, которая, как мне казалось, была центром и источником всех странных явлений в доме. Я пребывал во власти страхов, не мог мыслить связно и действовать решительно. Но постепенно я осознал, насколько верно утверждение, что человек, охваченный беспредельным ужасом, не может долгое время бездействовать. Эмоции, порождаемые какими-то ужасными событиями или переживаниями, усиливаются до тех пор, пока не переполнят его, и он либо обратится в бегство, либо сойдет с ума, либо постепенно успокоится и начнет контролировать свои поступки.

Ветер продолжал завывать над болотами и обрушиваться на дом, но это были естественные, природные звуки, я без труда распознавал их и мирился с ними, поскольку знал, что их источник не мог причинить мне вреда. Тьма не рассеивалась, и я понимал, что она сохранится в ближайшие несколько часов. Однако сама по себе тьма не могла быть причиной страха, как и вой ветра. Больше ничего не происходило. Все мои опасения, что в доме находился кто-то еще, развеялись, слабые крики ребенка наконец стихли, а из детской в конце коридора не доносилось даже самого слабого стука кресла-качалки. Там было совсем тихо. Я сидел на корточках, прижимая к себе собаку, и молился, молился о том, чтобы нечто потревожившее меня и затаившееся теперь в доме, исчезло, а у меня хватило мужества взять себя в руки, встретиться с неведомым и победить его.

Я встал, ноги дрожали, от сильного напряжения их сводила судорога, причинявшая мне серьезную боль, но по крайней мере я мог двигаться. И я испытал облегчение, когда осознал, что это путешествие вслепую до

детской комнаты, где мне предстояло отыскать свечку, было самым ужасным, что меня ожидало.

Я шел очень медленно, и мое волнение увеличивалось с каждым шагом, однако предприятие закончилось благополучно. Я добрался до комнаты, подошел к кровати, забрал свечку с подсвечником и, крепко сжимая его в руке и ощупывая рукой стены и мебель, стал пробираться к двери.

Как я уже сказал, той ночью больше не произошло никаких странных или пугающих происшествий, больше ничего, что могло вызвать у меня страх, кроме воя ветра и непроглядной тьмы. В детской никого не было, кресло-качалка стояло неподвижно, и, как мне показалось, в комнате все осталось как и прежде. Поэтому я не знаю, откуда взялось то ощущение, которое охватило меня в тот момент, когда я вошел в комнату. Это был не страх и не ужас, а переполняющие сердце горе и грусть, ощущение тяжелой потери, тоски, смешанное с глубоким отчаянием. Мои родители были живы, у меня имелись брат, многочисленные друзья, невеста Стелла. Я был молод. Не считая неизбежных утрат пожилых тетей и дядей, а также бабушек и дедушек, я никогда не переживал смерть кого-нибудь из близких мне людей, никогда по-настоящему не скорбел от сильнейшего горя. По крайней мере на тот момент. Подобные чувства обычно связаны со смертью очень дорогого и любимого существа; я понял это, войдя в детскую комнату в особняке Ил-Марш. Эти чувства опустошили меня, но вместе с тем запутали, озадачили, и я не понимал, почему вдруг оказался во власти столь сильной боли и страдания. Создалось впечатление, будто, очутившись в этой комнате, я стал другим человеком или по крайней мере разделил чувства и переживания кого-то еще.

Это было очень странное и тревожное ощущение, как и прочие, с которыми мне пришлось столкнуться или пережить в последние дни.

Когда я вышел, закрыл за собой дверь и снова оказался в коридоре, все чувства слетели с меня подобно покрову, который сначала накинули мне на плечи, а потом неожиданно сняли. Я снова стал самим собой, ко мне вернулись мои прежние ощущения. Я вновь обрел себя.

Пошатываясь, я вернулся в спальню, нашел спички в кармане пальто, а также трубку и табак и наконец зажег свечку. Пальцы, сжимавшие ободок оловянного подсвечника, дрожали так, что желтое пламя лихорадочно трепетало и плясало, отражаясь от стен и двери, пола и потолка, зеркала и оконного стекла. И все равно я успокоился и почувствовал облегчение, когда свеча наконец загорелась ярким, веселым пламенем, и мое волнение постепенно прошло.

Я посмотрел на циферблат часов. Было всего три часа ночи, и я надеялся, что свеча будет гореть до рассвета, который при такой штормовой погоде и под конец года мог наступить довольно поздно.

Усевшись на постель, я завернулся в пальто и стал читать сэра Вальтера Скотта, чтобы скоротать время. Не знаю, случилось ли это еще до того, как серый свет начал проникать в комнату, или уже после, но в конце концов, сам того не осознавая, я провалился в сон. Когда же проснулся, за окном был бледный, тусклый рассвет. Я чувствовал себя усталым, тело затекло, свечка сгорела до последней капли воска и потухла, оставив лишь несколько черных пятен у основания подсвечника, а книга валялась на полу.

И снова меня разбудил шорох. Паучок скреблась в дверь и подвывала, и я понял, что бедняжку давно уже не выпускали на улицу. Я встал, быстро оделся, спустился вниз и открыл входную дверь. Небо казалось набухшим от тяжелых дождевых облаков, вокруг все выглядело мрачным и серым, а вода высоко поднялась. Но ветер стих, воздух был уже не таким влажным, зато очень холодным.

Сначала собака рысью побежала по гравию в сторону поляны с пожухлой травой, чтобы облегчиться. Я стоял, зевал и пытался взбодриться и согреться, хлопая в ладоши и топая ногами. Я подумал, что стоит надеть пальто и сапоги, а затем прогуляться по полю и таким образом немного проветриться, и уже хотел вернуться в дом, как вдруг со стороны болот до меня донесся невероятно ясный и четкий звук — кто-то свистом подзывал собаку.

На секунду Паучок замерла на месте, а затем, прежде чем я успел опомниться и удержать ее, бросилась вперед, словно погналась за кем-то. Она неслась низко над землей, быстро удаляясь от дома, от безопасной поляны в сторону влажных болот. Какое-то время я стоял, потрясенный и сбитый с толку, и не мог даже двинуться с места. Я лишь видел, как маленький силуэт Паучка стремительно уменьшался, растворяясь на бескрайнем просторе болот. Поблизости я не видел ни одной живой души, но свист был реальным, я не мог спутать его с воем ветра. И все же я мог поклясться, что он исходил не из человеческих губ. Наконец я заметил, что собака споткнулась и замедлила бег, а потом и вовсе остановилась, и я в ужасе понял, что она увязла в тине и барахтается в воде, которая находилась у нее под лапами. Со всех ног я бросился бежать, забыв о собственной безопасности. Я так хотел прийти на помощь этому отважному маленькому созданию, которое утешало и ободряло меня в этом забытом Богом месте.

Сначала, несмотря на грязь, почва под ногами оставалась твердой, и я смог развить приличную скорость. Ветер, дувший мне в лицо с дельты реки, был обжигающе холодным, мои глаза заболели и начали слезиться, поэтому мне пришлось вытереть их, чтобы сохранить ясность зрения. Теперь Паучок громко лаяла, она испугалась, но я все еще видел ее. Я окликнул собаку, стремясь приободрить ее. Затем и сам ощутил, какой вязкой и неустойчивой стала вдруг земля под ногами — болота медленно, но верно вступали в свои права. Стоило мне опустить ногу, как ее тут же начинало засасывать, и мне приходилось прилагать усилия, чтобы высвободить ее. Вода вокруг меня была темной и глубокой, начинался прилив, он накрывал болота, и я, скорее, уже не шел, а перебирался вброд. Наконец, задыхаясь и каждую секунду преодолевая себя, я оказался рядом с собакой. Она едва держалась на поверхности: ее лапы и половина туловища уже исчезли под крутящейся, засасывающей трясинной, а острая морда была запрокинута, она все время лаяла, но это давалось ей с большим трудом. Два или три раза я порывался броситься к ней, но мне приходилось отступить из страха, что я сам увязну. Я пожалел, что у меня не было палки, которую я мог бы ей бросить, лучше с крюком, чтобы зацепить за ошейник. На мгновение меня охватило отчаяние, я оказался один посреди бескрайнего болота, под грозовым небом, по которому стремительно неслись облака. Меня окружала лишь вода, а зловецкий дом стал единственным ориентиром на многие мили.

Но я понял: если начну паниковать, то сгину, и эта мысль вызвала у меня ярость. Очень осторожно я лег плашмя на тину, стараясь как можно плотнее прижаться телом к островку твердой почвы, вытянулся во всю длину и медленно пополз, хватая ртом воздух, пока наконец не дотянулся до утопающей собаки. Я выдохнул, схватил Паучка за шею и дернул на себя. Я тянул и тащил ее, не переставая удивляться, какой небывалой силой наделили меня ужас и отчаяние. Последовали мучительные мгновения, когда мы оба сражались за наши жизни с коварной трясинной, желавшей утащить нас на дно. Я почувствовал, как мои пальцы крепко сжимают скользкий, мокрый мех и кожу собаки, и понял, что смогу удержать ее и победить. Собрав все свои силы, я пополз назад, на твердую почву. Неожиданно собака поддалась, и битва оказалась выигранной. Я перевернулся на спину, крепко сжимая Паучка, мы оба промокли и перепачкались грязью, в груди у меня горело, мои легкие едва не разорвались, суставы рук ныли так, словно я вывихнул их, а возможно, так оно и было.

Мы лежали совершенно измотанные, пытаюсь отдышаться и прийти в

себя. Я даже усомнился, смогу ли снова встать, таким я чувствовал себя слабым, обессиленным и потерянным посреди этого болота. Несчастливая собака тяжело и сдавленно дышала и терлась об меня мордой. Без сомнения, мы оба испугались и нам обоим было больно. Я едва не задушил ее, когда крепко ухватил за шею. Но все-таки мы выжили. Немного передохнув, я взял Паучка на руки, как ребенка, и, покачиваясь, побрел через болота к дому. Пройдя немного, я поднял голову. В одном из окон на верхнем этаже, в единственном окне с перекладинами, я заметил чью-то фигуру. Это оказалась женщина. Та самая женщина. Она смотрела на меня.

Паучок скулила у меня на руках и время от времени сдавленно кашляла. Нас обоих била сильная дрожь. Сам не знаю, как мне удалось добраться до лужайки перед домом, но когда я очутился там, то услышал звук. Он доносился со стороны насыпной дороги, которая наконец-то стала проступать над водой. Начинался отлив. Это был звук приближающегося экипажа.

Связка писем

Передо мной вспыхнул яркий свет, я стоял и смотрел на него — точнее, чувствовал, как он пронзает меня, мой мозг через глаза. Я попытался отвернуться, но голова вдруг стала совсем легкой, она уже не держалась на плечах, а кружилась и парила в воздухе как пух от одуванчика.

Внезапно свет исчез, и когда я открыл глаза, мир снова обрел привычные очертания и все вокруг стало таким, как прежде. Я лежал на кушетке в столовой с подушкой под головой, а надо мной нависло большое раскрасневшееся и обеспокоенное лицо Сэмюэля Дейли. В руке он сжимал карманный фонарик, и я понял, что он, должно быть, светил этим фонариком мне в глаза, — я счел это довольно грубой попыткой разбудить меня.

Я сел, но в тот же момент стены комнаты стали двигаться и сжиматься, я почувствовал слабость, и мне пришлось снова лечь. Внезапно пережитое с небывалой силой обрушилось на меня, я вспомнил, как гнался за собакой по мокрому болоту, как пытался ее вытащить, а затем — силуэт женщины в черном в окне детской и звук, который напугал меня так сильно, что я потерял над собой контроль и лишился чувств.

— Но двуколка... лошадь и двуколка...

— Стоят у дверей.

Я в недоумении уставился на него.

— Мне нравится ездить на ней. Люблю путешествовать спокойно, никуда не торопясь. К тому же через насыпную дорогу гораздо безопаснее преправляться в экипаже, чем на автомобиле.

— А, — протянул я и почувствовал огромное облегчение, осознав, что звуки, которые я услышал, издавали реальные лошадь и экипаж.

— А вы что подумали? — Мистер Дейли пристально смотрел на меня.

— О двуколке?..

— Да.

— Я подумал... что это был кое-кто другой.

— Наверное, Кеквик, — спокойно сказал он.

— Нет, нет. — Я сел. На этот раз я поднялся осторожнее, и стены комнаты уже не расплывались у меня перед глазами.

— Вам бы сейчас поберечь себя.

— Мне уже лучше... все хорошо. Это... — Я вытер лоб. — Я хочу

пить.

— Вода рядом с вами, около вашего локтя.

Я повернулся и увидел кувшин с водой и стакан. Я пил с жадностью, и с каждым глотком чувствовал, как силы возвращаются ко мне, а нервы успокаиваются.

Чтобы не мешать мне, мистер Дейли отошел от кушетки и уселся на стуле напротив.

— Я все время думал о вас, — признался он наконец. — И эти мысли огорчали меня. Мне было не по себе.

— Разве сейчас не раннее утро?.. Я, кажется, потерял чувство времени.

— Еще достаточно рано. Мне не спалось. Как я уже сказал, вы все не выходили у меня из головы.

— Странно.

— Правда? Мне так не кажется. Не вижу в этом ничего странного.

— Возможно.

— И думаю, я приехал очень вовремя.

— Да, в самом деле. Я вам очень благодарен. Вы, наверное... перенесли меня сюда? Я ничего не помню.

— Мне приходилось таскать и большую тяжесть на своей спине, а вы совсем худой — кожа да кости.

— Я очень рад видеть вас, мистер Дейли.

— У вас есть на то причины.

— Есть.

— На этих болотах и прежде тонули люди.

— Да-да, теперь я об этом знаю. Я чувствовал, как меня и собаку засасывает. — Я стал подниматься. — Паучок...

— Она здесь. С ней все будет хорошо.

Я посмотрел в ту сторону, куда кивнул мистер Дейли, собака лежала на коврикe между нами. Услышав свое имя, она застучала по полу хвостом, но продолжала лежать, грязь засохла на ее шерсти комками, ее лапы были перепачканы, она казалась такой же ослабевшей и усталой, как и я.

— Теперь, когда вы немного пришли в себя, вам нужно собрать все необходимое и уехать отсюда вместе со мной.

— Уехать?

— Да. Я наведалься сюда, чтобы выяснить, как вам живется в этом Богом забытом месте. И увидел достаточно. Вам лучше поехать со мной и прийти в себя.

Я промолчал и снова лег на кушетку, вспоминая события прошлой ночи и нынешнего утра, а затем то, что случилось прежде — во время

моего первого визита сюда. Я знал, в доме живет призрак женщины в черном, а возможно, и другие привидения. Теперь я не сомневался, звуки, которые слышал на болоте, издавали призраки. Но какими бы необъяснимыми и пугающими они ни были, мне кажется, при необходимости я смог бы снова пережить все это, если бы только во мне было больше решимости выяснить, каким образом душа, не способная обрести покой, устраивает все эти бесчинства и почему. Если бы у меня получилось добраться до истины, возможно, мне удалось бы положить всему этому конец.

Однако у меня больше не было сил выносить гнетущую атмосферу ненависти и злобы, чьего-то несчастья, жуткой тоски и горя. Все эти чувства терзали и мою душу, мучили и меня, я уже не мог их выдерживать. Я сказал мистеру Дейли, что буду очень рад и признателен ему, если он возьмет меня с собой, и согласился на непродолжительное время остановиться у него в доме и немного отдохнуть. Но меня беспокоила эта тайна, которая так и останется нераскрытой, и я осознавал необходимость закончить работу и разобрать бумаги миссис Драбллу.

Я сказал ему об этом.

— А вы уже нашли что-нибудь здесь, мистер Киппс? Например, карту с указанием, где спрятаны сокровища?

— Нет. В основном здесь один мусор, старые, никому не нужные бумаги, которые не представляют никакого интереса или ценности. Если честно, я вообще сомневаюсь, есть ли здесь что-нибудь. Но и такую работу иногда приходится выполнять. И ее нужно довести до конца.

Я встал и принялся ходить по комнате, проверяя, насколько хорошо слушаются руки и ноги. Результат меня вполне удовлетворил.

— Признаюсь, сейчас я с большим удовольствием оставил бы все как есть и закончил бы на этом. У меня есть пара бумажек, которые я хотел бы еще раз перечитать, и то исключительно из любопытства. Еще я нашел связку старых писем, к которым было приложено несколько документов. Вчера поздно вечером я начал их изучать и хотел бы взять с собой.

Затем, пока мистер Дейли обходил комнаты на первом этаже, закрывал ставни и проверял, погашен ли огонь в каминах, я первым делом направился в комнату, где работал, взял связку писем, а затем поднялся в спальню за своими вещами. Я уже не испытывал страха, так как знал, что покидаю Ил-Марш, по крайней мере на некоторое время, и потом, рядом со мной находился большой и уверенный в себе Сэмюэль Дейли. Я не имел ни малейшего представления, вернусь ли я в это место или нет, но был уверен, что никогда не приеду сюда один. Я снова стал спокоен, и когда поднялся

по лестнице и свернул в сторону маленькой спальни, в которой ночевал, события прошлой ночи показались мне чем-то далеким и почти забытым. Они уже не могли причинить мне вреда, разве что явиться в каком-то ночном кошмаре.

Я быстро собрал вещи, закрыл окно и опустил ставни. На полу лежали осколки разбитого фонаря, и я ногой отодвинул их в угол комнаты. Было тихо, ветер успокоился еще на рассвете, но стоило мне закрыть глаза, и я снова слышал, как он стонет, плачет, завывает и обрушивается на старый дом. Несмотря на волнение, я прекрасно запомнил все события прошлой ночи: грозу, вой и удары ветра, тьму, из которой появлялись призраки, и атмосферу всего этого действия. Погода может перемениться — ветер утихнет, в небе засияет солнце, а в особняке Ил-Марш вновь воцарятся покой и безмятежность. Но от этого дом не станет менее пугающим. Я знал, какие бы призраки здесь ни обитали, какие бы темные страсти ни руководили ими, они продолжают приносить несчастья и страдания тем, кто окажется в этих местах.

Я взял свои вещи и покинул комнату. Выйдя на лестничную площадку, я не удержался и с замиранием сердца бросил взгляд в коридор, который вел в детскую.

Дверь была приоткрыта. Я стоял, чувствуя, как подавленное волнение вновь овладевает мной, а сердце учащенно бьется. Внизу я слышал шаги мистера Дейли и шлепанье собачьих лап — Паучок повсюду сопровождала хозяина. Их присутствие придавало мне уверенности, я набрался решимости и направился к приоткрытой двери. Подойдя к ней, я немного помедлил. Она была здесь. Я сам видел ее. И где бы она сейчас ни находилась, все ее внимание, все ее чаяния и все ее горе сосредоточены в этом месте. Я не мог найти точного определения, но чувствовал это. Детская комната являлась источником всех событий в доме.

Было тихо. Кресло-качалка стояло неподвижно. Я слегка толкнул дверь, и она стала открываться, очень медленно, дюйм за дюймом. Наконец я сделал несколько шагов вперед, пока не увидел всю комнату целиком.

В ней царил жуткий беспорядок, который могла устроить разве что банда грабителей, комната пала жертвой безумного, бессмысленного разрушения. Постель, прежде аккуратно убранная, теперь оказалась скомканной и перевернутой, постельное белье разбросано по полу. Дверь в гардероб была открыта, ящики маленького комода выдвинуты, и одежда свисала оттуда, как внутренности смертельно раненного животного. Оловянные солдатики опрокинуты, словно кегли, та же участь постигла и деревянных животных из ковчега, их разбросали на полке. Книги валялись

с оторванными обложками, головоломки и игры свалили в кучу посреди комнаты. Мягкие игрушки были разорваны на части, оловянный негритенок разбит ударом молотка. Прикроватный столик и маленький сервант перевернуты. А кресло-качалку выдвинули на середину комнаты, и его высокая прямая спинка возвышалась над этой разрухой подобно огромной птице, сидевшей на своем насесте.

Я подошел к окну, предположив, что вандалы пробрались через него. Но оно было закрыто, задвижки опущены и покрылись ржавчиной, а деревянные перекладины сохранились в целости и сохранности. В комнату через окно никто не проникал.

Когда я забирался в повозку, мои ноги подгибались. Мистер Дейли сидел на месте кучера. Я споткнулся, он протянул мне руку и поддержал, пока я вновь не собрался с силами. Я заметил, как он пристально смотрит мне в лицо. Вероятно, моя бледность подсказала ему, что я пережил новое потрясение. Однако он ничего не сказал, лишь накиннул мне на ноги тяжелый коврик и посадил на колени Паучка, чтобы мы могли согреть и успокаивать друг друга, а затем щелкнул кнутом и развернул лошадь.

Мы свернули с посыпанной гравием дорожки и поехали по сухой траве, пока не добрались до насыпной дороги Девять жизней и не начали переправу. Вода медленно отступала, небо окрасилось в жемчужно-серый цвет, воздух стал влажным, холодным и неподвижным, как это часто бывает после бури. Нас окружали мрачные, унылые, окутанные туманом болота, а впереди лежала промозглая, угрюмая и лишенная красок равнина. Лошадь шла спокойным и размеренным шагом, а мистер Дейли напевал себе что-то под нос, однако я не мог разобрать мелодию. Я сидел в оцепенении, напомиравшем некое подобие транса, и едва понимал, что происходит вокруг. Я знал лишь, что повозка двигалась, а воздух вокруг нас был темным.

Но когда мы покинули болота и выехали на дорогу, оставив устье реки далеко позади, я оглянулся. Мрачный темно-серый особняк Ил-Марш возвышался над болотами как скала. Его окна с закрытыми ставнями были темными. Я не заметил ни одной тени или силуэта, ни одной живой или мертвой души. Мне казалось, никто не смотрел нам вслед. Затем копыта лошади быстро застучали по узкой бетонированной дороге между канавами и зарослями кустарника. Я отвернулся от этого ужасного места и вознес к небесам молитву, чтобы мне никогда не пришлось увидеть его вновь.

С того момента, как я сел в двуколку, мистер Сэмюэль Дейли обращался со мной очень бережно и с большой заботой, словно я был инвалидом. Когда же мы прибыли в его дом, его старания обеспечить мне

надлежащий отдых и покой удвоились. Мне подготовили комнату — это оказалось просторное тихое помещение с маленьким балконом, выходившее окнами в сад, за которым начиналось поле. В гостиницу «Гиффорд армс» тут же послали слугу, который должен был забрать оставшиеся там вещи. После этого мне подали легкий завтрак и оставили меня одного, чтобы я мог выспаться. Паучка помыли, причесали и принесли ко мне. «Раз уж вы привыкли к ней», — сказал мистер Дейли. Собака с довольным видом улеглась около моего кресла. Судя по всему, она уверилась, что пережитые утром неприятности остались в прошлом.

Я отдыхал, но не мог уснуть, мой мозг все еще находился в смятении, мысли лихорадочно крутились в моей голове, нервы были напряжены. Я радовался тишине и покою, но особое удовольствие мне доставляло сознание того, что хотя в комнате я был совсем один и никто не тревожил меня, однако в доме и в городе жили люди, много людей, и все они занимались своими обычными делами. Я все еще не мог до конца поверить, что вновь оказался в нормальном мире и жизнь вокруг меня идет своим чередом.

Изо всех сил я старался не думать о случившемся. Я написал очень сдержанное письмо мистеру Бентли и более подробное Стелле, однако ни словом не обмолвился о том, сколь сильное несчастье постигло меня.

Затем я вышел из дома и несколько раз обогнул большую лужайку, однако воздух был сырым и холодным, поэтому в скором времени я вернулся в свою комнату. Мистера Дейли нигде не было. Еще до полудня я вздремнул часок, сидя в кресле. Сон мой был беспокойным, пару раз я тревожно вскакивал, но потом все же смог расслабиться и, проснувшись, почувствовал себя отдохнувшим.

В час дня в мою дверь постучали, и горничная спросила, принести ли ленч ко мне в комнату или я спущусь в столовую.

— Спасибо, скажите мистеру Дейли, что я буду есть вместе с ним.

Я умылся, привел себя в порядок, позвал собаку и спустился вниз.

Супруги Дейли были невероятно добры и заботливы и настояли на том, чтобы я задержался у них на пару дней, прежде чем вернуться в Лондон. Я твердо решил уехать: ничто не могло заставить меня вернуться в особняк Ил-Марш хотя бы на час. Я считал себя смелым и решительным, но потерпел поражение и не стыдился признаться в этом. Человека можно обвинить в трусости, когда он убегает от реальной опасности, но если речь заходит о потусторонней, бестелесной и необъяснимой угрозе не только его жизни, но и рассудку, душе, в таком случае бегство является проявлением не слабости, а самого что ни на есть благоразумия.

Тем не менее я сердился не на себя, а на призрак особняка Ил-Марш, на жестокое, бессмысленное поведение этого создания; меня разбирала ярость из-за того, что оно помешало мне и, без сомнения, готово помешать любому другому на моем месте выполнить свою работу. Возможно, я злился также и на мистера Джерома, Кеквика, хозяина гостиницы, Сэмюеля Дейли — за то, что они оказались правы насчет этого дома. Я был слишком молод и самонадеян, мне не терпелось ринуться в бой. И я получил жестокий урок.

После великолепного ленча я снова оказался предоставлен самому себе. Мистер Дейли вскоре уехал на одну из своих отдаленных ферм, а я стал разбирать связку писем миссис Драбл, которую привез с собой. Меня очень заинтересовала рассказанная в письмах история, которая начала выстраиваться передо мной по мере того, как я читал их; это была увлекательная история, и мне хотелось узнать, чем она завершилась. Сложность заключалась в том, что я не знал, кто та молодая женщина — Дж., или Дженнет, — которая писала все эти письма. Возможно, она была родственницей миссис Драбл или ее мужа или, что менее вероятно, ее подругой. Но скорее всего именно кровное родство позволило ей или, правильнее сказать, заставило ее отдать своего незаконнорожденного ребенка на усыновление другой женщине, как это стало ясно из писем и официальных бумаг.

Я сочувствовал Дж., перечитывая ее короткую историю. Ее страстная любовь к сыну и разлука с ним, ее гнев и яростное сопротивление, а затем отчаяние, когда ей все же пришлось смириться с обстоятельствами, наполнили меня чувством грусти и сострадания. Лет шестьдесят назад девушка из простонародья, живущая в замкнутом обществе и попавшая в подобную ситуацию, устроилась бы куда лучше, чем эта аристократка, которую все отвергли и с чьими чувствами никто не считался. Хотя, насколько мне было известно, в Викторианской Англии служанки нередко убивали или бросали своих незаконнорожденных детей. А Дженнет по крайней мере знала, что ее сын остался жив и попал в хорошую семью.

Затем я нашел еще несколько документов, которые находились в связке писем. Это были три свидетельства о смерти. Первое — на мальчика, Натаниеля Драбл, шести лет от роду. Причина смерти — утопление. За ним следовало похожее свидетельство с той же датой на Роуз Джадд, которая также утонула.

Я испытал сильнейшее потрясение и ужас, от которого весь похолодел, покрылся липкой испариной, а мой желудок сжался и поднялся к самому горлу, и я почувствовал, что еще немного, и меня либо вырвет, либо я

задохнись. Однако ничего подобного не случилось, я вскочил и стал в волнении и отчаянии расхаживать по комнате, сжимая в руке два листа смятой бумаги.

Некоторое время спустя я заставил себя посмотреть последний документ. Это было еще одно свидетельство о смерти, но датировалось оно двенадцатью годами позже двух других.

Свидетельство оказалось выписано на Дженнет Элизу Хамфри, старую деву, тридцати шести лет. Причиной смерти являлся «сердечный приступ».

Я тяжело опустился в кресло, но был слишком взволнован, чтобы оставаться там долгое время, поэтому вскоре я позвал Паучка и снова отправился на прогулку. Холодный ноябрьский воздух подернула дымка сумерек, я пошел прочь от дома мистера Дейли по аккуратно подстриженной траве через сад, мимо амбаров, конюшни и навесов. От быстрой ходьбы мое состояние немного улучшилось. Меня окружали поля со вспаханной бурой землей, кое-где виднелись низкорослый кустарник и несколько вязов с гнездами грачей в голых ветвях. Время от времени черные птицы стаями поднимались в воздух, каркая и хлопая крыльями, и кружили в свинцовом небе. С полей дул ледяной ветер, приносящий с собой крупные брызги дождя. Однако Паучок, как и я, была рада прогулке.

Пока я шел, мои мысли были сосредоточены на письмах и документах, которые я только что прочитал, и я думал лишь о рассказанной в них истории. Теперь картина казалась ясной и завершенной. Я узнал, возможно, совершенно случайно, разгадку или по крайней мере значительную ее часть, мне стало известно, кем была женщина в черном, я получил ответы на многие вопросы. Однако несмотря на то что теперь я знал гораздо больше, совершенное мною открытие не удовлетворило меня в полной мере. Оно лишь огорчило, встревожило и напугало. Я кое-что узнал и в то же время совершенно ничего не понимал, был сбит с толку и не мог найти объяснение. Как все это произошло? Я уже говорил, что до этого случая я не верил в призраков, как и любой другой психически нормальный, образованный, обладающий интеллектом и чувством здравого смысла человек. Но я видел призрак своими глазами. События, ужасающие и трагические, случившиеся много лет назад, необъяснимым образом повторялись снова и снова, пускай и в каком-то другом, нереальном измерении, отличном от того, в котором существовал я. Повозка с шестилетним мальчиком по имени Натаниель — приемным сыном мистера и миссис Драбл — и его нянькой сбилась с пути в тумане, съехала с безопасной дороги и направилась в болота, где ее засосало в трясину и утянуло на дно, под воду. Ребенок и няня утонули; вероятно, вместе с ними

погибли лошадь и кучер. И вот теперь на том же болоте призраки, тени или души усопших разыгрывают эту сцену снова и снова, и я не знаю, как часто это происходит. Ничего этого нельзя увидеть. Можно только услышать.

И еще мне удалось узнать, что мать мальчика — Дженнет Хамфри — умерла через двенадцать лет после смерти сына от тяжелой болезни и обоих похоронили на ныне заброшенном кладбище около особняка Ил-Марш, которое больше не используют. Мне также стало известно, что комната мальчика осталась в своем первоначальном виде, сохранились его кровать, его одежда, игрушки и все осталось на своих местах. Призрак его матери, как я понял, поселился в этом месте. Более того, ее горе и отчаяние, а также затаенная ненависть и желание отомстить пропитали воздух той комнаты.

Именно это волновало меня больше всего — сила ее переживаний, поскольку я верил, что они могли причинить вред. Но кому? Разве остался в живых хоть кто-то, имевший отношение к той истории? Скорее всего миссис Драбл была последней.

Наконец я утомился и повернул назад. Мне так и не удалось найти разгадку — возможно, потому что все случившееся не поддавалось рациональному объяснению, но я не мог не думать об этом, мысли тревожили меня всю дорогу до дома и не покидали, пока я сидел в тихой комнате и смотрел в вечернюю тьму.

К тому времени, когда удар гонга возвестил о начале обеда, я пребывал в очень взволнованном состоянии, поэтому решил изложить всю историю мистеру Дейли и разузнать у него все, что ему было известно или довелось услышать по этому делу.

После обеда мы снова переместились в кабинет мистера Дейли. Мы расположились в удобных креслах с подголовниками, а на маленьком столике между нами стояли графин и стаканы. После прекрасного обеда я чувствовал себя намного лучше.

Я как раз подхожу к финалу моей истории. Мистер Дейли сидел и слушал меня не перебивая. Он не смотрел на меня, а я заново переживал (хотя, рассказывая, был на удивление спокоен) все события, связанные с моим пребыванием в особняке Ил-Марш, до того момента, когда утром он обнаружил меня без сознания поблизости от болот. Я также сообщил ему о выводах, которые сделал после внимательного прочтения писем и свидетельств о смерти.

Некоторое время он молчал. Часы тикали. Пламя спокойно горело, уютно потрескивая за каминной решеткой. Паучок лежала перед ним на каминном коврике. Рассказав историю, я почувствовал себя полностью

освобожденным. Моя голова казалась теперь на удивление легкой, тело было расслаблено — так часто бывает после приступа лихорадки или сильного испуга. Именно в тот момент, похоже, я окончательно начал приходить в себя, постепенно отдаляясь от тех ужасающих событий.

— Что ж, — проговорил наконец мистер Дейли, — вы прошли долгий путь с того вечера, когда я впервые встретил вас.

— Мне кажется, это было лет сто тому назад. Я чувствую себя совершенно другим человеком.

— Да, вы пережили серьезное потрясение.

— Но теперь, когда гроза миновала, я успокоился и знаю, что все закончилось.

Он смотрел на меня с тревогой.

— Послушайте, — храбро заявил я, — вы же не думаете, что призрак может навредить мне? Я под страхом смерти не вернусь туда.

— Нет.

— Значит, все хорошо.

Он не ответил, лишь наклонился вперед и налил себе еще немного виски.

— Хотя мне интересно, что будет с домом, — сказал я. — Уверен, никто из местных не захочет там жить. Я и представить себе не могу, чтобы кто-то, узнав, что это за место, захотел остаться в этом доме. Ему даже не нужно будет слушать истории, связанные с ним. К тому же дом ужасно неудобно расположен. Так что вряд ли кому-то придет в голову купить его.

Сэмюэль Дейли покачал головой.

— Вы полагаете, — спросил я через несколько минут, которые мы провели в молчании, погружившись каждый в свои мысли, — что бедную женщину день за днем преследовал призрак сестры и она терпела все эти ужасы? — Мистер Дейли сказал мне, что женщины были сестрами. — В таком случае как она смогла все это выдержать и не сойти с ума?

— Может, в какой-то момент она и не выдержала.

— Да, все может быть.

Меня все больше и больше раздражали его скрытность и нежелание предоставить мне объяснение или информацию об особняке Ил-Марш или о семействе Драблону, поскольку я не мог успокоиться и избавиться от тревожных мыслей, тем более он, как мне казалось, что-то знал. Я решил разговорить его.

— Возможно, я чего-то не понимаю? Может, задержись я там подольше, мне пришлось бы столкнуться с новыми ужасами?

— Этого я вам сказать не могу.

— Но кое-что вы можете мне рассказать.

Он вздохнул и заерзал в кресле, избегая моего взгляда и не сводя глаз с огня. Затем он вытянул ногу и почесал носком ботинка живот собаке.

— Послушайте, мы далеко от того места, я успокоился и хочу все знать. Теперь ничто уже не сможет причинить мне вред.

— Не вам, — проговорил он. — Возможно, не вам.

— Ради Бога, что вы от меня скрываете? Почему вы боитесь мне это рассказать?

— Артур, — сказал он, — завтра или послезавтра вы будете далеко отсюда. И если повезет, вы никогда больше не увидите и не услышите ничего, что было бы связано с этим проклятым местом. Но все остальные останутся здесь. И нам придется с этим жить.

— С чем? С легендами... со слухами? С женщиной в черном, которая появляется здесь время от времени? С чем?

— С тем, что следует за подобными появлениями. Так или иначе. Кризин-Гиффорд живет с этим уже пятьдесят лет. За это время люди сильно изменились. Вы сами убедились в этом — они предпочитают молчать. И особенно те, кто пострадал сильнее всего, — Джером, Кеквик.

Я почувствовал, как мое сердце забилося быстрее. Положив руку на воротник, я немного ослабил его и отодвинул кресло подальше от огня. Теперь, когда решающий момент настал, я уже не был уверен, хочу ли выслушать все, что скажет мистер Дейли.

— Дженнет Хамфри отдала своего ребенка, своего сына, сестре — Элис Драблоу — и ее мужу, так как у нее не было выбора. Первое время она жила очень далеко от них, Драблоу взяли на себя заботу о мальчике, и он не должен был узнать, кто его настоящая мать. Но в конце концов, не в силах терпеть боль разлуки, которая не стихала со временем, а только усиливалась, Дженнет вернулась в Кризин. В родном доме ее не хотели видеть, а ее мужчина — отец ее сына — давно уехал за границу. В городе у нее оставалась небольшая квартира, но совсем не было денег. Дженнет брала на дом шитье и работала компаньонкой у одной леди. Судя по всему, сначала Элис Драблоу не позволяла ей видеться с сыном. Но Дженнет была очень несчастна и пригрозила покончить с собой, тогда сестра смягчилась и уступила ей. Дженнет получила возможность время от времени навещать мальчика, но не могла встречаться с ним наедине и не имела права рассказывать, кто она такая, или упоминать об их семейных связях. Никто и предвидеть не мог, что малыш внешне будет очень похож на нее и внезапно проявятся их родственные чувства. Он все сильнее привязывался к этой женщине, а когда наконец узнал, что Дженнет — его родная мать, проникся

к ней глубокой любовью и начал постепенно отдаляться от Элис Драбл. Насколько я знаю, Дженнет хотела забрать его. Но прежде чем она успела это сделать, случилось несчастье, о котором вы уже знаете. Мальчик... его няня, лошадь и кучер Кеквик...

— Кеквик?

— Да. Отец Кеквика. А также маленькая собачка мальчика. Вы сами убедились, какое это коварное место. Туман неожиданно налетает с моря, и топкие места невозможно определить на глаз.

— Значит, они утонули.

— А Дженнет наблюдала за всем этим. Она была в доме, стояла у окна на втором этаже и ждала их возвращения.

От ужаса у меня перехватило дыхание.

— Тела извлекли, а повозку и лошадь оставили в болоте — так глубоко их засосало. После того случая Дженнет Хамфри сошла с ума.

— Из-за нервного потрясения?

— Нет. Она сошла с ума от горя, гнева и жажды мести. Дженнет винила сестру за то, что она отпустила его в тот день, хотя ее вины в этом не было — туман всегда появляется без предупреждения.

— Даже когда небо совершенно ясное.

— То ли от утраты, то ли от безумия, но она заболела и стала таять на глазах. Вскоре она совсем высохла, ее кожа стала бледной, она напоминала живой скелет, призрак. Когда Дженнет бродила по улицам, люди шарахались от нее. Дети ее боялись. В конце концов она умерла от ненависти и отчаяния. А вскоре после ее смерти начались все эти призрачные появления. И так продолжается до сих пор.

— Что, все это время? Постоянно?

— Нет, время от времени. В последние годы реже. Но иногда ее еще встречают, и на болотах слышатся крики.

— Вероятно, старая миссис Драбл тоже слышала их?

— Кто знает?

— Что ж, миссис Драбл умерла. Думаю, теперь все должно успокоиться.

Но мистер Дейли еще не закончил. Он как раз подошел к развязке своей истории.

— И где бы ее ни встречали, — сказал он тихо, — на кладбище, на болоте или на улицах города, какой бы мимолетной ни была эта встреча и кто бы ни увидел ее, результат всегда один и тот же.

— Какой? — шепотом спросил я.

— Погибают дети при самых странных и ужасных обстоятельствах.

— Вы... имеете в виду несчастные случаи?

— Обычно да. Но пару раз от болезни, от которой они сгорали меньше чем за день.

— Вы имеет в виду разные дети? Дети, которые жили в городе?

— Разные дети. В том числе и ребенок Джерома.

Неожиданно я вспомнил ряд маленьких серьезных лиц и руки, сжимающие решетку на школьном дворе в тот день, когда хоронили миссис Драбллу.

— Но послушайте... дети иногда умирают...

— Разумеется.

— Но существует ли какое-то доказательство, связывающее эти смерти с появлением женщины? Может, это лишь совпадение.

— Вам трудно будет в это поверить. Вы все равно начнете сомневаться.

— Что ж, я...

— Мы это знаем.

Несколько мгновений спустя, глядя на его уверенное лицо, я проговорил:

— Я не сомневаюсь, мистер Дейли.

Затем долгое время мы сидели молча.

Я понимал, в то утро на болотах я пережил серьезное потрясение, тем более перед этим я несколько дней провел в состоянии тревоги и нервного возбуждения, столкнувшись с призраками в особняке Ил-Марш. Но я и представить себе не мог, как сильно отразятся эти испытания на моем физическом и душевном состоянии.

Вечером, укладываясь спать, я полагал, что это будет последняя ночь, проведенная мною в доме мистера Дейли. На следующее утро я планировал сесть на первый же поезд и вернуться в Лондон. Когда я сообщил мистеру Дейли о моем решении, он не стал спорить со мной.

Ночью я спал плохо, почти каждый час пробуждался от кошмаров, все мое тело покрывалось потом от беспокойства. Не имея возможности уснуть, я лежал и прислушивался, снова и снова прокручивая в голове все, что со мной произошло. Я задавал себе вопросы, на которые не было ответов: о жизни, смерти и о границе между ними, — и молился, со страстью произнося простые молитвы, обращенные к Богу.

С детства мне, как и большинству моих сверстников, прививали веру в Бога. Мои родители были христианами, я и сам верил, что учение христианской церкви является, наверное, самым лучшим руководством для праведной жизни, однако Бог всегда казался мне чем-то далеким, а

молитвы, обращенные к нему, всего лишь формальными обязанностями. Но теперь все изменилось. Я молился истово, с неожиданно вспыхнувшим рвением. Теперь я осознал, что существуют силы добра и зла, которые ведут между собой непримиримую борьбу, и человек сам должен выбрать, на какую сторону ему встать.

Утро все никак не наступало, а когда наконец это случилось, оно опять оказалось хмурым и дождливым — на дворе стоял промозглый, угрюмый ноябрь. Я встал с постели, голова болела, глаза горели, ноги были тяжелыми. Кое-как одевшись, я с трудом спустился вниз к столу, накрытому для завтрака. Я не мог смотреть на еду, но мне ужасно хотелось пить, и я пил чай чашку за чашкой. Мистер и миссис Дейли с тревогой поглядывали на меня, пока я рассказывал о своих планах. Мне казалось, я почувствую себя лучше, когда сяду в поезд и увижу, как эти места постепенно скрываются из виду. Я сказал им об этом и одновременно попытался выразить свою признательность, что они спасли мне жизнь и рассудок.

Потом я встал из-за стола и пошел по столовой, но дверь вдруг начала уменьшаться в размерах, и мне показалось, я пробираюсь к ней сквозь туман, который внезапно окружил меня и стал таким густым, что я едва мог вздохнуть. Мне почудилось, будто мне на плечи легла какая-то тяжелая ноша и я не смогу двинуться с места, пока не избавлюсь от этого груза.

Сэмюэль Дейли подхватил меня, когда я начал падать, и в моем меркнувшем сознании пронеслась мысль, что уже второй раз ему придется тащить меня, на этот раз вверх по лестнице, в мою комнату. Он помог мне раздеться и оставил одного. Голова у меня раскалывалась, мысли путались. Я провел в этой комнате еще пять дней, в течение которых меня регулярно посещал врач. После того как горячка прошла, полностью опустошив и лишив меня сил, я смог сидеть в кресле сначала в своей комнате, а затем внизу. Дейли были очень добры и заботились обо мне. Но хуже всего оказались не моя болезнь, не боль, не жар и не усталость, а то душевное смятение, в котором я пребывал.

Все это время меня преследовала женщина в черном, она сидела на краешке моей постели, а когда я засыпал, склонялась надо мной, из-за чего я тут же просыпался. В ушах у меня все время стояли услышанный на болотах детский крик, стук кресла-качалки и протяжное лошадиное ржание. Я никак не мог освободиться от этих ужасов. Когда же меня не мучили лихорадочные видения и ночные кошмары, я вспоминал слова из писем и свидетельств о смерти, словно они снова оказались у меня перед глазами.

Однако в конце концов я пошел на поправку, мои страхи утихли, видения исчезли, я снова стал самим собой и, несмотря на усталость и слабость, совершенно поправился. Я был уверен, что женщина уже не сможет причинить мне вреда, я выдержал это испытание и остался в живых.

Через двенадцать дней я окончательно выздоровел. Был солнечный зимний день, в воздухе чувствовался первый легкий мороз. Я сидел у открытого французского окна в гостиной, мои колени покрывал плед, и я смотрел на устремленные к небу голые ветви кустов и деревьев, подернутые серебристо-белым инеем. Это случилось после ленча. Меня никто не тревожил, и я мог вздремнуть или продолжать бодрствовать. Паучок с довольным видом лежала у моих ног, во время моей болезни она почти не отходила от меня. Я даже представить себе не мог, что привяжусь так сильно к этой маленькой собачке — пережитое очень сблизило нас и укрепило нашу симпатию друг к другу.

На одной из каменных ваз, украшавших балюстраду, задрав голову, сидела малиновка, ее похожие на бусинки глазки блестели, и я с удовольствием наблюдал за птицей и слушал ее пение. Никогда прежде я не уделял должного внимания таким простым вещам, вечно спешил, всегда был чем-то занят. Теперь же я радовался появлению птицы и с несвойственной мне сосредоточенностью наблюдал за ней, пока она сидела около моего окна.

Внезапно с улицы до меня донеслись звуки: шум автомобильного двигателя, чьи-то голоса у входа, однако, не обратив на них внимания, я продолжил наблюдать за птицей. Я подумал, что ко мне это не имеет никакого отношения.

В коридоре послышались шаги, кто-то остановился у двери в гостиную, а затем после небольшой паузы открыл ее. Я решил, что меня пришли проведать и поинтересоваться, не хочу ли я чаю.

— Артур?

Я повернулся и замер от удивления, затем вскочил с кресла, не веря своим глазам. Я был удивлен и в то же время испытал огромную радость. Стелла, моя дорогая Стелла, шла ко мне навстречу.

Женщина в черном

На следующее утро я покинул дом Дейли. Шофер мистера Дейли отвез нас на вокзал. Я отправил посыльного в «Гиффорд армс», чтобы расплатиться за постой, сам я больше не ездил в Кризин-Гиффорд. Я решил последовать совету врача, который настоятельно рекомендовал мне ничего не делать, никуда не ездить и не огорчаться, поскольку мое душевное равновесие еще не было до конца восстановлено. К тому же мне не особенно хотелось вновь очутиться в городе и подвергнуть себя риску возможной встречи с мистером Джеромом или Кеквиком или — это угнетало меня особенно сильно — увидеть вдали особняк Ил-Марш. То, что случилось, должно было остаться в прошлом, и я старался думать об этом так, словно все произошло с каким-то другим человеком. Доктор порекомендовал мне обо всем забыть, и я решил, что именно так и поступлю. Теперь, когда со мной была Стелла, я чувствовал уверенность: у меня все получится.

Я сожалел лишь о том, что, покидая это место, я расстаюсь с мистером и миссис Дейли. Пока мы обменивались рукопожатиями, я взял с мистера Дейли обещание навестить нас, когда он в следующий раз приедет в Лондон — по его словам, он бывает там один или два раза в год. Более того, он пообещал, что, если у Паучка будут щенки, мне оставят одного из них. Я знал, мне будет сильно не хватать маленькой собачки.

Но оставался еще один вопрос, который мне нужно было выяснить, хотя я и не решался это сделать.

— Я должен знать, — выпалил я наконец, пока Стелла вела теплую и душевную беседу с миссис Дейли, к которой прониклась глубокой симпатией, и не слышала нас.

Сэмюель Дейли внимательно посмотрел на меня.

— Тем вечером вы сказали... — Я глубоко вздохнул, пытаюсь успокоиться. — Вы сказали, что дети... что в Кризин-Гиффорде всегда умирали дети.

— Да.

Я оказался не в силах продолжать, но выражение моего лица было необычайно красноречиво, на нем отразилось мое страстное желание узнать правду.

— Ничего, — быстро ответил Дейли. — Ничего не случилось...

Я был уверен, он добавит «пока что», но он замолк, поэтому я сделал

это за него. Но он лишь молча покачал головой.

— Будем молить Бога, чтобы этого не произошло... чтобы цепь разорвалась... чтобы ее власти пришел конец... чтобы она исчезла... и чтобы я стал последним, кто ее видел, — сказал я.

Он взял меня за руку, желая приободрить.

— Да, да.

Я страстно желал, чтобы именно так все и было. С тех пор как я в последний раз видел женщину в черном — призрак Дженнет Хамфри, — прошло достаточно времени, и это являлось хорошим знаком — проклятие, возможно, больше не действовало. Она была несчастной, безумной, измученной женщиной, которая умерла от горя и страданий, с сердцем, полным ненависти и желания отомстить. Ее горе можно понять, можно понять и ее злобу, и то, что она, потеряв своего ребенка, забирала детей у других женщин, но простить эти злодеяния не представлялось возможным.

Я думал, что ей уже ничем нельзя помочь, разве что молиться о ее душе. Миссис Драбл, ее сестра, которую она винила в смерти сына, умерла и теперь покоилась в могиле, дом наконец опустел, и, возможно, призраки, чьи появления имели столь ужасающие последствия для невинных детей, теперь исчезнут навсегда.

Машина была готова отправиться в путь. Я обменялся рукопожатиями с супругами Дейли, взял Стеллу за руку и крепко сжал ее, мы сели в автомобиль и откинулись на спинку сиденья. Со вздохом облегчения — хотя мой вздох скорее напоминал всхлип — я покинул Кризин-Гиффорд.

Моя история подходит к концу. Мне осталось рассказать совсем немного. Но я боюсь, мне не хватит сил написать об этом. День за днем, ночь за ночью я сидел за столом перед чистым листом бумаги и не мог взяться за ручку. Я весь дрожал, а на глаза наворачивались слезы. Я покидал дом, гулял по саду, уходил в поля, которые простираются позади особняка Монкс, отмерял милю за милей, не видя, что происходит вокруг меня, не замечая ни животных, ни птиц, даже не обращая внимания на погоду. Несколько раз я промок до нитки, чем сильно расстроил Эсми. Но это не единственное, что причиняло ей страдания: она наблюдала за мной, мое поведение вызывало у нее недоумение, однако она оказалась слишком чутким человеком и не решалась спрашивать. Я видел беспокойство и боль на ее лице, чувствовал ее тревогу, пока мы вместе сидели поздними вечерами. Но я не мог поведать ей обо всем, и она ничего не узнает, пока не прочтет рукопись от начала и до конца после моей смерти, когда я уже буду далеко от нее.

Но вот наконец я набрался мужества, призвав все еще не до конца утраченные силы, и оживил в памяти ужасы прошлого, чтобы написать конец моей истории.

Мы со Стеллой вернулись в Лондон, а через шесть недель поженились. Сначала мы планировали подождать со свадьбой до следующей весны, но пережитое потрясение полностью изменило меня. Я стал ценить время и пребывал в уверенности, что мы не должны медлить. Нужно хвататься за каждую удачную возможность, пользоваться любой счастливой случайностью, не отказывать себе в удовольствиях и крепко держаться за свое счастье. Да и почему мы должны были ждать? Я не видел никаких причин, за исключением прозаических проблем с деньгами и жильем, которые могли бы помешать нашему браку. Их просто не существовало. Вот мы и поженились. Свадьбу отпраздновали тихо, без особого шума. Мы поселились в моей прежней квартире, но сняли еще одну комнату, которую хозяйка дома с удовольствием согласилась сдавать нам, пока мы не сможем купить себе маленький дом. Мы были счастливы, как только могут быть счастливы молодые супруги, радовались обществу друг друга, мы не считали себя богатыми, но вместе с тем и бедными, у нас была работа, мы с надеждой смотрели в будущее. Мистер Бентли возлагал на меня все больше обязанностей, и мое жалованье постепенно росло. Что касается особняка Ил-Марш, имущества Драблоса, а также бумаг, о которых я умолял его не упоминать в моем присутствии, он выполнил мою просьбу, и я никогда больше не слышал о них.

Через год с небольшим после нашей свадьбы Стелла родила нашего первенца — сына, которого мы назвали Джозефом Артуром Сэмюелем, а мистер Сэмюель Дейли стал его крестным, поскольку являлся единственным человеком, напоминавшим мне о тех местах и событиях. И хотя время от времени мы встречались с ним в Лондоне, он никогда не говорил о прошлом. А сам я был так рад и так доволен своей жизнью, что совершенно забыл о случившемся, и кошмары почти не тревожили меня по ночам.

Я пребывал в благостном, счастливом расположении духа тем воскресным летним днем спустя год после рождения нашего сына. И оказался совершенно не готов к тому, что ждало меня впереди.

Мы отправились в большой парк, находившийся примерно в десяти милях от Лондона. Он располагался на землях, принадлежавших аристократической фамилии, но в летнее время на выходные парк открывали для посетителей. В воздухе витала праздничная, радостная атмосфера. По озеру скользили маленькие лодки, оркестр на эстраде играл

веселые мелодии, в ларьках продавали фрукты и мороженое. Люди семьями гуляли по залитым солнцем дорожкам, дети кувыркались в траве. Мы со Стеллой радовались жизни. Маленький Джозеф делал свои первые неуверенные шаги, держась за наши руки, и мы с родительской гордостью наблюдали за ним.

Стелла заметила среди многочисленных развлечений и аттракционов катание на ослике и на маленькой повозке, запряженной лошадью. Любой желающий мог проехаться вдоль аллеи, по обе стороны от которой росли высокие конские каштаны. Стелла подумала, что мальчику это понравится, и подвела его к послушному серому ослику, а я поднял сына и посадил его в седло. Но мальчик вдруг закричал, отпрянул и вцепился в меня, одновременно указывая на повозку и оживленно жестикулируя. Поскольку в повозке было место лишь для одного пассажира, Стелла взяла Джозефа на руки, а я стоял и наблюдал, как они весело покатали прочь от меня по дороге между величественными старыми деревьями, украшенными густой, роскошной листвой.

Некоторое время спустя повозка свернула, и они скрылись из виду, а я принялся праздно оглядываться по сторонам, рассматривая гуляющих. Тут-то я и увидел ее. Она стояла вдали от остальных людей, прижавшись к стволу дерева.

Я посмотрел на нее, а она — на меня. Ошибки быть не могло. Зрение не обмануло меня. Это была она, бледная, истощенная женщина в черном. Призрак Дженнет Хамфри. Секунду я глядел на нее, потрясенный, не веря своим глазам, затем весь похолодел от страха. Меня как парализовало, я буквально врос в землю. Мир вокруг меня погрузился во тьму, веселые крики детей стихли. Я не мог оторвать от нее взгляда. Ее лицо оставалось бесстрастным, но я снова почувствовал странную энергию, исходящую от нее. Это были злость, ненависть и горечь. Они буквально пронзили меня.

В тот момент, к моему глубочайшему облегчению, послышался стук колес, повозка возвращалась по дороге, освещенной лучами солнца. В ней сидела моя дорогая Стелла, держа на руках нашего сына, который подпрыгивал у нее на коленях, кричал и радостно размахивал своими маленькими ручками. Они были уже рядом, они почти доехали до меня, и я собирался помочь им выйти, а потом поскорее покинуть это место, поскольку мне не хотелось ни на секунду задерживаться здесь. Я приготовился. Повозка замедлила ход, когда проезжала мимо дерева, возле которого стояла женщина. Неожиданно женщина сделала резкое движение, словно собиралась преградить дорогу лошади, ее юбка зашелестела. Лошадь отпрянула и попятилась, ее глаза наполнились ужасом, а затем

сорвалась с места и с диким ржанием галопом помчалась между деревьев. Она будто взбесилась. В парке возникло внезапное замешательство, несколько человек бросились догонять повозку, дети и женщины закричали. Я кинулся бежать со всех ног и вдруг услышал жуткий удар и треск — лошадь и повозка врезались в ствол огромного дерева. Потом наступила тишина, та ужасающая тишина, которая длится всего несколько мгновений, но кажется, что проходит целая вечность. Спеша к месту трагедии, я оглянулся. Женщина исчезла.

Стеллу осторожно вытащили из повозки. Ее тело было изуродовано, шея и ноги сломаны, однако она все еще была в сознании. Лошадь лишь оглушило ударом, но когда повозка перевернулась, она запуталась в упряжи и не могла пошевелиться, поэтому лежала на земле, ржала и фыркала от страха.

Нашего сына выбросило из повозки, и он ударился о другое дерево. Его бездыханное тело лежало, съежившись, на траве.

На этот раз судьба не сжалилась надо мной и не лишила сознания, поэтому мне пришлось пережить каждую минуту этого кошмара. И каждый день, последовавший за ним, в течение десяти долгих месяцев, пока и Стелла не умерла от полученных увечий.

Я видел призрак Дженнет Хамфри, и ее возмездие свершилось.

Меня просили рассказать мою историю. Я сделал это. И доволен.

notes

1

Персонаж ирландского фольклора, злой дух, являющийся в образе женщины, чьи пронзительные крики или плач возвещают о скором несчастье. — *Здесь и далее примеч. пер.*

У. Шекспир «Гамлет», акт I, сцена 1. *Перевод П. П. Гнедина.*

3

Здания, в которых располагаются юридические корпорации Англии.

4

Один из рыцарей Круглого стола из легенд о короле Артуре.

5

Букв. «болотный угорь» (*англ.*).

6

Букв. «широко разинутый рот» (*англ.*).

7

Один из персонажей романа Ч. Диккенса «Большие надежды».

8

Картина известного английского художника-прерафаэлита
Дж. Э. Милле (1829–1896).

Table of Contents

Сьюзен Хилл	
Женщина в черном	
Сьюзен Хилл	
Женщина в черном	
Сочельник	
Лондонский туман	
Путешествие на север	
Похороны миссис Драбл	
По дороге Девять жизней	
Заблудившийся экипаж	
Мистер Джером напуган	
Паучок	
В детской	
Ты свисти — тебя не заставлю я ждать	
Связка писем	
Женщина в черном	
1	
2	
3	
4	
5	
6	
7	
8	